

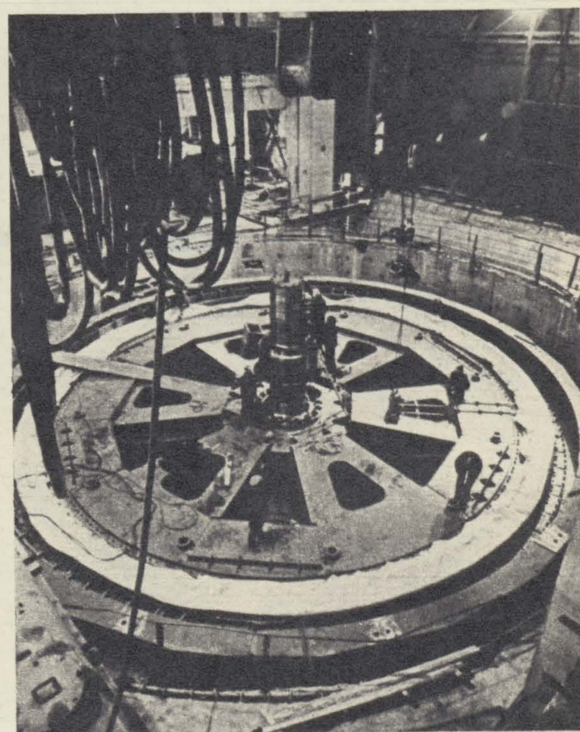
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

№ 16 АПРЕЛЬ 1979

Иван Константинович Артюшкин.

Монтаж первого энергоблока.

ВЫСОКОЕ НАПР

Кама-Камушка...

Они строят Нижнекамскую ГЭС.

ЯЖЕНИЕ

адреса великих свершений

А. ЩЕРБАКОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Он сам захотел так. Сам сказал Байкову: «Домой не поеду, отметим мое шестидесятилетие тут. Если не возражаешь — прямо на работе, в машинном зале». Байков не возражал. Знал, что ни в какое Балаково Артюшкина сейчас не отправишь. Начали возиться с колесом турбины, сроки поджимают, и хоть для семейного порядка на юбилей надо бы отлучиться, благо Саратовская область совсем близко, Иван Константинович стройку ни на день не бросит. Уговаривай ли, приказывай ли — бесполезно.

Ивана Константиновича Артюшкина поздравляли, как и условились, у того самого колеса, которое в нынешней его жизни наиглавнейшее.

— Знаете,— сказал мне потом Байков, руководитель монтажных работ (его монтажникам предстоит смонтировать шестнадцать агрегатов Нижнекамской гидроэлектростанции),— таким вот колесам Артюшкин тридцать лет уже право на труд обеспечивает, а они его могучей энергией питают.

Тридцать лет! Тогда, в юбилейный день, Иван Константинович вспоминал, как приобщался к гидростроительству в начале тридцатых годов на Свири. Там монтажными делами правили шведы, а он, подросток, учился, смотрел на священнодействующих специалистов и с безнадежной, казалось ему, смелостью становился мысленно рядом с ними, чтобы вдохнуть жизнь в удивительные машины, рождающие электричество.

И вот уже тридцать лет он собирает турбины, возглавляет бригаду турбинистов и считается одним из самых крепких умельцев в этой области.

— Видели, конечно, написанный красными буквами призыв пустить первый агрегат ГЭС к 22 апреля 1979 года? — обращается ко мне Байков.— В первую очередь он адресован нам. И мы должны доказать, что на Каме нас ждали не зря, что нам, Артюшкину, Серикову,

Продолжение см. на стр. 4

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 16 (2701)

14 АПРЕЛЯ 1979

В СЕРДЕЧНОЙ ОБСТАНОВКЕ

6 апреля в Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с членом Политбюро ЦК ВСРП, Председателем Совета Министров ВНР Д. Лазаром, прибывшим в Москву с кратковременным рабочим визитом.

Во встрече приняли участие:

с советской стороны — секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, заместитель Председателя Совета Министров СССР, постоянный представитель СССР в СЭВ К. Ф. Катушев, министр внешней торговли Н. С. Патоличев;

с венгерской стороны — заместитель Председателя Совета Министров ВНР, постоянный представитель ВНР в СЭВ Й. Марьян, посол ВНР в СССР М. Сюреш, заместитель председателя Госплана ВНР Д. Ковач.

Беседа А. Н. Косыгина и Д. Лазара подтвердила единство взглядов правительств СССР и ВНР по всем обсуждавшимся вопросам, а также их обоюдное стремление всемерно развивать и углублять братские отношения между двумя странами, основанные на принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма.

В этот же день Д. Лазар отбыл на родину.

На аэродроме его провожали А. Н. Косыгин, другие официальные лица.

Фото А. Гостева

ПРИЕМ В КРЕМЛЕ

7 апреля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле члена Политбюро ЦК партии Фронт национального освобождения, министра иностранных дел Алжирской Народной Демократической Республики Мохамеда Седдика Беняхья, прибывшего в СССР с дружественным рабочим визитом.

М. С. Беняхья передал от имени Генерального секретаря партии Фронт национального освобождения, президента АНДР Бенджедида Шадли устное послание Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

В ходе беседы состоялся обмен мнениями о перспективах дальнейшего развития отношений между Советским Союзом и Алжиром, а также по актуальным проблемам современного международного положения.

А. Н. Косыгин и М. С. Беняхья подтвердили решимость обеих стран продолжать совместные усилия для дальнейшего углубления дружественных советско-алжирских отношений и расширения взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Во время приема.

Фото В. Кузьмина (ТАСС)

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

10 апреля в Кремле состоялись переговоры Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Премьер-Министром Ямайки Майклом Мэнли, находившимся в Советском Союзе с официальным визитом.

В ходе переговоров, проходивших в деловой, дружественной обстановке, были рассмотрены вопросы советско-ямайских отношений в политической, экономической, культурной и других областях. Стороны с удовлетворением отметили, что отношения дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между обеими странами получают активное развитие. Значительно расширилась договорная основа советско-ямайских отношений в результате подписания межправительственных соглашений о торговле, экономическом и научно-техническом сотрудничестве, о морском судоходстве и воздушном сообщении и ряда других.

При обсуждении актуальных международных проблем большое внимание было уделено вопросам упрочения всеобщего мира, разоружения, разрядки международной напряженности, а также развитию международного сотрудничества на принципах равноправия и справедливости. Стороны отметили большой позитивный вклад, который вносят социалистические и неприсоединившиеся государства в антиимпериалистическую, антиколониальную борьбу народов, и подтвердили свою решимость бороться и дальше против колониализма и расизма, за ускорение социального прогресса освободившихся стран.

Фото А. Гостева

НА ОРБИТЕ «СОЮЗ-33»

КОСМИЧЕСКАЯ ДРУЖБА

Р. ГЕОРГИЕВА

Тогда был март. Ошалело кричали грачи, они рано в этом году прилетели в Звездный. Их было даже слышно в зале тренажеров в минуты, когда затихали голоса команд.

Третий час шла тренировка перед зачетными экзаменами. Люк тренажера плотно закрыт, два человека работали в скафандрах, как в полете, только без невесомости ох как тяжелы эти костюмы! Командир четвертого интернационального экипажа — дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Николай Николаевич Рукавишников и космонавт-исследователь, тогда будущий, Георгий Иванов, гражданин НРБ, майор Болгарской народной армии, отрабатывали один из фрагментов своего полета по программе «Интеркосмос». Все шло хорошо, и вдруг инструктор нажимает одну из красных кнопок. Вводит отказ? О, да еще какой — разгерметизация, значит, придется в срочном порядке садиться на Землю... А инструктор еще безжалостно добавляет: «Командир потерял сознание...»

Потом уже об этом эпизоде рассказывал мне Николай Николаевич:

— Слышу, что я потерял сознание, ну, условно, конечно. Значит, инструкторы решили проверить, сможет ли наш болгарский товарищ один управляться с кораблем, да еще в аварийной ситуации. Замер я в кресле и глаза зажмурил. Георгий возится с приборами, ворчит. Мне любопытно, что он там делает, потихоньку открываю один глаз и вижу: одно действие у него не то... Я шепчу: «Георгий, вот эту команду выдай». «Командир потерял сознание», — опять звучит строгий голос инструктора — я, мол, все вижу и слышу, не подсказывай. Георгий сам справился, благополучно посадил корабль. И я еще раз понял, что с ним можно идти в серьезный полет.

Георгий ИВАНОВ

Как и положено болгарину, он черноволос, на смуглом лице — огромные глаза и усы. Это у них в полку, где он служил, мода такая: все летчики, как один, усы отрастили.

Родом он из Ловеча. Городок этот маленький, живописно укрыт горами. Ловеч славен революционными традициями. Как раз напротив дома Ивановых в весеннем кипенье сирени — не зря город зовут «сиреневым» — стоит памятник Василу Левскому, национальному герою Болгарии. В Ловече Георгий жил до 18 лет, учился в политехнической школе, занимался в аэроклубе, помогал отцу ставить дом. Про таких людей, как отец космонавта, в Болгарии говорят: «дарба», то есть имеет дар божий, талантлив во всем, за что берется. Когда-то Иван Иванов пришел на электростанцию рабочим, а сейчас главный инженер по электроснабжению.

Армия, Высшее народное военно-воздушное училище имени Бенковского. Георгию первым из всего курса разрешили самостоятельный полет и в училище потом оставили инструктором. Он освоил самые современные самолеты, получил высший класс, водил за собой и звено и эскадрилью.

За 1990 летных часов у него не было ни одной неприятности. Нет, конечно, ситуации острые возникали, и не раз, но кончалось все всегда счастливо. Рукавишников объясняет это обстоятельностью характера Иванова, знанием техники, и не только по законам ее действия, а, так сказать, на слух.

На первый взгляд мне Георгий показался хмуроватым, сухим, даже угрюмым. С журналистами говорил скупо, в режиме «да» и «нет». А тут еще я услышала, как он условливался о встрече. Ему говорят: «Примерно в три часа, хорошо?» А Георгий очень серьезно отвечает: «Примерно — что это такое, я не понимаю. Пусть будет в пятнадцать ноль-ноль или в пятнадцать-пятнадцать».

Потом я спросила мнение Рукавишникова об Иванове. «Он, конечно, точный, выдержанный человек, но какой веселый, остроумный, песни любит петь. А вначале, пока его мало знал, думалось: трудно мне придется с таким напарником-несмеяной. Верьте, в первую неделю я опасался, что он даже улыбнуться не умеет. Но он быстро рассеял мои сомнения, просто он человек застенчивый по характеру. И какой добряк, какое чувство ответственности! Во всем, что касается техники, разбирается досконально. Именно эти качества помогли ему преодолеть все тяготы «земных орбит» и стать первым болгарским космонавтом».

Болгарские товарищи рассказывали мне о Георгии, как успешно он депутатствовал в Народном Совете, умел уладить любой конфликт. На праздники однополчане обычно собираются именно у него дома: такой он гостеприимный человек.

Николай РУКАВИШНИКОВ

В космонавты набирают людей недюжинных, о каждом из них есть что рассказать. Но все равно кому-то больше других отданы твои симпатии. Здесь я не исключение. Николая Рукавишникова любят все в отряде, все, кто с ним знаком. Врач-психолог как-то сказал, что если бы выстроить весь отряд и сказать: «Два шага вперед, кто хочет работать в космосе с Рукавишниковым, пожалуй, шагнули бы все».

Внешне на космонавта он не похож, скорее на ученого. Роста небольшого, в плечах узок, «кудрявым» зовут только в шутку. Глаза мягкие, добрые, с каким-то особым, внутренним светом, ему одному свойственным. Он насмешлив, но прежде всего подтрунивает над самим собой. Удивительно надежен. И скромен. Как-то посетовал, что нашумевший фильм не может посмотреть. «Помилуйте, — говорю, — да чего проще, в «Космосе», где этот фильм идет, ваш портрет висит, и хоть у касс народу полно, вам дадут билет вне очереди». «Да вот именно потому, что портрет висит, и неудобно», — ответил Николай Николаевич.

Международный экипаж космического корабля «Союз-33» — командир корабля, дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Н. Н. Рукавишников и космонавт-исследователь, гражданин НРБ майор Болгарской народной армии Г. Иванов в музее Звездного городка.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

Это скромность настоящего человека, мастера. Я помню, Шаталов о нем говорил, что Николай больше всего любит неисправные радиоприемники, а также решение проблем типа «как переделать ненужный пылесос в холодильник». Усовершенствовать все, что можно, решать уникальные задачи для тех, кто работает с космической техникой, — качества необходимые.

Рукавишников уже дважды побывал в космосе. Писали журналисты о нем много. Напомню вехи его жизненного пути — школа, Московский инженерно-физический институт, затем КБ Королева.

— Я имел несколько встреч с Сергеем Павловичем. Очень его уважал. Гигант, совершенно не от мира сего, — говорит Николай Николаевич. — Когда проработал десять лет и опыта поднакопил, написал я Королеву заявление: «В связи с тем, что задача космонавтов все более усложняется, мне кажется, что следовало бы подумать о том, чтобы начать готовить к полетам специалистов, которые сами непосредственно занимаются разработкой космической техники. Эти специалисты, вернувшись в свою организацию, могли бы принести большую пользу».

А дальше написал, что прошу рекомендовать меня на медицинскую комиссию.

Пришел в приемную. Народу много, стою в уголочке, секретарь спрашивает: «Что у вас? Заявление? О материальной помощи?» Я молчу, она взяла, прочитала и язвительно говорит: «Думаете, вы один такой умный? Да у меня уже четыреста таких заявлений». Однако Сергей Павлович на мое заявление наложил положительную резолюцию. Оказывается, он давно решил, что надо брать инженеров в космонавты. Меня направили на медицинскую комиссию. Врач даже оторопел, когда меня увидел: «Очень уж ты тщедушный!»

Космос манит космонавта, как море моряка, — продолжает рассказывать Николай Рукавишников. — Вот соберемся мы вечером и с таким удовольствием говорим о всяких неурядицах, неполадках, трудностях наших полетов. И как опять хочется лететь!

Он вообще замечательный рассказчик, талантливый публицист. Достаточно посмотреть по Центральному телевидению «Страницы отечественной космонавтики», передачу, которую он ведет. А послушайте детскую радиопередачу «На космических орбитах», в которой он постоянный участник! Мягко, с юмором рассказывает о житье-бытье в космосе, о всех нюансах подготовки, о проблемах, которые предстоит решать юным гражданам. «Значение выхода человека в космическое пространство настолько велико, что мы, современники этого события, видимо, не можем в полной мере дать ему надлежащую оценку. Только со значительного времени будет видно, что кривая развития человечества в исторический апрель 1961 года сделала резкий излом и круто пошла вверх», — считает он.

Сегодня Николай Николаевич на командирском кресле интернационального экипажа. К этому, третьему полету он с его громадным опытом не столько готовился сам, сколько учил, помогал своему болгарскому товарищу.

■

«Подъем!» — и серебристая громадина плавно отрывается от породившей ее Земли, взмывает ввысь. На картинке телевизора очень сосредоточенный Георгий Иванов и улыбающийся Николай Рукавишников. Он машет рукой, и губы шепчут привычные слова: «Счастливо оставаться!»

А с Земли, хоть они и не слышат, им тоже кричат бодрые слова и пожелания, чтобы все их рабочие планы, мечты и надежды сбылись.

Звездный городок.

Начало см. на 2-й стр. обложки

Нуриеву, ребятам из наших бригад — можно доверить сборку турбины.

Собрать турбину — это примерно то же самое, что сделать хирургическую операцию на сердце. С той лишь разницей, что сердце еще не живое и начнет оно биться или нет, станет ли здоровым — зависит от таких людей, как Артюшкин. Турбины приходят на стройку россыпью, как выражается Байков. Не знаю, что труднее собрать — маленькие дамские часики или гигантский агрегат (десять метров диаметр рабочего колеса, 400 тонн вес ротора), но работа монтажников в чреве турбины поистине ювелирная. Однако не столько тонкость работы, сколько уверенность в том, что сердце, когда подойдет срок, начнет биться, поразила меня в людях, которых привез сюда Александр Иванович Байков, только что «рассчитавшийся» с Зеей, человек такой же умелый и сильный, как его подчиненные и соратники, от отца-строителя он научился видеть смысл бытия в созидании на общее благо.

На вопросы журналистов отвечает начальник «Гидростроя» А. А. Быкадоров.

...Не стоит много говорить о том, как Нижнекамская гидроэлектростанция нужна гигантскому промышленному комплексу в Набережных Челнах и в здешнем индустриальном регионе. Но нельзя не отметить, что уникальность стройки, заложенная в идеях, проектах, стыкуется здесь с уникальностью коллектива, без чего, пожалуй, не свершилось бы то, что с полным основанием оценивается как подвиг на Каме.

Реки не любят, когда вмешиваются в их образ жизни, когда им пытаются диктовать, как обращаться со своим богатством. Сопротивляются, капризничают. Гидростроители, естественно, знают об этом и находят способы и средства укрощать норовистую стихию. Они знают, например, что воду, взбудораженную встречей с плотиной, надо успокоить, иначе она стремглав помчится вперед и, кипя яростью, начнет крушить, разорять свое же русло. Чтобы не позволить ей такого, у плотины делают огромный ковш: в нем вода некоторое время приходит в себя, а потом, погасив раздражение, продолжает путь.

В силу природных особенностей Камы гидростроителям пришлось рыть котлован под русло реки. Сама по себе задача не из простых. Но ведь вырыть котлован не все, нужно еще выстлать его бетоном. Существовавшая до сих пор технология укладки бетонного пола требовала чересчур много времени и по трудоемкости не вписывалась в графики строителей. Алексей Алексеевич Быкадоров, начальник «Гидростроя», долго искал вместе со специалистами иной, более подходящий для нынешнего дня вариант. Надо сказать, что строители Нижнекамской ГЭС усердно и дотошно изучали опыт сооружения гидроэлектростанций на равнинных реках — Саратовской, Чебоксарской... По ковшу тот опыт ничего нового не предлагал. «А почему,— рассудил Быкадоров,— ограничиваться опытом гидростроения?! Почему не попробовать перенести опыт строительства, скажем, КамАЗа,— использование свайных оснований при закладке фундаментов?» Обсудили, сделали расчеты, попробовали в своих условиях. Убедились: получится превосходно, если бетонное дно «прибить», как гвоздями, сваями к грунту. Прибили. Надежность — стопроцентная, технология — куда выигрышней прежней. А экономическая резонность, по подсчетам Быкадорова, такая: двести человек должны бы дополнительно работать два года, если б не новшество, не готовность пойти на риск.

Гидростроители в Набережных Челнах смело экспериментируют. И это помогает. Тем более там, где сложная стройка и подхлестывают сроки. А на Каме и то и другое. Для несведущего кажется тут куда проще, чем, например, в Саянах. Ничего подобного! Там кругом скальные основания, а тут мягкий грунт; там десять кубометров бетона в смену уложишь, а тут — один. Вот и ищут без устали строители, как лучше и быстрее.

Проектировщики исключали возможность применения гидромеханизации на земляных работах при сооружении шлюзов, утверждали, что нельзя «замывать» пазухи шлюзов с помощью земснарядов. А Быкадоров со своими людьми использовал земснаряды. Потом, как и в первый раз, выложил на стол убедительные цифры.

Все, кто вокруг Быкадорова, вот так же стараются делать свое дело.

Бригада Александра Михайловского вела монтаж перекрытий пола в машинном зале. Балки закидывали в помещение краном. А внутри с краном не развернуться. Вручную? «А если попробовать лебедкой?» — предложил бригадиру монтажник Александр Брянкин. Идея понравилась. Лебедка действительно выручила — за три часа управились с тем, на что без нее ушло бы не меньше смены...

— И что еще я бы отметил,— подводит итог нашему разговору Алексей Алексеевич Быкадоров,— люди в поиске быстро растут. Правда, мы тут тоже проверенной «технологии» придерживаемся: молодых к опытным прикрепляем. Эффект отменный! Есть у нас начальник участка Абдулла Шакирович Адельшин. В прошлом фронтовик. Двадцать шесть лет с энергостроительством связан. Мудрый, знающий и людей и профессию. А Александр Лосев — новичок, только что из института приехал. Мы не были уверены, что Лосев закрепится на стройке. Назначили его мастером к Адельшину. Теперь он уже прораб, патриот стройки первейший. Я в него очень верю.

А без веры тут нельзя. Стройка ответственная. В 1979 году намечено ввести четыре агрегата из шестнадцати. Но это лишь часть задачи. Преобразование Камы, появление в районе Набережных Челнов водохранилища позволит решить важную транспортную проблему на Волго-Камском маршруте. Сейчас морские суда переваливают свои грузы на речные. Подъем уровня воды в низовьях Камы даст возможность ходить судам типа «река — море» напрямую от Каспия до Перми.

...Только что вернулся из Москвы первый секретарь Набережно-Челнинского горкома партии Раис Киямович Беляев. И сразу к строителям: «Прибавьте напряжения на шлюзах, вот-вот откроется навигация, и страна не должна почувствовать, что с осени прошлого года Нижняя Кама совсем не та, что была. Страна должна почувствовать это, когда дадут ток турбины Нижнекамской ГЭС. И для этого тоже надо прибавить напряжение, 22 апреля страна хочет услышать голос первой турбины...»

Напряжение... А накануне Евгений Никанорович Батенчук, начальник производственного объединения «Камгэсэнергострой», читал московским журналистам стихи, которые написал во время войны. У кромки котлована возле плотины сладким ожиданием томили себя рыбаки. По-весеннему галдели птицы. И девчонки-бетонщицы, выходя из машинного зала, спешили подставить лица весеннему ветру, потому что чувствовали в нем радостный зов. Напряжение на стройке — это ее будни, в которых слышно отчетливо и твердо: да будет свет!

Набережные Челны.

■

Вооруженные до зубов солдаты врываются в арабские дома, хватают ни в чем не повинных людей, в тюрьмах издеваются и мучают заключенных борцов за освобождение своей попранной родины, в деревнях жгут и разрушают дома, в городах стреляют в демонстрантов. Время действия — наши дни, место действия — оккупированные Израилем арабские земли.

Уже более десяти лет продолжается незаконная оккупация Израилем арабских территорий. В застенках томятся тысячи патриотов. Среди них есть и подростки, есть и старики. Обвинения обычно стандартные: участие в мирных демонстрациях, распространение листовок, призыв к забастовкам и т. д.

Цели, которые преследуют сионисты, ясны: превратить практически все арабское население в послушных воле Тель-Авива людей. Однако власти не преуспели в этом. За последние годы на оккупированных территориях возникла мощная оппозиция режиму беззакония. Поэтому ужесточились и методы оккупантов. Многие журналисты, побывавшие на оккупированных Израилем арабских землях, отмечают: произвольные аресты арабов, запрет на свободу их передвижения, длительное содержание узников в тюрьмах в ужасающих, антисанитарных условиях, бесчеловечные пытки и издевательства над ними — все это там повседневная, будничная жизнь.

О К К У

Тель-авивские власти стремятся закрепить аннексию арабских земель, создавая там еврейские поселения. Для этого у них есть свой метод: ночью израильская солдатня врывается в жилища арабов, и, угрожая автоматами, изгоняет жителей с родных мест. Затем утром прибывают бульдозеры и экскаваторы, которые выкорчевывают виноградники, разрушают дома, сравнивают все с землей.

Отнятые земли либо передаются израильским поселенцам, либо превращаются в пустынные «бесплодные земли», где создаются оборонительные укрепления.

Силой, хитростью и вероломством сионисты отбирают земли у арабов, принуждают палестинцев к выезду в другие страны. Так, с начала оккупации арабское население Голанских высот сократилось со 130 тысяч до 13 285 человек. Около 200 тысяч палестинцев, пострадавших в связи с политикой конфискации земель, были вынуждены покинуть Западный берег реки Иордан.

После прихода к власти правительства Бегина притязания Тель-Авива на захваченные земли были официально подтверждены главой израильского правительства. Министр сельского хозяйства Шарон, являющийся также председателем министерского комитета по поселениям, так охарактеризовал главное направление правительственной политики: между Голанскими высотами на севере и сектором Газа на юге должны быть поселены два миллиона граждан еврейской национальности.

Все чаще и чаще поступают с захваченных Израилем арабских земель сообщения о ширящейся справедливой борьбе патриотических сил против оккупационного режима. Напуганные размахом народных выступлений, израильские власти пытаются силой подавить движение сопротивления, наращивают кампанию террора и жестоких репрессий.

В. ДУНАЕВ

П А Н Т Ы

Израильские солдаты в Наблусе на оккупированном Западном берегу реки Иордан.

Фото ТАСС

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В УГОДУ ВРАГАМ МИРА И ПРОГРЕССА

Николай НОВИКОВ

Перед человечеством в наше время стоят неотложные проблемы оздоровления международного политического климата, создания предпосылок для углубления разрядки, укрепления дела мира и социального прогресса. Прогрессивная мировая общественность, в авангарде которой стоят страны социалистического содружества, не жалеет сил для достижения этих благородных целей. Цели же китайских руководителей прямо противоположны, их политика — это политика великодержавного гегемонизма и экспансионизма. Позиция Пекина прочно сомкнулась с позицией империализма и антикоммунизма. Новым тому доказательством служит его решение не продлевать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключенный между Советским Союзом и КНР в феврале 1950 года.

Всем хорошо известно, какое огромное, жизненно важное значение имел этот договор для китайского народа. Он был заключен в то время, когда молодая республика остро нуждалась в помощи и поддержке для защиты революционных завоеваний и решения вставших перед нею задач экономического и культурного строительства. Кроме договора, были подписаны экономические соглашения. Эти документы создавали условия для решения как проблемы мирного строительства, так и защиты КНР от возможной империалистической агрессии.

СССР с самого начала твердо и последовательно выступал в защиту интересов КНР на мировой арене, эффективно помогал народной республике давать отпор попыткам вмешательства в ее дела со стороны империалистических сил... Разве может забыть китайский народ о том, что в тяжелое для КНР время 1950 года, когда страна находилась в состоянии полной хозяйственной разрухи и над ней нависла угроза прямого военного вторжения укрывшихся на Тайване гоминьдановских войск с участием США, заключение советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи явилось для КНР неоценимой интернационалистской помощью?

Однако после VIII съезда КПК группа Мао Цзэдуна совершила и во внутренней и во внешней политике головокружительный поворот, раскрыв свою антисоциалистическую, антинародную сущность. Во внешней политике маоисты круто взяли курс на отход от совместной с Советским Союзом, другими странами социализма борьбы за мир и безопасность, против угрозы новой мировой войны. Маоисты открыто встали на путь великодержавного шовинизма и гегемонизма, территориальных притязаний к соседним государствам, на путь вражды к СССР и другим странам социалистического содружества. Насколько авантюристической стала политика правящих кругов Пекина, насколько низко пали они, предав интересы социализма, показала позорная агрессия Китая против Социалистической Республики Вьетнам.

Социалистические государства решительно осуждают враждебные миру и социализму идеологию, политику и практику маоизма. «Мы глубоко убеждены,— подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев на московском Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году,— что не на путях борьбы против СССР и других стран социализма, против всего коммунистического движения, а на путях союза и братского сотрудничества с ними может быть достигнуто подлинное национальное возрождение Китая, обеспечено его социалистическое развитие».

Как справедливо отмечают обозреватели, в советско-китайском договоре Пекин видит помеху для своих планов сколачивания «единого широкого фронта» борьбы против мирового социализма. «Односторонняя акция Пекина, решившего не продлевать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР,— писала пражская газета «Руде право»,— это новое звено на пути предательства тех принципов, на которых три десятилетия назад китайский народ начинал строить Китайскую Народную Республику». Эту же мысль подчеркивает и ханойская газета «Нян зан», отмечая, что китайские руководители вступили в союз и с США, и с Японией, и со всем империалистическим лагерем, развязали агрессивную войну против Вьетнама, выступают против всех революционных сил мира.

С откровенным ликованием встретили эту антисоветскую акцию те круги капиталистических стран, которые делают ставку на использование «китайской карты» в борьбе против социализма и национально-освободительного движения. Но в странах капитала звучат и трезвые голоса тех, кто видит в зигзагах пекинского внешнеполитического курса опасные последствия. Многие японские газеты, например, отмечают, что разрыв советско-китайского договора осложнит международную политическую обстановку, особенно в Азии. Комментируя решение Пекина, газета «Акахата» указывает, что Китай объявил Советский Союз своим главным врагом и протянул руку американскому империализму и японской реакции. Газета «Асахи» пишет, что ликвидация договора чревата опасностью возникновения нестабильности в Азии, и Япония не может радоваться лишь тому, что Китай прекратил враждебное отношение к Японии.

«В Советском Союзе неизменно сохраняется глубокое уважение к китайскому народу, к его истории и культуре,— говорится в Заявлении Советского правительства.— Не существует объективных причин для отчуждения, а тем более противоборства народов наших двух стран. Никакие старания противников советско-китайской дружбы, никакие попытки вытравить из памяти народной, перечеркнуть все то позитивное, что было накоплено за годы братского сотрудничества между двумя странами, построить стену вражды между народами Советского Союза и Китая не принесут им желаемых результатов».

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

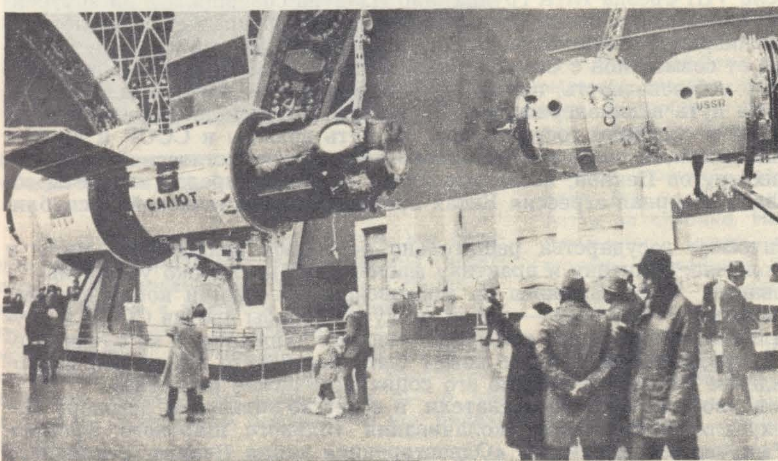

В ЧЕСТЬ ПРАЗДНИКА ТРУДА

ТАДЖИКИСТАН

Одна из лучших ткачих города Иванова, Елена Смирнова, приехав по приглашению друзей в Душанбинское производственное хлопчатобумажное объединение, была изумлена расцветками тканей, выпускаемых таджикскими мастерицами. Представительница северного текстильного края искрен-

СЛОВА ИЗ КОСМОСА

На Выставке достижений народного хозяйства, в павильоне «Космос», в разноязыкой туристской речи звучат русские слова «спутник», «луноход», «стыковка». В статье директора Института русского языка АН СССР Ф. П. Филина сообщалось: «...у нас защищена кандидатская диссертация о космической терминологии. Ею пользуются создатели межпланетных кораблей».

...Звездолет и лингвистика. На первый взгляд между этими понятиями нет ничего общего. Но вот в руках небольшая книжечка — автореферат диссертации с любопытным названием: «Космическая лексика в русском литературном языке». Автор ее, сотрудник Ленинградского отделения института языкознания АН СССР Нина Павловна Пеньковская, исследует пути-дороги вживания в наш обиходный язык слов, будто пришедших из Космоса.

Например, «звездолет». Долгое время его можно было встретить лишь в фантастике. Теперь оно вошло и в научную литературу, и в публицистику, и в речевой обиход. Русское «звездолет» обогнало в популярности синонимы иностранного происхождения.

Слово «луноход» известно всему миру и не требует перевода. Интернационализация продолжается. По данным агентства «Киодо Цусин», слово «луноход» сразу же вошло в лексикон японцев. «Лунная повозка — луноход», — пишет английская газета «Морнинг стар», а французская «Юманите» публикует пояснение: «луноход» — от глагола «ходить», «ходит». В английском языке слово «спутник» даже образовало несколько производных: «спутпап» — собака, летавшая на спутнике.

Космодром, космовидение, лунолет, астронавт, закрутка, стыковка, отстрел... Стремителен процесс переселения этих слов в нашу жизнь. Сфера применения их расширяется. Прилагательное «лунный», прежде принадлежавшее поэтам, ныне соединилось с реальными понятиями: лунный грунт, лунный отсек, лунная станция. И может быть, скоро в наш язык войдут такие слова, как «космобиолог», «космопсихолог», «планетоход», «луномобиль», «лунодром»...

К. ФЕДОРОВА

На снимке: в павильоне «Космос».

ЗАГЛЯНУТЬ ЗА ГОРИЗОНТ

МОСКВА

Неизвестно, кто первым из землян воскликнул: «Где я?» Но однажды пробудившееся сознание заставило человека определиться не только во времени, но и в пространстве. По-видимому, карта — одно из величайших изобретений человечества, такое же, как хлеб и колесо... Она укрощает пространство и как бы поднимает человека над его владениями, помогает заглянуть за горизонт и определиться на местности с помощью точек координат.

Знаменательно, что одним из самых первых после университета учебных заведений в нашей стране было именно Землемерное училище, открытое в самом центре Москвы. Было это в мае 1779 года.

200 лет исполняется бывшему Землемерному училищу, ныне Московскому институту инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. В его двухвековой истории немало замечательного. В 1835 году училище преобразовали в Межевой институт, реорганизованный уже после Великого Октября в Московский геодезический институт. А размещался он с 1873 года и размещается поныне в бывшей городской усадьбе Демидова, построенной по его заказу и по проекту гениального зодчего Матвея Казакова. Первым директором Межевого института был писатель С. Т. Аксаков, а словесность здесь в то время преподавал сам В. Г. Белинский.

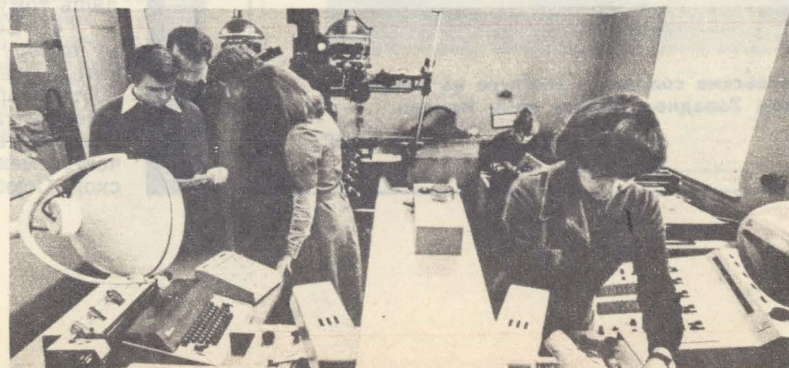
Студенты этого института — сокращенно он называется МИИГАиК — не без гордости поют: «Даже там, где не прошел еще геолог, давно уже прошел геодезист!» Человек с теодолитом каждому знаком, он стал живым символом новостроек и появляется там, где быть новым городам и месторождениям, новым дорогам и рукотворным морям. Более пяти тысяч студентов готовятся сегодня стать специалистами по астрономо-геодезии, картографии, морской геодезии и аэрофотосъемке, исследователями природных ресурсов. И даже инженерами по космической геодезии. Да и земные карты требуют постоянных уточнений и обновлений. Ученые института обеспечили современными приборами отечественное топографо-геодезическое производство, они провели исследования по теории фигуры Земли, с их помощью выполнен рисунок Герба СССР. В институте создана уникальная научная школа по графике и оформлению карт. Под руководством ректора института, профессора В. Д. Большакова впервые в мире произведена фотосъемка Луны с космических кораблей, внедрена методика фотосъемки нашей планеты с космических кораблей «Союз» и орбитальных станций «Салют». Впервые в мире здесь созданы топографические карты обратной стороны Луны. Вот что такое современный инженер-геодезист, праправнук уездных землемеров.

Где бы ни работал сегодня геодезист, он, конечно, вспомнит о своем институте на Земляном валу в Москве. Там новое поколение студентов познает истину: «Страну свою без карты нельзя ни изучить, ни защитить».

Н. БЫКОВ

На снимке: в лаборатории универсальных приборов.

Фото Г. Копосова

не позавидовала ярким тонам новых душанбинских тканей, отмеченных государственным Знаком качества.

— Своим успехом мы обязаны социалистическому соревнованию с работницами Ивановской фабрики имени Балашова, которые на протяжении многих лет оказывают нам всестороннюю помощь,— так прокомментировал этот факт генеральный директор объединения Ш. Сияров. И добавил: — Если в 1978 году наше объединение отправило покупателям три с половиной миллиона метров тканей со Знаком качества, то уже в нынешнем году даст семь миллионов.

Много производственных побед одержали за минувшие годы соревнующиеся коллективы: здесь стали полнее использовать резервы, усилился режим экономии, повысились организованность и дисциплина. Но главное — участие в соревновании стало долгом каждого рабочего, дополнительным стимулом в повышении эффективности производства и качества работы.

Сейчас внимание обоих коллективов приковано к соревнованию между Еленой Смирновой и кавалером ордена Ленина Кутбией Курбановой, год назад завершившей выполнение личного пятилетнего задания. Тогда Смирнова отстала от знатной таджикской ткачихи, но, вернувшись домой, взялась обслуживать 17 сторонок (почти вдвое больше нормы) и сегодня опережает свою именитую соперницу.

Ко дню Всесоюзного ленинского коммунистического субботника обе ткачихи обязались досрочно завершить задание первого полугодия.

В. ЗАСЕЕВ

На снимке: Елена Смирнова (слева) и Кутбия Курбанова. Фото автора

НА СРЕДСТВА ОТ СУББОТНИКА

РИГА

Самый большой в Прибалтике родильный дом построен в Риге на средства, заработанные во время всесоюзных коммунистических субботников.

Родильный дом рассчитан на 350 мест. Он оснащен новейшим медицинским оборудованием, прекрасными операционными залами, современным анестезиологическим отделением. Авторы проекта и строители предусмотрели максимум удобств для малышей и их мам. Есть здесь и специальные палаты интенсивной терапии. Малыши размещаются по двое в отдельных боксах. Удобные, светлые двухместные палаты с ванной и туалетной комнатами предназначены и для рожениц. У каждой пациентки — персональный телефон, по которому можно вести разговоры с посетителями. В просторных, уютных холлах приятно отдохнуть от обстановки больничной палаты, почитать свежие газеты, посмотреть цветной телевизор.

Родильный дом стал крупной научной базой республики. Центр иммунологических исследований проводит здесь большую экспериментальную работу. В Латвии разработан и создан иммуноглобулин для профилактики оздоровления потомства.

Рижский родильный дом не единственное медицинское учреждение Латвии, построенное на средства коммунистических субботников.

Т. ЯССОН

ВОРОШИЛОВГРАД

ЭХО ВРЕМЕН ПОЛОВЕЦКИХ

Каменные идолы, бабы, балбаны... Почти тысячелетие стояли они в донецкой степи, вызывая трепет и поклонение. Чего только не довелось им видеть! Набеги лучников «безбожного и окаянного Кончака со множеством половцев, который хотел пленить грады русские», нашествие Золотой орды, славные походы запорожских казаков... Каких только имен не давали этим изваяниям, сколько любопытных легенд связано с ними! В далеком прошлом разбросанные во множестве по широким степным европейским просторам, они давно уже привлекали к себе внимание ученых и путешественников. Одним из первых упоминает о них великий азербайджанский поэт Низами.

...Прошли века. Теперь уже не так часто встретишь эти своеобразные памятники истории древних степных народов. Велика ценность каждого из них, и потому они были собраны в одно место. Недавно на территории Ворошиловградского педагогического института имени Тараса Шевченко открылся парк-музей каменных изваяний под открытым небом. Под руководством археолога Константина Ивановича Красильникова, при активном участии преподавателей и студентов исторического факультета сюда доставлено более пятидесяти статуй.

Одни экспонаты были найдены в оврагах, другие — в фундаментах старых зданий. Вот огромная статуя — высотой до четырех метров и весом около трех с половиной тонн, на которой даже стоял небольшой мост через реку.

Теперь парк-музей каменных изваяний — один из интереснейших пунктов в маршрутах любителей истории и археологии Ворошиловграда и гостей города.

М. БЕРЕЖНОЙ, фото В. Лесного, корреспонденты «Ворошиловградской правды»

На снимке: в одном из уголков парка-музея проводят исследование студенты-археологи.

СЪЕЗД КОМПОЗИТОРОВ РОССИИ

В Москве в Колонном зале Дома союзов собрались делегаты IV съезда композиторов РСФСР. Они подведут итоги творческой деятельности за прошедшие пять лет, обсудят пути дальнейшего подъема советской музыкальной культуры.

В работе съезда принимают участие товарищи П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, представители партийных, советских, профсоюзных организаций, творческих союзов.

С отчетным докладом правления Союза композиторов РСФСР выступил председатель правления Р. К. Щедрин.

На съезде выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев. Он передал участникам съезда сердечное приветствие и пожелания больших творческих успехов от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнева.

IV съезд композиторов, сказал оратор,— важное событие в культурной жизни Российской Федерации. Основанное на общих для всей советской культуры ленинских принципах, на испытанном методе социалистического реализма, российское музыкальное искусство характеризуется сегодня идейно-художественной зрелостью, высоким уровнем профессионального мастерства.

Фото В. Савостьянова (ТАСС)

«СОВЕТСКОМУ ВОИНУ»— 60 ЛЕТ

Журнал «Советский воин» знают и любят и те, кто сегодня носит погоны, и те, кто их уже снял, и те, кто еще носил буденовки. Он всего годом моложе своей родной армии, «несокрушимой и легендарной»: родился в апреле 1919-го и до 1947-го именовался «Красноармеец». С его страниц впервые прозвучало обращение Владимира Ильича Ленина «К товарищам красноармейцам».

Эпический образ революции и ее защитника предстает на страницах журнала в слове видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства: М. Калинина, Н. Подвойского, М. Фрунзе, К. Ворошилова, С. Буденного, А. Луначарского и других.

«Журнал «Красноармеец», — писал в 1925 году нарком и председатель Реввоенсовета СССР М. Фрунзе,— по роду своей революционной службы занимает очень важное место. Он — единственный в Красной Армии массовый красноармейский журнал... он учит... на примерах прошлого, воспитывает на фактах настоящего. «Красноармеец» стал любимым и наиболее читаемым журналом красноармейцев. Это большой успех. Его надо развивать и закреплять».

Ко многому обязывающая оценка. И журнал оправдывал ее. Одним из первых его редакторов был Дм. Фурманов, а постоянными авторами — М. Горький, Д. Бедный, А. Серафимович, В. Брюсов, Н. Асеев, А. Новиков-Прибой и другие. Традиция связи воинского журнала с ведущими писателями постоянно укреплялась: в редколлегии журнала работали Мате Залка, поэтический отдел вел С. П. Щипачев.

В годы Великой Отечественной в «Красноармейце» активно сотрудничало более двухсот пятидесяти прозаиков, поэтов, композиторов, художников. С его страниц звучали голоса М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, Вс. Вишневского, Вяч. Шишкова, С. Сергеева-Ценского, П. Павленко, Б. Лавренева, К. Паустовского и другие, чей талант обращался к самым глубоким патриотическим чувствам воинов, окрылял на беспощадную борьбу с фашистскими захватчиками. Свою поэму «Василий Теркин» А. Твардовский завершил в редакции журнала, куда с этой целью в 1943 году он был прикомандирован приказом начальника Главпура. Со страниц «Красноармейца» Василий Теркин зашагал к Победе по дорогам войны...

«Поместить свое произведение на страницах «Советского воина» я всегда считал для себя большой честью, — писал Н. С. Тихонов.— А во время Великой Отечественной войны, неоднократно печатаясь в журнале, я был горд сознанием, что как литератор своим оружием — пером — участвую в общенародном труде, служа делу нашей окончательной Победы над смертельным врагом свободных народов — над фашизмом» (строки эти написаны Н. С. Тихоновым 7 февраля 1979 года, перед самой кончиной).

«Советский воин» ныне — на высоте задач времени: в его боевой авторской обойме видные военачальники и политработники, ученые и журналисты. Плечом к плечу с армейскими и флотскими литераторами выступают на его страницах известные советские прозаики и поэты: Г. Марков и В. Кожевников, О. Гончар и М. Алексеев, К. Яшен, А. Коптяева и В. Закруткин, И. Шамякин и Р. Гамзатов, М. Колесников, Г. Семенихин и Э. Межелайтис и многие другие.

Он молод, наш «Советский воин», молод юностью Вооруженных Сил: армия и флот — всегда эстафета молодости. Героика великого прошлого и боеготовность современности постоянно озаряют его страницы. Это делает журнал дорогим и желанным сердцу миллионов читателей и в первую очередь «человека с ружьем».

Полковник Александр КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

Два дня сиял огнями Дворец культуры «Энергетик». Два дня здесь проходили торжественные вечера по подведению итогов соревнования на призы «Огонька» — в девятый раз у строителей, в первый раз — у камазовцев...

ВСТРЕЧИ В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Приз в надежных руках механизаторов и водителей.

Бригада Рустема Хайбуллова — первый лауреат КамАЗа.

Поет Ольга Бузина.

Играет Анатолий Беляев

СТРОИТЕЛИ

Иногда цифры звучат, как музыка. Ну как не радоваться: всего пять лет назад, в начале соревнования, было двадцать бригад, работающих на подряде, сегодня — триста, и объем освоенных ими за это время средств — 175 миллионов рублей! Когда Е. Н. Батенчук, начальник производственного объединения «Камгэсэнергострой», назвал в своем докладе эти цифры, зал взорвался аплодисментами. Но вот что особенно важно. Недавно здесь родилась качественно новая форма бригадного подряда.

В чем ее сущность?

Известна знаменитая орловская непрерывка — ведение строительных работ по перспективному, заранее рассчитанному плану надолго вперед. Строители Набережных Челнов, много раз зарекомендовавшие себя неутомимыми новаторами, и тут пошли на смелый эксперимент: проведя глубокую инженерно-экономическую подготовку, обогатили бригадный подряд непрерывным планированием. И где? На самых, казалось бы, трудно учитываемых работах — земляных! Фронт этих работ после сдачи первой очереди КамАЗа нисколько не уменьшился — индустриальный центр на Каме продолжает развиваться бурно. Неудивительно, что на этот раз приз журнала завоевал коллектив механизированного комплекса имени XXV съезда КПСС, наиболее успешно освоивший эту систему. Начальник его А. Н. Шаров, принимая приз, сказал:

— Мы получаем план работы на целый год вперед. Можем оперативно маневрировать техникой, забыли, что такое простои, исчезли неоправданные перегоны машин и механизмов. В результате в прошлом году выполнили план к первой годовщине новой Конституции СССР, сэкономили 23 тысячи рублей.

Вот так работают на стройке современные механизаторы и водители, наследники грабарей и землекопов первых пятилеток, знавших лишь кирку и лопату. Сегодня в Управлении механизации строительства четыре пятых объема земляных работ выполняются комплексами, перешедшими на систему непрерывного подряда. Остается пожелать, чтобы их опыт стал достоянием других подразделений «Камгэсэнергостроя».

Вторая премия «Огонька» присуждена бригаде Павла Комиссарова из СМУ-61 ДСК.

КАМАЗОВЦЫ

А на КамАЗе приз «Огонька» — новосел. В результате острого соперничества его завоевала бригада Рустема Хайбуллова с агрегатного завода. Заместитель председателя жюри, главный редактор журнала «Огонек» А. В. Софронов вручил ей приз, выполненный лучшими стеклодувами Дятьковского хрустального завода по специальному заказу журнала.

Вторая премия — переходящий вымпел «Огонька» вручен был бригаде Евгения Вареника.

Борьба за премии развивалась бурно. Все думали, что одна из них непременно достанется бригаде Шауката Хуснутдинова, одной из лучших на автосборочном заводе. Шаукат пользуется большим авторитетом, активист и именно поэтому был избран в состав жюри соревнования бригад по качеству. Его фотографию — он работает на линии главного конвейера — опубликовал «Огонек», а потом она появилась на плакате, выпущенном издательством «Правда» для камазовцев.

Но вот пришло время подводить итоги. Неумолимо строгие комиссии на всех семи заводах — в их составе специалисты управления качеством — придирчиво отбирают претендентов. Работы им предостаточно: в соревнование по качеству включились сотни бригад. К первому туру были допущены десятки бригад, после второго тура осталось двенадцать. У Хуснутдинова обнаруживается весьма опасный соперник — бригада Евгения Вареника, тоже с главного конвейера: у обоих одинаковые показатели по всем статьям. И работают бок о бок.

Под председательством технического директора объединения Б. В. Каминского заседает жюри. Перед каждым членом жюри длинные, разграфленные на 48 столбцов листы. В них учтено все — от выполнения плана и сдачи продукции с первого предъявления до оценок обучающихся в школах, техникумах и вузах. Словом, полный портрет и, если хотите, биография бригады. Наконец, предоставляется слово самим бригадам.

Надо было видеть и слышать, как вставали бригадиры со своих мест, подходили к председательскому столу и в высшей степени квалифицированно, с детальными выкладками и аргументами, которые невозможно было учесть в баллах, защищали свои коллективы. Это напоминало выступления оппонентов на защите диссертации.

К последнему, третьему туру допущены были семь бригад. Спор Хуснутдинов — Вареник решился весьма неожиданным образом: сам Шаукат предложил вывести свой коллектив из числа кандидатов на премии. Он как член жюри считает, что премию следует присудить бригаде Вареника. Так и сказал. На этом эпизоде особо остановился в своем ярком докладе на торжественном вечере Б. В. Каминский:

— В кульминационный момент проявились лучшие качества Хуснутдинова, его высокая сознательность, требовательность и воля. Этот человек является типичным представителем рабочего класса. Побольше бы таких бригадиров!

* * *

Творческая группа «Огонька» встретилась с первым секретарем Набережно-Челнинского ГК КПСС Р. К. Беляевым, с партийными и профсоюзными работниками города и руководителями стройки.

Городской комитет партии наградил журнал «Огонек» почетной грамотой «...за большой вклад в развитие социалистического соревнования среди строителей, заводчан и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся».

* * *

В Набережных Челнах на этот раз побывали член редколлегии «Огонька», редактор международного отдела Ю. П. Попов, корреспонденты журнала Г. В. Куликовская, А. Д. Щербаков и фотокорреспондент Н. Ф. Козловский.

Тепло встретили строители и камазовцы выступления лауреатов международных и всесоюзных конкурсов Ольги Бузиной и Анатолия Беляева, а также концертмейстера Ирины Соловьевой, приехавших в Набережные Челны в составе творческой группы «Огонька».

К. Брюллов. 1799—1852. ДЕВУШКА, СОБИРАЮЩАЯ ВИНОГРАД В ОКРЕСТНОСТЯХ НЕАПОЛЯ. 1827.

Государственный Русский музей.

Д. Левицкий. 1735—1822. ПОРТРЕТ Г. И. АЛЫМОВОЙ. 1776.

Государственный Русский музей.

Рамз БАБАДЖАН

КРАЙ КАРЕГЛАЗЫЙ

Два года назад мне довелось побывать в Болгарии. Эти недолгие в долгой жизни дни памятны мне прежде всего потому, что были они заполнены встречами с друзьями. Цикл стихов «Край кареглазый» я написал тогда же, в Болгарии.

Автор.

НА ПУТИ В БОЛГАРИЮ

Режут облако блесткие крылья,
ровным гулом прочерчен полет...
И земли моей тонкою пылью
неприметно покрыт самолет.

Пыль Отчизны!..
Представлю — и разом
сознаю в голубой полумгле:
пристегнувшийся к креслу —
привязан
я тем самым и к отчей земле!..

Нет привязанности дороже,
нет устойчивости верней!..
И подспудная смута дороги
потихоньку стихает во мне...

●

Словно сумерки пали в долину —
дымен моря отрезок немой.
И луна серебром одарила
темный бархат со снежной каймой.

Свет низринут незримой лавиной.
Даль в единую гамму слита.
Но мгновенье — и неуловимо
вся картина меняет цвета.

Мир извечно — в тревоге исканья.
И в итоге
я вижу:
у ног
стебелек прорастает из камня,
вырастает из камня цветок...

ВЕЧЕРОМ

Иордану Милеву

Солнце устало нырнуло на дно,
тени ползут и крепчают.
Вечер вплетает в свое полотно
гам и смятение чаек.

Кажется, то же смятенье во мне...
Но, огороженный тенью,
всем, что я чую в себе и вовне,
одолеваю смятенье.

В час, когда свет неспособен светить,
слуху — молчанье не мило,
вновь постарайся себя ощутить
частью бессмертного мира.

Очи, вобравшие мир, не пусты!
И не по той ли причине
видишь ты радостный отсвет звезды
в окнах,
где свет не включили?

КРАСНЫЙ АВТОБУС

Красный автобус, зеленые склоны,
черные скалы над морем...
Едем по этой дороге зеленой
в свете лимонном.

Мчимся в огромную стену заката,
в мир, ослепляющий очи.
Вот и весна нам
букет свой богатый
тянет с обочин.

Новые, новые лица, наречья —
спереди, около, рядом.
Краткому чуду негаданной встречи
сердце так радо.

Легкое сердце парит невесомо,
как у родного порога.
Видно, не только столицы и села
сблизит дорога.

Путники, путники...
Все мы въезжаем
в дружбы высокую область!
Мчит по дорогам зеленого мая
красный автобус.

ИВА НА БЕРЕГУ

Дождь уходит в радужную арку.
Небосвод — прозрачнее стекла.
Берега сияющую карту
смуглые усеяли тела.

Блик с волны срывается, как искра,—
влажный мир зажечься не готов,
и к тому же ветер затаился
где-нибудь в объятиях цветов.

А вдали от берега,
стыдливо
хороня усталые мечты,
вдовая, потерянная ива
стынет среди пышной красоты.

Локоны повисшие печальны,
отсвета на листьях не найти.
Мчатся к ней отчаянные чайки —
и летят обратно с полпути.

Пусто,
пусто,
пусто рядом с нею,
море однотонно говорит.
Может, ей с того еще грустнее,
что над миром
радуга горит?..

●

Море вздрогнуло, чайки взлетели...
Или чья-то бездонная мысль
встрепенулась в немом запустеньи
и слова неумело взвились?

Солнце выплыло краем громадным,
низким ветром мне очи слепя,
и за свежим цветов ароматом,
мне казалось,
я встречу тебя...

У СТАЛЕВАРОВ

Вот побывал я
и у сталеваров.
Видел, как варят болгарскую сталь.
Нет, незаметно, чтоб устаревала
эта стальная
рабочая стать.

Что-то в них общее, в рыцарях стали!..
Нет, не в забралах —
в лицах, глазах...
Труд их, ей-ей, молодит, а не старит,
учит вперед их смотреть,
не назад.

Глянешь — и видишь:
какое же благо —
будней рабочих страницы листать!
Вот и похоже,
что каждая плавка
только крепит
богатырскую стать...

НА ШИПКЕ

Пламя на Шипке — дым на Балканах...
Впрочем,
и сам убедиться изволь:
где-то доселе осталась в болгарах
горьких столетий
щемящая боль.

И ночевали здесь и дневали
орды насилия
и беды.
Много несчастий болгары знавали.
Многих захватчиков смыли следы...
Била судьба неуемной рукою,
лучшие гибли — тужи не тужи!
Слезы текли полноводной рекою,
а не вода
по долине Тунджи.

Сколько печалью страниц ни заполнишь,
сколько ни вспомнишь
трагических дат!..
Так бы и шло,
но явилось на помощь
братство исконное
русских солдат.

Сами на Шипке снимаются шапки
перед обилием славных примет.
Выше при каждом возносится шаге
вечной признательности монумент.
Пламя на Шипке — свет на Балканах!
Тут убеждается,
впрочем,
любой:
вечно она остается в болгарах —
эта признательность их
и любовь.

Трудно история наша вершится,
вновь,
как домой,
возвращаясь сюда.
В этом столетии видела Шипка
подвиги те же
и тех же солдат.
Шрамы видны и свидетельства вески
хоть не измерить тягот
на вес...
Словно за Родину, воин советский
бился под сводом
болгарских небес!

Сколько их пало — рядом и кроме!
Горечь и гордость
идут сквозь года...
Символом вечным братства по крови
памятник славный
возносит гора.

ВАРНА, ПРОЩАЙ!

Варна,
прощай!
До свиданья!
Мы остаемся на «ты».
Пусть под другими следами
наши не сгинут следы.

Срокам истекшим покорный,
я уезжаю назад,
но протянул в тебе корни
памяти радостный сад.

В круглом окошке монетном
чайка мелькнет невзначай,
море становится небом...
Варна, прощай!

Перевел с узбекского
А. НАУМОВ.

«Отличные машины пришли в Киембай из ГДР»,— говорят крановщики А. Тырнов (слева) и В. Корнилов.

СЭВ в действии — растут корпуса Киембаевского асбестового горно-обогатительного комбината.

Белыми играет Николай Михайлович Липский, черными — дочки Люда и Света.

Н. КРЫЛОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

У меня в руке зеленоватый камень с белой прожилкой, которая состоит из отдельных нитей. Только спрессованы они не вдоль самой прожилки, а поперек. Отковырнешь такое шелковистое волоконце, дунешь, и взлетит оно с ладони, как пушинка одуванчика. Это асбест. Удивительный материал. Других таких не создано ни в природе, ни в научных лабораториях. Не горит, выдерживает действие кислот и щелочей, некоторые виды асбеста можно прясть. Потому и называют его горным льном или каменной куделькой. Нить из асбеста прочнее стальной проволоки. Знали его еще в глубокой древности — из него делали фитили для светильников. В одной книжке я вычитала, что крепостные горнозаводчика Демидова соткали из асбестовых нитей скатерть. Ее бросили в огонь, а

КИЕМБАЙ — БОГАТАЯ

когда вынули, она осталась целой и невредимой — по тем временам совершеннейшее чудо. Поистине чудесные свойства этого минерала делают его незаменимым и в наши дни.

«Степь да степь кругом» —эти слова из песни так и крутятся в голове, пока мы едем с аэродрома в Оренбург. Вокруг ровное пространство, изредка простроченное щеточками лесных полос. Только везет нас не ямщик, а шофер. К гостям, что приезжают в Оренбург, он относится без особого удивления.

— Про газопровод «Союз» будете писать?

Вопрос закономерный. Ведь отсюда берет начало газовая река, что идет к Западной границе СССР, а оттуда путь ее в братские страны социалистического содружества. Здесь, на востоке области, находится и другая важнейшая стройка СЭВа — Киембаевский асбестовый горно-обогатительный комбинат.

Название «Киембай» означает «богатая одежда». Минерал этот есть в одежде космонавтов и пожарников, в обшивке ракет и самолетов, в театральном занавесе, в бумаге денежных знаков и в фильтре сигарет. Если перечислять все, где он применяется, больше двух тысяч названий наберется.

Асбест Киембая — необходимейшее сырье для строительной промышленности: шифер, асбоцементные трубы, облицовочные и изоляционные материалы. Потребность в нем очень велика. «Богатая одежда» и стоит дорого. Поэтому добывать ее решено сообща. Семь стран — членов СЭВ: Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Советский Союз и Чехословакия — подписали генеральное соглашение о строительстве Киембаевского горно-обогатительного комбината мощностью 500 тысяч тонн в год.

Заключены также межправительственные двусторонние соглашения этих стран с Советским Союзом, который взял на себя соответствующую долю расходов, связанных со строительством. Технический проект, большая часть оборудования советские. Наши партнеры поставляют необходимые материалы, машины, а также различные товары на общую сумму 106,2 миллиона переводных рублей. Соответственно своей доле участия в стройке братские страны будут получать советский асбест в течение двенадцати лет, а в случае их дальнейшей заинтересованности — еще десять лет. Стройка, которая идет сейчас здесь, на востоке Оренбуржья,— живой пример того, как воплощается в жизнь Комплексная программа социалистической экономической интеграции.

Мы стоим на бровке карьера, уходящего вдаль больше чем на два километра. Уменьшительное слово «бровка», пожалуй, не очень-то уместно: здесь все гигантское, громадное, огромное. Запасы асбеста тут немалые: лет на девяносто хватит.

Мы ждем взрыва — с этого начинается рождение горного льна. Резкий звук сирены разрывает воздух. И вздрагивает под ногами земля, а на другом берегу рукотворного ущелья взлетает в небо каменный смерч. Потом в дело вступят экскаваторы. К карьеру уже подведена железная дорога. По ней руду на комбинат будут возить польские вагоны — думпкары.

Едем на комбинат и мы. И транспорт у нас тоже польский — микроавтобус «Ниса». Проезжаем под эстакадой, по обеим сторонам которой громадные красные буквы: «Киембай — стройка СЭВ». Как она выглядит сегодня? Огромные корпуса, соединенные наклонными галереями. Сплошные сталь и бетон. Самый большой — корпус обогатительной фабрики.

— Его высота около 90 метров,— рассказывает директор комбината Евгений Тимофеевич Федотов,— а внутри может поместиться стадион размером 120 на 200 метров. Сюда поступит руда после нескольких стадий дробления. На качающихся грохотах — ну, это вроде сита,— поясняет директор,— легкие волокна асбеста как бы всплывут на поверхность, и их будут отсасывать мощные вакуумные установки. Потом останется очистить горный лен от пыли, распушить, упаковать и можно будет отправлять потребителям...

Только на бумаге это просто. Асбеста в руде всего четыре процента. Чтобы переработать огромное количество каменной массы, на первой очереди комбината должно быть смонтировано 62 тысячи единиц оборудования. По стоимости это вдвое дороже современной домны.

— Проектная мощность комбината — 500 тысяч тонн в год, первой очереди — 250,— продолжает директор.— Пока обогатительная фабрика не готова, будем выпускать черновой концентрат, то есть такой, в котором 25 процентов асбеста. Он пойдет на Джетыгаринский комбинат Кустанайской области. Тем самым будут решаться три задачи: дать продукцию, обучить людей, опробовать и отработать оборудование дробильно-сортировочного комплекса.

Мы побывали в здании этого комплекса. Управлять процессом здесь будет автоматика. Это слово — только латинскими буквами — стоит на марке пульта управления. Под ним адрес страны-изготовителя: Румыния.

«Строитель, прославь свое дело, а дело прославит тебя». Такой лозунг я прочитала в одном из корпусов. Подтверждением этих слов стал разговор с секретарем парткома стройки Станиславом Ефимовичем Мосензом.

— Кто строит комбинат?

— Вся страна. Стройка объявлена Всесоюзной ударной комсомольской: 65 процентов строителей молодежь. В августе 1974 года сюда по решению ЦК ВЛКСМ прибыл комсомольский ударный отряд «Чкаловец». В его составе было пятьсот человек: РСФСР, Украина, Грузия, Армения, Латвия, Молдавия прислали строителей, которые стали теперь жителями поселка Ясный, что растет вместе с комбинатом.

Когда речь зашла о ветеранах стройки, одним из первых в парткоме назвали Николая Михайловича Липского.

— Многие строители Киембая проходили у него свои «университеты»,— сказал секретарь парткома.— Сейчас ищите его на главном корпусе.

Первое, что мы увидели возле этого корпуса,— подъемный кран, на кабине которого табличка: «Киембай — Югенд-объект»,— написано по-немецки. И две эмблемы: синяя — Союза свободной немецкой молодежи и красная — наш комсомольский значок. Табличка выцвела и облупилась — ветры и бураны оставили на ней свои автографы.

— Климат тут, прямо скажем, суровый,— говорят крановщики,— но работать можно. Особенно на таких машинах, что пришли на стройку из ГДР. Просто отличные машины! Кабина очень удобная, обзор хороший. Управлять таким краном ребенок может!

— Если так просто, может, я попробую?

— Раз уж вам так хочется сэвовскую технику самой испытать, прокатитесь лучше на болгарском автопогрузчике или на польском лифте.

И я прокатилась. Строительный подъемник, прибывший в Киембай из Познани, довез нас до отметки «пять и шесть» (что значит пятьдесят шесть метров) корпуса обогащения. Нам сказали, что здесь работает бригада Липского, которая носит имя XXV съезда партии. Но Николая Михайловича здесь не было.

— Вот его следы,— пошутил сопровождавший нас по стройке товарищ, указывая на бетонный пол.— Его бригада делала.

Липского мы разыскали в подвале обогатительного корпуса. Он хлопотал возле конвейера, по которому сюда пойдет руда. Чтобы не отрывать его от дела, условились встретиться вечером у него дома.

Темно-синее небо проколото острыми звездами. Звонко хрустит снег под ногами. Вот и улица Горняков, застроенная симпатичными двухэтажными коттеджами. По пути миновали покосившийся барак. Его можно считать местной достопримечательностью — первое деревянное здание, которое появилось здесь, в Ясном. Ясный сегодня — это кварталы пятиэтажных домов со всеми городскими удобствами, библиотека, универмаг, кафе «Горный лен».

Звоним. Дверь открывает Николай Михайлович. Коренастый, чернобровый. Легкая седая прядь в темных волосах.

— Света, Люда,— это он дочкам,— организуйте нам чай. Проходите, пожалуйста.

В уютной гостиной немецкий гарнитур.

— Тоже СЭВ,— улыбается Николай Михайлович.— Если бы приехали к нам в 63-м, принимал бы я вас в палатке. Она стояла там, где сейчас кинотеатр «Заря».

И он рассказывает, как двадцатидвухлетним парнем приехал сюда. Железной дороги до Ясного еще не было. Ближайшая станция — в пятидесяти километрах. Добирались на КРАЗе, переоборудованном для перевозки людей. Поставили шестнадцать палаток, а вечером пошли в общежитие, где разместили девчат. Там была и Маша, теперь его жена, Мария Федоровна.

Приехал он 19 августа, а 20-го вышел на работу.

— Меня послали в управление механизации, поскольку к технике я имел отношение — у себя на Могилевщине работал в совхозе механизатором. А друг мой, с которым вместе мы приехали, попал в строители. Ну, он и меня сагитировал. Так я стал строителем. В палатке прожил до ноября. Трудный был первый год. Голая степь, бездорожье. В сапогах-то утонуть можно. И зимой не легче. Бывало, по нескольку дней актировали — объявляли нерабочими — из-за погоды... Но там, где проходит человек, все меняется, верно?

В 65-м году Липский стал бригадиром плотников-бетонщиков.

— Николай Михайлович, что, по-вашему, главное в работе бригадира?

— Главное — надежный костяк, люди, на которых можно положиться. Бригадир должен прежде всего подобрать единомышленников.

Единомышленники. А как мыслит он сам? Какие качества больше всего ценит в людях? Добросовестность, ответственность. То, что делаешь, делай хорошо. Не терпит лени, разгильдяйства.

Первое впечатление от разговора с Николаем Михайловичем — он стремится понять, чего от него хотят, и если все по делу, то исполнить это дело толково и быстро. Таков он и на работе, говорили мне и в парткоме и его товарищи по бригаде.

— Ну и, конечно, личный пример бригадир подавать должен,— продолжает разговор Николай Михайлович.

— Пример примером, но разве не бывает, что кто-то хорошо работает, а кто-то кое-как?

— У нас это не пройдет. Совет бригады сразу снизит лодырю или бракоделу коэффициент трудового участия.

— Что это значит?

— Совет бригады в конце месяца оценивает работу каждого и выставляет, как в школе, оценку. Это и есть коэффициент трудового участия. Кто работал плохо, прогуливал, тот и заработает меньше. И дело не только в деньгах. Создается такой моральный климат в бригаде, который заставляет нерадивых менять свое отношение к делу.

— Папа, чай остынет,— зовут из кухни дочки.

За чаем Николай Михайлович расспрашивает девочек, как прошел день, что нового в школе.

— Я письмо от Елки получила,— говорит Света.— Так зовут девочку из болгарского города Благоевграда, с которой мы переписываемся.

— А я переписываюсь с Яном, он живет в селе Громадка, в Польше.— Это Люда, младшая.— К нам в школу, знаете, как много писем приходит из разных стран! Хотите, мы вам покажем?

...Когда я пришла в школьный клуб интернациональной дружбы, ребята буквально завалили меня письмами. Каждому хотелось рассказать о своем друге.

Надя Мычко показала письмо от Сабины Пильц из ГДР, Вова Свирин — от Яна Панаса из Польши. Всех не перечислишь: только за последний месяц почтальон принес в эту школу больше пятидесяти писем со штемпелями Польши, Болгарии, ГДР и других стран.

— А я вложила в письмо своей польской подруге асбестовое волоконце,— говорит Римма Чернова из пятого «А».— Мне папа его принес, он работает бурильщиком на комбинате.

— И я тоже!

— И я!

— И я! — раздались голоса.

Ну вот, значит, первый асбест Киембая уже пересек государственную границу СССР.

ОДЕЖДА

Вот это цыплята!

Так она выглядит, заводская птицеферма.

резервы вашего стола

ЦЫПЛЯТА «ЭЛЕКТРОАППАРАТА»

Ия МЕСХИ

Фото Г. РОЗОВА

С «клеткой-квочкой» получилось так. Сначала над ее созданием работали в отделе птицеводства Грузинского зооветинститута. Там разрабатывалась тема «Усовершенствование технологии выращивания бройлеров», и заведующий отделом, кандидат сельскохозяйственных наук Георгий Сергеевич Чулухадзе построил оригинальный образец такой усовершенствованной переносной клетки для выращивания цыплят. Он повез ее на большую птицефабрику «Гамарджвеба», чтобы показать, посоветоваться и как бы испытать на производстве.

И вот, когда он сидел у директора «Гамарджвебы» Гиви Александровича Дучидзе, обсуждая достоинства этого нового жилища для птиц, в кабинете появился директор производственного объединения «Электроаппарат» Адольф Варламович Хуродзе, столь же далекий от птицеводства, сколь луна далека от земли. Однако неожиданно для собеседников он, как говорится, навострил уши, стал осматривать, ощупывать клетку и вдруг заявил, что, пожалуй, смог бы такую вещицу делать у себя.

— Надо посмотреть, подумать,— твердил он задумчиво.— У нас очень много подходящих отходов...

Домой, на головной завод, подгоняемый новой идеей, Хуродзе не шел, а бежал. Дело, конечно, не только в том, что он увидел возможность использования некоторых отходов производства, составляющих сотни тонн. Думал и о другом: «Как сделаем клетку, так и наполним ее живностью!..»

Производственное объединение

Николай ДЕМАХИН

КОМБАТ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ • ОГОНЁК • СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

У каждого фронтовика есть свой памятный бой. Для меня это Курская битва! Я в то время был лейтенантом, командовал артиллерийской истребительной противотанковой батареей 6-й гвардейской дивизии 13-й армии. Батарея занимала оборону на высоте 254,2 между деревнями Ржавец и Снова.

Утром 5 июля 1943 года, после ожесточенной бомбежки фашисты пошли в атаку. Впереди новые танки «тигры» с полосатым камуфляжем на броне. Два дня враг рвался на высоту, где наша батарея занимала оборону. За это время батарея сожгла и подбила одиннадцать танков, две бронемашины и уничтожила до двух рот пехоты противника. Об этом было написано в армейской газете «Страна Советов» за 15 июля 1943 года. В ней же публиковался Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении гвардейцев-артиллеристов.

Шли третьи сутки ожесточенных боев. Во второй половине дня над нами снова появилась фашистская авиация. После бомбежки опять двинулись танки, их было 20. Не доходя до высоты, они разделились, обтекая ее с обеих сторон.

Фашистским танкам удалось смять наше хозяйственное отделение, которое находилось в 300 метрах от огневых позиций, в лесочке. Мы остались без продовольствия и запасов снарядов. При этом один из танков подорвался на боеприпасах. Сержант Александр Устинович Зимин расстрелял его экипаж из автомата. Гитлеровцы, которые шли за танками, убили его. Повар Александр Моржин, находясь недалеко от полевой кухни в окопе, подорвал трех немцев гранатой, а затем взял у одного из них автомат и уложил еще пятерых. Немцы застрелили Моржина.

Противник окружил высоту. С тыла на нас шли четыре танка, из них один — «тигр», а в батарее осталось боеспособных только три орудия и половина личного состава. От первого залпа загорелись два танка. «Тигр» достиг наших траншей. Я взял две противотанковые гранаты и пошел по траншее навстречу железной махине. Танк пересек траншею и на какой-то миг остановился, а затем резко развернулся в сторону орудия старшего сержанта Иванова, и тут я с расстояния 6—8 метров бросил гранату. Раздался взрыв, «тигр» завертелся на месте. Он повернул свое орудие прямо на меня. Сорвав чеку второй гранаты, я бросил ее под длинное, как бревно, орудие «тигра». Из танка начали выскакивать фашисты — я стрелял в них из автомата. Тем временем орудия лейтенанта Гусева сожгли четвертый танк, а командир огневого взвода старший сержант Евгений Фролов с остальными артиллеристами вел рукопашный бой в траншеях.

Вдруг слышу крик своего ординарца Миши Русакова: «Комбат, сзади фриц!» Я резко повернулся — передо мной фашист, готовый нанести удар штыком. Получилось одновременно: он колет меня в грудь, легко ранит в бок, я же даю очередь из автомата. В это время с бруствера на меня прыгает второй, но промахивается, падает в траншею, я стреляю. Русаков кричит: «Комбат, жив?» «Ничего,— отвечаю,— все в порядке!»

Бой затих, горели танки, вокруг батареи и в траншеях лежали трупы. Я пошел в блиндаж, вызвал командиров взводов, чтобы подвести итоги боя. Из 42 человек нашей батареи за три дня осталось 8, из шести орудий — два.

Дневная жара стала спадать, подул ветерок. А мы были вторые сутки без воды и пищи. Жажда мучила раненых, индивидуальные пакеты израсходованы. На бинты употребляли нижнее белье. С наступлением темноты подползли к убитым фашистам, достали немного съестного и шнапса.

Ночью убитых товарищей похоронили в траншее. Я составил список погибших. На рассвете 9 июля к нам приползли шесть солдат из первой роты третьего батальона нашего полка, двое из них были ранены. Привел солдат младший сержант Черных.

В полдень я послал разведку. Старшим назначил лейтенанта А. И. Гусева. С ним пошли младший сержант Черных и рядовой Гончаров. Задача: разведать противника, найти место, где можно пройти к своим.

Моя рана воспалилась. Миша Русаков промыл ее шнапсом. Стало легче. Разведка добыла нужные сведения и вернулась к закату. В полночь мы двинулись. Впереди шло отделение автоматчиков во главе с лейтенантом Гусевым, за ним катили заряженные орудия, за орудиями шли раненые, а некоторых несли на руках. К противнику мы подошли в 3 часа утра. Автоматчики залегли на всякий случай, а остальные перешли речушку вброд. Одно орудие перетащили, стали перетаскивать второе, а наши открыли стрельбу. Проснулся противник. К счастью, все обошлось благополучно, и утром я доложил в штаб полка о выходе из трехдневного окружения. А в полку уже считали, что вся батарея погибла.

выпускает низковольтную аппаратуру, магнитные станции, электропускатели, щиты управления, автоматические выключатели, а теперь и... клетки для цыплят?

...Главный конструктор объединения «Электроаппарат» Раул Иосифович Церетели показывает папку, в которой сосредоточены все его «клеточные» заботы. Здесь списки отходов по всем предприятиям электротехнической промышленности республики, классификация этих отходов и, конечно, чертежи. Ну, вот, например, делается заготовка гайки, от нее остаются на металлической полосе круглые отверстия. На одной полосе — диаметром 25 миллиметров, на другой — 35, 45. Из этого можно сделать нижнюю часть боковины клетки. Круглые отверстия — это подходы к кормушке или к воде, окошки, через которые просовываются цыплята. В первые дни цыпленок высовывается из нижней, маленькой дырочки, вырастает — ему уже нужна большая и более высокая.

Узорные стенки клетки делаются из пластин, которые остаются после производства автовыключателей или шайб. Рефлектор-отражатель лампы — из алюминиевых отходов производства электрокаминов (камин — это заводской «ширпотреб»). Кормушки — из отходов пластмассовых коробов...

Так создавалась клетка, сначала на чертеже, учитывая первоначальный образец Георгия Чулухадзе. А Чулухадзе буквально прирос к заводу, работал вместе с инженерами и рабочими, совершенствуя свою конструкцию. В конце концов он стал на заводе вполне официальным лицом: консультантом-зоотехником.

Тем временем директор объединения Хуродзе присмотрел на головном заводе небольшое пустовавшее строение, вполне пригодное для организации в нем нового цеха. Подвели воду, электричество. Втянулись в дело многие службы: отделы главного механика, главного энергетика Центральная лаборатория контрольно-измерительных приборов разработала автоматику для поддержания в помещении нужной температуры. Рабочие инструментального цеха, где сосредоточивались отобранные отходы и собирались клетки, с большим энтузиазмом отнеслись к производству новой продукции.

И настал день, когда заводской цех откормки бройлеров чуть ли не доверху заполнился клетками, в каждой горела яркая лампа («квочка»!) и верещали только что вылупившиеся комочки, полученные на птицефабрике. В кормушках находился специальный, так называемый стартовый корм, который в это время пробовали выпускать на экспериментальном заводе биологических препаратов зооветинститута. Через шестьдесят дней цыплята превратились в увесистых бройлеров — по 1200—1300 граммов.

В сентябре прошлого года рабочие «Электроаппарата» покупали через заводскую столовую первую свою собственную живую голосистую продукцию. Хочешь — для завтрашнего обеда, хочешь — держи дома, если условия позволяют...

— Конечно, дело это новое, хлопотливое,— размышляет директор объединения А. В. Хуродзе.— Есть и противники «птицеводства на заводе». Но рабочие наши довольны, они уже получили около семи тысяч тонн дешевой птицы. Мы используем 60 процентов отходов,— раньше их отправляли в утиль. Уже сделано 800 «клеток-квочек», собираемся отдать часть в наш подшефный Тианетский район. Считаем, что такие клетки очень могут пригодиться в дачно-огородных товариществах. Да и вообще можно в дальнейшем продавать их населению. В южных городах на балконах любители цыплят «табака» могли бы держать такую клетку для своих семейных нужд.

ЖИВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Социалистическое соревнование стало массовым всенародным движением в 1929 году. Оно всколыхнуло всю страну. Среди тех, кто увидел в этом начинании не очередную кампанию, а осуществление одного из основополагающих принципов социалистического производства, была молодая журналистка Елена Микулина.

Часто бывая на фабриках и заводах, в только что организованных колхозах и совхозах, она видела, что идея здорового трудового соперничества давно зреет в сердцах простых людей. Нужен был только организационный толчок, нужно было вовлечь в движение каждого работника, показав, как трудятся те, кто думает прежде о государственных, а потом уже о личных интересах.

И совсем юная еще Микулина пишет книгу «Соревнование масс», которая навсегда определила ее журналистско-писательский путь.

Комсомолка Микулина все силы отдавала пропаганде и распространению опыта тех, кто своим трудом показывал пример истинно коммунистического отношения к труду. Она писала обо всех наиболее известных героях трудового фронта, которые вели за собою всю страну, заражая ее невиданным энтузиазмом и мечтой о скором и прекрасном будущем.

В книге «Будет вечно молодым», выпущенной недавно Профиздатом, собраны лучшие очерки Микулиной о таких зачинателях этого патриотического движения, как А. Стаханов, М. и Е. Виноградовы, А. Бусыгин и другие. С каждым из них ее связывала многолетняя дружба, каждый обогащал писательницу своим опытом, своим знанием жизни и предвидением небывалых отношений между людьми, для которых нормой становилось братство и сотрудничество.

Но Микулина не просто фиксировала достижения первых ударников и стахановцев — она активно участвовала в распространении их опыта. Особенно активную роль она сыграла в организации соревнования между двумя заводами — московским «Красным богатырем» и ленинградским «Красным треугольником». Сотрудничество это не прекратилось и до сих пор, в книге об этом можно прочесть следующее: «Сколько поколений галошниц прошло передо мной? Если вести счет с 1929 года, от Зины Соболевой и Зинаиды Булкиной до Нины Раюшкиной и Маши Четыркиной — лидеров 1976 года, то четыре поколения».

Е. Н. Микулина. Будет вечно молодым. М., Профиздат, 1979. 304 стр.

Л. ВУКОЛОВ

12 июля войска Центрального фронта на северном фасе Курской дуги перешли в контрнаступление. И мне опять довелось участвовать в бою. В наступлении на деревню Снову погиб лейтенант Саша Гусев из города Алатырь. Похоронили мы его на окраине деревни, на пригорке у лесочка, дали три залпа из орудий в сторону врага. А потом налетела авиация противника. Я находился в траншее, когда недалеко разорвалась большая фугасная бомба. Меня ранило, контузило и засыпало землей. Нашли случайно. Откопали и, окровавленного, в бессознательном состоянии, доставили в медсанбат.

Раненых, прибывших с поля боя, сортировал врач: кого на операционный стол, кого на перевязку. Врач не прощупал мой пульс, а глаза у меня были залиты кровью, и меня отнесли в «морг» — полуразрушенный сарай. В штаб полка сообщили, что я скончался от ран. И пошла в далекую Сибирь похоронная матери. В полночь из сарая трупы стали грузить на машину. Санитары положили меня на носилки. И тут я попросил пить.

Санитары поставили носилки на землю и закричали: «Доктор! Сестра!» Прибежала сестра, припала к моей груди. «Он живой!» — закричала она. И меня сразу отнесли в операционную. Требовалось немедленное переливание крови. А ее не было. «Если до утра не дадим кровь, он может умереть»,— сказал врач. И свою кровь мне отдала медицинская сестра Мария Лыхина из Вологды.

На второй день я пришел в себя и увидел свою спасительницу. Благодаря Машиной крови я смог довоевать до светлого Дня Победы. Земной ей поклон и великое спасибо!

Командир артиллерийской истребительной противотанковой батареи Н. А. Демахин. Фото 1943 года. Перед боями на Курской дуге.

ПОДМОСКОВЬЕ

КАЗАРКА—ПТИЦА СЕРЬЕЗНАЯ

На биостанцию Центральной научно-исследовательской лаборатории Главохоты РСФСР мы ехали в служебном автобусе вместе с Андреем Никитиным и Мишей Голубевым. Им, конечно же, очень повезло: с детских лет были влюблены в природу, и вот после окончания школы стали охотоведами. Сперва, правда, назывались лаборантами, что в науке часто означает просто разнорабочего, но какое это имеет значение, если их работа — в лесу, а постоянные «сослуживцы» — звери и птицы! Теперь, год спустя, ребята уже получили повышение: они старшие лаборанты, имеют персональные объекты исследования, заочно учатся в институте. Скоро для них начнется очень ответственная работа: готовится приживление казарок в нашей стране.

Подъезжаем к биостанции. В вольерах чинно расхаживают большие серые птицы, немного похожие на гусей.

Так вот они какие — канадские казарки, «птицы эпохи НТР»!

Знакомлюсь с заведующим отделом дичеразведения кандидатом биологических наук О. С. Габузовым. Отдел создан совсем недавно. Олег Семенович рассказал, что сначала птицы содержались прямо в конторе, которая была и лабораторией, и канцелярией, и инкубатором.

Первые казарки родились на Арбате, на квартире Олега Семеновича. Им не было еще и трех месяцев, когда в Москве проходил съезд териологов, и масса знакомых и незнакомых людей ходила на Арбат в гости к птенцам. Те с достоинством топали по столу, клевали угощение с тарелок, а столпившиеся доктора и кандидаты наук с умилением следили за их проделками, словно это было выступление «звезд» кино или эстрады. Ученые уехали, а хозяин остался со своими питомцами и... проблемой кормления. Чем кормить казарят в неволе? Эмпирическим путем Габузов выяснил, что лучшая витаминная пища для них... одуванчики!

— И вот я еду в Сокольники,— рассказывает Олег Семенович,— выбираю самые дальние аллеи, чтобы меня не приняли за сумасшедшего, и набиваю чемодан одуванчиками!

Зато как ликовали младенцы-казарки.

— Вы — охотоведы, то есть специалисты по организации охоты. Как же вы сочетаете свою деятельность с проблемами охраны природы? — задаю вопрос О. С. Габузову.

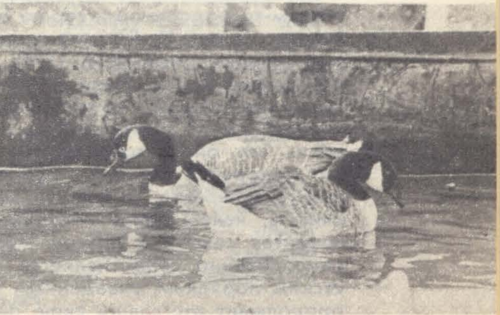
— Мы одновременно занимаемся и расширенным воспроизводством животных и в то же время работаем над проблемой разумного использования ресурсов природы в системе охотничьего хозяйства страны.

— А какую роль во всем этом играет ваша любимая казарка?

— В результате хозяйственной деятельности людей многие водоемы, примыкающие к городам, поселкам, оказываются покинутыми пернатым населением,— говорит ученый.— Птиц пугает шум машин и механизмов, хотя непосредственной опасности для них, может быть, и нет. Казарки смело селятся в таких местах, и вскоре вокруг них образуются целые птичьи колонии. Это особенно важно в густонаселенных районах нашей страны. А кроме того, казарка — красивая птица, у нее вкусное мясо, отличный мягкий пух. И вес солидный: 6—9 килограммов! Словом, казарка — птица серьезная.

О. ТОМЧИНА

Фото И. Костина

Д. ИВАНОВ

литературные заметки

ДЕНЬ

СЕРДЦЕ НЕ НА МЕСТЕ

Новый роман Нодара Думбадзе «Закон вечности» («Дружба народов» № 11, 1978, перевод Зураба Ахвледиани) так прямо с сердца и начинается: «Боль возникла в правом плече. Затем она поползла к груди и застряла где-то под левым соском. Потом будто чья-то мозолистая рука проникла в грудь и стала выжимать сердце, словно виноградную гроздь. Выжимала медленно, старательно: раз-два, раз-два, раз-два... Наконец, когда в выжатом сердце не осталось ни кровинки, та же рука равнодушно отшвырнула его...»

«Гм, инфаркт в его годы... Не рановато ли?» — спросит кто-то над Бачаной Рамишвили, и с этого момента пойдет накручиваться клубок его воспоминаний, объясняющих преждевременную болезнь героя романа — писателя и редактора грузинской республиканской газеты.

Но действие книги движется даже не в двух измерениях — прошлом и настоящем, а в трех. Вероятно, тому способствует, что в палате рядом с Бачаной и сапожником Буликой лежит еще священник, настоятель церкви отец Иорам, с которым Рамишвили приходится не раз вступать в серьезные дискуссии,— во всяком случае, в романе достаточно последовательно просматривается этот третий план, восходящий, быть может, в какой-то мере к Булгакову, когда земные, сегодняшние заботы поверяются, соотносятся с вечными, непреходящими вопросами. В Бачане, таким образом, прорывается, в частности, обостренное сознание личной ответственности за неблагополучие в родном краю.

Действительно, только что прямо здесь, в палате, ему предлагали огромную взятку. И одновременно угрожали — не впрямую, но достаточно прозрачно («Что вы, уважаемый Бачана! Пуля — всего два сантиметра, а убивает наповал буйвола! И та пуля, что свалила в прошлом году одного человека, не буду называть фамилии, тоже была не больше двух сантиметров...»). А недавно, когда в газете был уже набран разоблачительный фельетон, к Бачане приходил его герой и нагло, будучи совершенно уверен в безнаказанности, требовал снять фельетон, и тоже готов был купить, и так же грозил... И немало еще в романе встречается подобных примет и примеров глухого и открытого сопротивления оздоравливающим переменам в общественном климате республики.

Казалось бы, в этой ситуации Рамишвили не за что осуждать себя: с юных лет бесстрашно дрался он со злом и теперь продолжает целеустремленно бороться с ним на книжных и газетных полосах. Бачана и сегодня стремится честно исполнять свой долг и по большому счету продолжает оставаться порядочным, смелым. Но по еще большему — перед собственной совестью — он недоволен собой. В житейских разговорах, которые ведутся в палате, Рамишвили редко возвышает голос, а в его ответах на по-настоящему острые вопросы, которые справа и слева подбрасывают ему Булика и отец Иорам, сквозит недосказанность — ведь Бачана знает, сознает, что поступал не всегда так, как требуется гражданину; немало было моментов — не критических, не пиковых, а обычных, повседневных,— когда он, добиваясь правды, шел на компромисс, не решался выступить во вред себе...

Совершенно прямой, несдержанный, но в общем-то родственный герою Н. Думбадзе характер рисует И. Грекова в повести «Кафедра» («Новый мир» № 9, 1978). Доцент кафедры кибернетики Нина Асташова открыто и категорично высказывает собственное мнение, смело обрушивается на несправедливость. Так, она разоблачает некоего соискателя докторской степени, присвоившего идеи своего аспиранта, хотя ей-то здесь, можно посчитать, какое дело: негодный этот Яковкин трудится совсем в другом месте. Но так же самозабвенно сопротивляется Нина формалистским порядкам, заведенным на ее кафедре, продолжает отстаивать свою позицию, оказавшись почти в одиночестве,— и справедливость снова на ее стороне. Но от своих побед удовлетворения Асташова не испытывает.

С историей Нины Асташовой в повести Грековой сплетаются студенческие судьбы, судьбы некоторых ее товарищей по работе, наконец, судьбы учителя Нины, заведующего кафедрой профессора Завалишина и претендента на профессорское кресло после смерти Николая Николаевича — Флягина.

Завалишин (или Энэн, как зовут его на кафедре) — второй центральный образ повести и очень привлекательный. «Больше всего меня в нем поражало,— вспоминает Асташова,— полное отсутствие инерции, постоянная готовность включить мысль. Мы, обыкновенные люди, медлим перед умственным усилием, как купальщик, перед тем как войти в холодную воду. Энэн прыгал в мысль вниз головой». Мы, правда, застаем его на склоне лет, пассивным, чудаковатым, в каких-то отношениях даже беспринципным — увы... И другое, определяющее: померк талант, не стало жены, жизнь и война унесли детей еще раньше, исчезает всякий интерес... Но старый профессор и безукоризненно честен перед собой и сознает свою драму: «Пока еще читаю лекции. Пока еще радуюсь чириканью воробьев. Пока еще помню свою фамилию. Пока еще люблю Нину (жену, которая умерла.— **Д. И.**) — хочу жить. Когда всего этого не будет — жить не хочу.

Но как найти грань, за которой жизнь уже бессмысленна? Как через нее не перемахнуть?»

Последние слова объясняют главное в характере Энэна — способность постигать проблему с разных точек зрения, а значит, видеть ее глубоко. Так же глубоко видел он и своих сотрудников, что и позволило кафедре сделаться сплоченным коллективом единомышленников.

Но теперь деятельная сторона жизни для Завалишина — в прошлом, сейчас он просто, хотя и мудро тянет жизненную лямку.

Кстати, в этом отношении у Грековой и Флягин похож на Энэна. У того тоже умерла жена, остались на руках дочка и парализованная теща, — в существовании Виктора Андреевича явно ощущается надорванность. Да и сама Асташова — у нее трое мальчишек: один от человека, с которым она разошлась, другого она усыновила после гибели подруги, а третий — от любимого, у которого своя семья, и он не склонен ее разбивать... В общем, жизнь не задалась у всех троих, и такая однообразная схожесть судеб центральных персонажей, понятно, не относится к достоинствам повести.

Правда, радоваться своим успехам в отстаивании справедливости Асташовой мешает не только ее житейская неустроенность.

...А вот у Михаила Пряслина таких успехов нет. Хорошо памятный по трилогии Федора Абрамова о судьбах северной русской деревни Пекашино в годы войны и послевоенное время, герой его нового романа «Дом» («Новый мир» № 12, 1978) и спустя двадцать лет по-прежнему остается самым горячим поборником правды. И стоит ему столкнуться с тем, что страдает их общее, колхозное, а теперь совхозное дело, Михаил снова лезет в драчку,— хотя уже и рад бы удержаться, хотя зарекался не раз...

«Три года назад — колхоз еще был — он вот так же, как сегодня, сцепился с Пронькой-ветеринаром на правлении. Из-за коровы. Сукин сын подбросил колхозу свое старье яновы на мясо, а взамен отхапал самую дойную буренку. И что же? Анна Евстифеевна, Пронькина жена, учительница, целый год отравляла жизнь его Вере, целый год придиралась по всякому пустяку».

Сорок с лишком лет мужику, живет — дай бог всякому, жена, дочки, дом построил — полная чаша, никакой на тебе ответственной должности,— чего ему еще надо? Но одолевают Михаила вопросы, вопросы, вопросы... «Начнешь вроде бы с пустяка, с того, что каждый день у тебя под носом,— почему поля запущены, почему покосы задичали, а потом, глядь, уж за деревню вылез, уж по району раскатываешь, а потом все дальше, дальше и в такие дебри заберешься, что самому страшно станет. Не знаешь, как и обратно выкарабкаться! Без болота вязнешь, без воды тонешь, как, скажи, в самую-самую распуту, когда зимние дороги пали и летние еще не натоптаны,— все так и ползет, так и расплывается под ногой...»

И чтоб отвязаться от мыслей этих, бросается Пряслин и на виноватых — а тем как с гуся вода,— и на правых, и прежде всего самых родных и близких, и, конечно, на работу. В работе только и находит Михаил утешение, а работа, что ж, она таких любит.

ХОЗЯЕВА И ИСПОЛНИТЕЛИ

«Нет, не может быть! — покачал Михаил головой. Не может быть, чтобы в такую сушь рожь сеяли. Ведь это все равно что в горящую печь бросать семена.

Он вышел на поле, с трудом отвалил здоровой рукой тяжелый, вывороченный вместе с глиной пласт земли, и сомнений больше не оставалось: засеяно поле. Семь коричневых зерняток насчитал под пластом...

Михаил отвернул еще один пласт, отвернул другой, третий...— везде одно и то же: в глубокой борозде, как в могиле, лежат зерна, придавленные глиняной плитой».

Чуть не с кулаками налетает Пряслин на тракториста-аккуратиста Витьку Нетесова, а тот в ответ спокойненькое: «приказ выполняю», «дана команда»... К директору совхоза Таборскому прибежал, и этот так же — на план, который сверху, который закон, сослался — и: «Спокойно, спокойно, Пряслин. Нервные клетки не восстанавливаются...»

Вспоминается другой сельский труженик — Павел Пинигин, сын старухи Дарьи из «Прощания с Матёрой» Валентина Распутина. Он тоже оказывается перед подобного рода недоумениями. Правда, чужое недомыслие и просто другие мнения воспринимает Павел не столь драматично. И тут не скажешь, что устал и смирился человек, хотя и это есть, конечно, но у Пинигина и характер и опыт иные, и главное — ответы для себя он имеет. Первое, постоянно разъедающее душу «объяснение простое: не для себя строили» — и другое, обнадеживающее: «Были бы силы да не мешали бы мужику, он из любой заразы вылезет».

Павел Пинигин и Михаил Пряслин — годки (как, заметим, и Бачана Рамишвили и в общем-то и Нина Асташова), и абрамовский герой тоже, конечно, знает эти ответы. Стоит напомнить последние строки романа «Пути-перепутья», завершавшего трилогию и предшествовавшего «Дому»:

«Он стоял на нетесовском крыльце, широко расставив свои крепкие, сильные ноги, по-крестьянски, из-под ладони глядел на удаляющийся журавлиный клин, и перед глазами его вставала родная страна. Громадная, вся в зеленой опуши молодых озимей.

И это он, он все эти тяжкие годы вместе с пекашинскими бабами поднимал ее из развалин, отстраивал, поил и кормил города. И новое, горделивое чувство хозяина росло и крепло в нем».

Хозяин... Хозяин жизни, хозяин дела, которому он беззаветно служит...

Как видим, мал-таки оказался срок, не во всем, в чем должно, хозяева Михаил и Павел. Но если в «Доме» герой мучается сознанием прежде всего от этого, то в «Прощании с Матёрой» вопрос ставился и в другой плоскости: нужно быть хозяином, но надо оставаться человеком.

Матёра — остров посреди реки, который подлежит затоплению в связи с сооружением ГЭС, и почти каждый, писавший о повести Распутина — одной из значительнейших книг последнего времени, отмечал символичность названия острова, восходящего к матери и подчеркивающего тяжесть расставания. И тут же, на тех же страницах, глубина переживаний и отношения к уходящей под воду земле мерилась хозяйским отношением того или иного персонажа.

Но разве можно быть хозяином матери своей?! Об этом-то кощунственном и в то же

НЕДАВНИЙ

время все более укореняющемся представлении и вопиет каждая страница повести Распутина. Перед матерью у человека могут и должны быть лишь благоговение, благодарность и забота — не хозяйская, а человеческая, — иначе ему невозможно остаться человеком. И если обстоятельства вынуждают его требовать от нее жертв, то необходимо человеку и огромное ощущение боли, с которой он тогда только и может подступить к матери.

И так же, только так должны относиться люди к земле, если они хотят остаться людьми. Ведь она основа — то, что связывает нас в прошлом, соединяет в настоящем и поддержит в будущем. Мы обязаны помнить об этом, вот откуда идет постоянно возрастающая созидательная и одновременно взыскующая роль памяти. А возрастает ее роль потому, что непомерно ускорила свой бег жизнь.

Тем, кто старше, взрослее, новый ее ритм неорганичен, она представляется им во многом суетной; а для молодежи такой ритм нормален, и молодые хотят все успеть в калейдоскопе событий. Естественно при этом, что обзор памяти у них сужается, и получается, что все больше они чувствуют себя хозяевами жизни и меньше — сыновьями и дочерьми породившей их земли. А в результате становятся не столько хозяевами, сколько исполнителями...

Распутин как раз и воплотил противоречие это в образах Дарьи и ее внука Андрея. Последний не недостаточно выписан, не недостаточно серьезен, как считается часто,— ему, во-первых, жизнь еще не успела дать ощутить человеческое в себе. А во-вторых, оно, человеческое, в нем не очень старательно воспитывалось, в том числе и родной бабкой,— странно, что Дарья у Распутина хоть в какой-то степени не винит себя, не чувствует ответственной за это.

Андрей Пинигин — совсем молодой по нашим понятиям. Герои рассматриваемых здесь книг старше (и ровесники, как уже отмечалось), и в их сердцах память пустила прочные корни...

Пока Бачана Рамишвили лежит в больнице, перед ним предстанет конец сороковых годов, когда он, шестнадцатилетний парень, не побоялся постоять за честь девушки перед вздорными мужланами, заставил их прикусить языки, не отступил и перед милицейским наганом зарвавшегося «представителя законной власти». И военное время вспомнилось Бачане: он, подросток, хотя и вооруженный, остался с глазу на глаз с дезертиром, кровавым бандитом, и нашел мужество расправиться с ним — он, недавно чахоточный, росший без отца, без матери мальчонка. И совсем раннее детство привидится ему, когда, вскочив с кроватки, босиком, в длинной, до пят, сорочке, зовет он маму, которую увели, чтобы «задать несколько вопросов по делу вашего мужа»,— и «страх поднимался от ступней ног, прошел через все тело и, наконец, застыл в зрачках...».

Да, было чему спустя десятилетия отозваться в сердце Бачаны Рамишвили острой болью. Но эти же испытания, выпавшие на долю его поколения, закалили в Бачане любовь к людям, доброту, честность, справедливость. И когда Рамишвили вступал в партию, он с открытой душой мог сказать: «Я знаю, история полна парадоксов... Людям свойственно ошибаться — вольно или невольно... Затем они исправляют свои ошибки — одни раньше, другие позже. Некоторые уходят из жизни, оставаясь искренне уверенными в правильности всего ими содеянного. Их ошибки придется исправлять будущим поколениям. Люди, причинившие мне боль, ответили сполна, их, собственно, уже и нет... Теперь время поработать моему поколению, ответственность за жизнь берут мои ровесники. И я не имею права на мщение. Наоборот, я обязан стать рядом с ними хотя бы для того, чтобы не допустить повторения подобных ошибок... Тем более что я верю в их дело, считаю его своим собственным делом...»

Выше уже говорилось, что Бачана далеко не во всем удовлетворен, как осуществлял он наше общее дело («Я не раз и не два давал рекомендации и свой голос обезьянам почище той...»), и за это он в ответе перед собственной совестью. Ну, а как быть тем, у кого совесть чиста, но нет условий хорошо делать свое дело?

«Экзаменационная сессия вообще ужасна. Дважды в год студенты, весь семестр почти не учившиеся (писание конспектов и домашних заданий не в счет — это труд физический, а не умственный), хватаются за науку и большими непрожеванными кусками ее заглатывают. На производстве такое называется штурмовщиной и всячески преследуется...»

Так определяет существующее положение вещей Грекова. Ее героиня идет еще дальше. «С одной стороны деканат, с другой — мы. Им нужно формальное благополучие, нам — неформальные знания...» «Мечта деканата — чтобы все студенты учились отлично. Явный абсурд, ибо само слово «отличный» означает «отличающийся от других»... «Эта обстановка, хотим мы или нет, толкает нас в мир фикций. Фиктивных оценок, фиктивных достижений, фиктивной отчетности...»

Вот поэтому Асташову не тешат победы, одержанные над Яковкиным и Флягиным (хотя в последнем случае тому есть и дополнительная причина),— победы эти на периферии дела, они не затрагивают сути ее жизни. Асташова и другие ее коллеги — не хозяева своего дела, а по большей части исполнители, поскольку скованы в возможностях растить знающих специалистов и ученых. «Общение преподавателя со студентом,— размышляет профессор Завалишин,— должно быть индивидуальным, а не обезличенным. Ничто так не формирует личность учащегося, как обильные, не стесненные временем беседы с наставником. Для этого тот и другой должны иметь время». И здесь борьбой с Флягиным многого не добьешься.

Да, такая спираль: чтобы гореть делом — помня и любя, для чего дело это вершится,— надо иметь условия. А для этого их надо создавать, надо условия добывать, добиваться их от жизни — сама жизнь ничего на тарелочке не подносит.

Чтобы оставаться человеком, нужна память. А чтобы еще и идти вперед, нужно стать бойцом — и не одиночкой, а вести рядом с собой других.

...МЫСЛЬ РАЗРЕШИТЬ

«Он стоял на нетесовском крыльце...»

Тогда, двадцать лет назад, с Пряслиным был заодно старший Нетесов. А сегодня Михаил не может найти общего языка с его сыном Виктором. Почему так? Почему появилась разобщенность среди пекашинцев, которую сознают они сами, которую единодушно отмечают рецензенты «Дома»?

Потому что одно дело, когда жизнь сама ставит перед людьми вопросы, испытывая на прочность их мужество и человечность,— тут так или иначе, но отвечать необходимо. И другое — когда сам человек выдвигает вопросы перед жизнью, тогда на них должны отвечать те, кто рядом с ним, а люди могут быть к этому не готовы или просто не видеть в этом необходимости для себя.

И вот и «Дом», и «Закон вечности», и «Кафедра» — все три эти одновременно появившиеся, приблизительно об одном и том же недавнем времени повествующие, на схожем, хотя из разных сфер опыте основывающиеся произведения — выдвигают немало проблем, на которые уже невозможно закрывать глаза (да жизнь и не закрывает). И сами же они, книги эти, сглаживают остроту поставленных вопросов.

Михаил Пряслин, хозяин, каким мы расставались с ним в «Путях-перепутьях», должен был ждать не дождаться, когда подрастут его союзники, такие, как Витька Нетесов, чтобы повести его на первых порах за собою, чтобы сплотиться с ним и его товарищами, с той же Соней-агрономшей (а о ней в «Доме» почему-то и пяти строк не сказано), с которой Виктор вдруг (именно «вдруг») послал письмо против Таборского и его компании в райком. Пряслину ли, когда он ни на один день жар души не загасил, не знать, какая они сила, если все вместе... А тут «вдруг» смотрит Михаил «нежно, с любовью. А как же иначе? Ведь этот самый Виктор Нетесов, можно сказать, веру в человека у него воскресил».

И это думает тот абрамовский герой, который сулил нам такие горизонты, который всегда сам шел к людям первым, шел не разговоры разводить, не руками махать, но действовать? Пряслину ли откровением должно показаться, когда ему заявят: «В общем, нечего, дорогие товарищи пекашинцы, все валить на дядю, когда сами во всем («во всем»?— Д. И.) виноваты.

А может, и виноваты? — вдруг (?! — Д. И.) пришло Михаилу в голову. Может, потому все и идет у них через пень-колоду, что они сами колоды лежачие?..»

Ладно, сняли Таборского, теперь бы и показать, какие они, пекашинцы, «колоды». Но ни одно из «целого леса «почему» еще не свалилось с Михайловой души, а к нему уже приходит успокоенность. Тут же ни с того ни с сего расканивается проходимец Егорша; тут же Петр, младший брат Михаила, столь нужный совхозу инженер, решает расстаться с городом и вновь осесть в Пекашине; да еще и Федор, единственный непутевый из Пряслиных, двадцать лет по тюрьмам и колониям мотавшийся, этот же самый момент выбирает, чтоб «повиниться». Вот только на Лизу, сестру Пряслиных, несчастье опять обрушилось — за что, для чего?..

В художественном произведении все имеет свою логику, а тут концы расходятся с началами. Между тем новые абрамовские герои, Калина Иванович и Евдокия Дунаевы, которых не было в пряслинской трилогии, совершенно органично вошли в повествование, их образы выписаны цельно, крупно, на том высоком уровне художественной и жизненной правды, какой свойствен творчеству Ф. Абрамова. Главы «Из жития Евдокии-великомученицы» только внешне выглядят вставными новеллами, на самом же деле они слитны в одной из основных идей «Дома», которая высказана в словах Калины Ивановича: «Моя эпоха, я в ответе»...

...Не сходятся концы с началами и в «Кафедре». Здесь тоже финал благополучен и благостен. Асташова побивает Флягина на ученом совете, но в конечном итоге Виктор Андреевич оказывается «со щитом»: он сам, будучи внутренне честным, снимает свою кандидатуру. То есть перед читателем в наличии два победителя. А на самом деле ни одного.

Коллеги Завалишина считали себя замечательным коллективом. И это верно постольку, поскольку Энэн создал обстановку, в которой они и чувствовали себя и были хозяевами на кафедре. А Флягин, до карикатурности требовательный — хотя и из стремления улучшить дело,— лишил их этого замечательного ощущения. Отсюда неприязнь к нему, отсюда «бунт».

Но весь этот конфликт не затрагивает главного — их дела, которое является подлинным мерилом. Тот же Флягин — двойки он ставит запросто, а к «проблеме двойки» как он отнесся? А неизвестно как, повесть об этом умалчивает. А если б «вдруг» (!) он стал отстаивать «неформальные знания» перед «формальным благополучием»? Думается, никакие черты его характера не помешали б тогда Асташовой стать его сообщницей...

Нет союзников в романе и у Бачаны Рамишвили. Уж кто только не посещает его в палате, но не собратья по перу, не товарищи по работе, вместе с которыми он защищает правду. Поправившимся, передумавшим всю свою жизнь, но одиночкой выходит Бачана из больницы. И это тревожно, а в романе этой тревоги нет, конец его приторно оптимистичен.

...В одном из выступлений при обсуждении «Прощания с Матёрой» было сказано, что повесть «состоит больше из вопросов, чем из ответов», создавая тем самым «возможность для разноречивого ее толкования».

Думается, такая арифметика вообще не приложима к художественному произведению. Если оно по-новому, по-своему открывает нам жизнь и людей (именно на это в первую очередь обращали мы внимание в разговоре о последних книгах Н. Думбадзе, И. Грековой и Ф. Абрамова), то важно не соотношение вопросов и ответов, важны сами они, важны мысли писателя и его героев.

«Мысль разрешить» — это не значит обязательно дать ответ, это скорее право и обязанность жизни. Мысль разрешить — значит вскрыть жизненное противоречие, избежав при этом художественной противоречивости самого повествования.

Ордена Ленина Новолипецкий металлургический завод — одно из ведущих предприятий страны. Завод непрерывно растет: совсем недавно здесь была пущена новая мощная доменная печь, скоро начнет работу цех холодной прокатки, возрастет производство стали, горячего проката. В постоянном творческом поиске живет коллектив завода,— богатый опыт липецких металлургов, созданные и испытанные здесь новинки широко используются на предприятиях всей страны. Липецкий металлург — это высокое, ко многому обязывающее звание. Как происходит становление металлурга — об этом рассказывают сегодня корреспонденты «Огонька».

Б. СМИРНОВ,
фото М. САВИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Смена начиналась в полночь. Когда я вошел в цех за несколько минут до начала, было пусто и тихо, как в лесу. Какое-то время это казалось даже забавным — слышать, как стучат подошвы по металлическому полу, ощущать свое одиночество в железных зарослях огромного помещения,— но вскоре стала нарастать некоторая, я бы сказал, озабоченность: в самом деле, есть тут кто-нибудь живой? Я располагал лишь общим адресом: Новолипецкий металлургический завод, стан «2000», Анатолий Николаевич Саушкин,— и с каждой минутой все больше казалось, что я вскоре окончательно заблужусь среди этих неподвижных, отдыхающих от собственного грохота исполинских машин.

Как описать то, что видит человек, идущий вдоль прокатного стана? Массивные опоры машин, вальцы толщиной с колонну Большого театра, сплетения труб, щиты управления, лестницы, мостики. Я шел наугад, к невидимому вдали концу цеха, а сзади простиралась такая же заполненная металлом пустота. Так можно было бы гулять и искать до рассвета...

Все оказалось просто, стоило мне встретить первого же человека. «Саушкин? Вон, видите, вдали фонарь, там нагревательные печи...» Еще десять минут ходьбы по железной улице цеха, лестница, застекленная кабина — и в ней несколько человек. Курят. По-домашнему буднично сидят у пульта, а пульт — это сплошная стена датчиков, самописцев, кнопок, рукояток. В эту минуту стекла осветились снаружи слепящим яркооранжевым светом, из створок расположенной напротив печи величиной с дом медленно выполз огромный раскаленный слиток металла и с глухим шумом, теряя искры, покатился по роликам. У пульта раздался резкий звонок. Один из парней наклонился к переговорному устройству: «Да, я, Саушкин. Первый сляб пошел...»

Металлурги. Люди, как их называют, огненной профессии. Я, признаюсь, долго приглядывался к старшему нагревальщику Анатолию Николаевичу Саушкину, пытаясь найти в его внешности и поведении какие-то особые, профессиональные черты. Да, крепкое сложение, да, основательность и спокойствие в каждом движении, в речах, но, боюсь, в толпе прохожих я бы не сказал с уверенностью, что именно этот человек — металлург. А сам Анатолий Николаевич считает, что его профессия все же требует какой-то особой, внутренней расположенности к металлу.

— Люди суетливые, нервные у нас не задерживаются,— говорил он,— работа здесь и без того напряженная, лишняя горячность ей вредит. Физическая сила? Мускулы нужны, но нам, скорее, больше требуется сила душевная.

— А в чем она?

— В чем? — Саушкин ненадолго задумался.— В том, пожалуй, чтобы справляться самому с собой. Не позволять себе ни на минуту расслабиться или пойти на внутреннюю сделку с совестью: мол, ничего, мол, и так сойдет. А ведь мы заботимся о миллиметрах допуска, следим за каждым градусом температуры, за любым посторонним щелчком в механизмах.

— Значит, дело металлурга полностью зависит от приборов? — пытаюсь я обобщить рассуждения Саушкина.

— И опять нет! — смеется он.— Вот вы видите — у нас тут пульты, автоматика, полуавтоматика и прочее. А откажи сейчас аппаратура — я уверен, мы все равно дадим сляб, разогретый так, как нужно. До тысячи четырехсот градусов. На глаз, чутьем надо уметь определять металл.

— И это — главное качество металлурга?

— Главное все же ответственность.

«Дежурное слово!» — решил я сначала. Где только она, ответственность, не нужна! Но потом, подумав, согласился, что с металлургов спрос все-таки особый. Ведь металл — сырье, на котором держится все вокруг — от гвоздей до спутников, и мельчайшая раковина, слабина в металле, как мина замедленного действия, способна свести на нет любое дело. И виноват будет металлург... Наверное, поэтому, как объяснял Саушкин, ответственность у них на стане не разделяется на начальственную и рядовую. Каждый должен знать и уметь все — от уборки помещения до принятия экстренных решений.

— При всей нашей технике есть и такой инструмент, как простая лопата,— рассуждал Саушкин.— Так вот, я вроде не должен ее брать в руки. Но если я вообще не возьму лопату — ребята меня просто не поймут. И когда, например, один из нас что-то делает за другого — «спасибо» говорить тут не принято. Только одно я не могу делить с другими поровну — ответственность. И за простои по любой причине, и за нагрев металла, и за них, за ребят, если кто сорвется...

— А что, и такое бывает?

— Люди-то все живые! — смеется Анатолий.— «Сюрпризов», правда, почти всегда можно ждать только от новичков. Придет, как говорится, «после вчерашнего» — глаза бы мои на него не глядели. Ну, ничего, молчу, ругать не ругаю, но даю такую работу, что с него вместе с остатками хмеля семь потов сойдет. А потом он и сам начинает понимать, что у нас каждые руки — на вес золота, а ясная голова и вовсе бесценна.

— Да, работа у вас горячая.

— Интересная! Я раньше и не догадывался, что профессия может так глубоко проникать в человека. Неясно? Ну, главным интересом жизни она стала, понимаете? Мне по ночам часто снится, что я у печи... Как-то утром вскочил, глянул на часы — опаздываю в цех! В минуту собрался, и жена едва успела в дверях меня задержать: ты что, говорит, тебе же сегодня в ночь идти! Но бывает, работа не заладится, так потом целый день настроение отвратительное. Ребята из смены говорят, у них то же самое... А когда дело идет как надо, и качество высокое, и план даем — кажется, все нипочем. Такое приятное возникает сознание, что ты нужен...

Возможно, кто-то из станочников или математиков, садоводов или даже журналистов, прочитав эти строки, пожмет плечами: разве только металлург может так сказать? Верно, дело не только в профессии. Но когда человек действительно находит свое призвание, всегда для него свершается маленькое чудо открытия самого себя.

С Саушкиным это произошло, судя по всему, сравнительно недавно. Пожалуй, даже покидая школу, Анатолий и представить себе не мог, каким он будет лет через десять. Работал тогда плотником на стройке, был, что называется, как все — не лучше, не хуже. Случалось, сгоряча подавал заявление об уходе, когда бригаде не хватало фронта работ и это отражалось на заработке. После службы в армии он по совету отчима, липецкого металлурга, пошел на металлургический завод, думая — что греха таить! — не столько о призвании и месте в жизни, сколько о более благоприятных для себя условиях... Ему предлагали пойти в цех, но он попросился на должность газоспасателя.

— С чем бы сравнить эту работу? Живешь, как на вулкане. Раньше мне так казалось — у газоспасателей и времени свободного много и всякие возможные опасности — одним словом, романтика. А оказалось — тяжелые будни, и все для того, чтобы никаких там опасностей в помине не было. До сих пор помню, как часами приходилось висеть на доменной печи, чеканить газовый клапан — представляете условия для работы, если от напора газов даже металл корежится? Там я понял, что легких профессий не бывает. Зато узнал все производство — домны, конвертеры, прокат. И решил, что надо учиться дальше...

Очень важный момент в биографии молодого человека — работа на заводе. Здесь, как правило, происходит незаметный отсев — заводская среда как бы снимает окалину с крепнущего характера, сжигает все мелкое, частное, что мешает росту человека. Процесс медленный, сложный, не всякий выдерживает «обработку» таким огнем...

Окончив техникум, Анатолий стал старшим нагревальщиком металла в прокатном цехе. В то время у него уже был опыт работы на методической печи, но от подручного до старшего, от исполнителя до руководителя бригады — большой диапазон. А вскоре подоспело и первое испытание. Один специалист усомнился в качестве подогрева металла, предложил остановить печь: «Металл к прокату непригоден!» Саушкин — к приборам. Нет, без отклонений. Стараясь не торопиться, подошел к печи, долго глядел через смотровое окно на раскаленный металл. Нет, все нормально! Решил продолжать нагрев в том же режиме, но лишь когда был получен результат анализа металла, вздохнул с облегчением. Кто знает, сколько сил было отдано этим, на посторонний взгляд, спокойным минутам! Но только так и приходит опыт, только так формируется отношение к тебе окружающих, которое позже будет названо «авторитет».

— Года два еще отработал, прежде чем почувствовал, что я металлург,— говорит Анатолий.

Он и позже не утратил способность принимать ответственность на себя. Предлагал изменить кое в чем конструкцию печи, долго бился над графиками, расчетами, нашел поправку к режиму нагрева — такую, которая позволила здорово сократить подачу газа. Сам не заметил, что жизнь стала строиться в зависимости от того, как складывалась смена... И в какой-то момент оказалось, что он, Анатолий Саушкин,— уже совсем другой человек. Наставник. Рационализатор. Орденоносец. Ударник. Секретарь партбюро бригады, член райкома КПСС...

Вот мы и прошли по жизни Анатолия Николаевича Саушкина вплоть до сегодняшнего дня, составили некую схему становления металлурга, но, как всякая схема, она дает лишь повод к дальнейшим размышлениям, построениям и анализам. Трудно сказать, насколько она типична, но уж, безусловно, для нашего времени характерна.

И еще одна, очень важная для выводов деталь: наше знакомство состоялось в последние дни февраля, когда повсюду в Липецке были вывешены плакаты с портретами А. Н. Саушкина — кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. Кандидатуру выдвинули липецкие металлурги, коллективы заводов «Свободный сокол», «Центролит». Я был дома у Анатолия и позже, когда результаты выборов только-только появились в печати и новый депутат принимал первые поздравления. Квартиру заполнила шумная ватага родственников. «Ну, Толя, мы теперь у всего города на виду!» «Держись, Толя, теперь тебе поддадут жару с наказами!» «А меня по знакомству примешь без очереди или ждать заставишь? Смотри, а то матери пожалуюсь!» Шуткам не было конца, но мне показалось, что за радостным оживлением в Анатолии чувствовалась внутренняя напряженность: как найти ту грань поведения, которая будет теперь наполнять новым смыслом каждое слово, каждый жест? Он словно прошел очередную свою вершину и сейчас готовился к куда более важному, ответственному штурму...

Это и есть новая доменная печь № 6.

Оператор Анна Ненахова и нагревальщик Геннадий Невейкин.

Липецку — двести лет.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

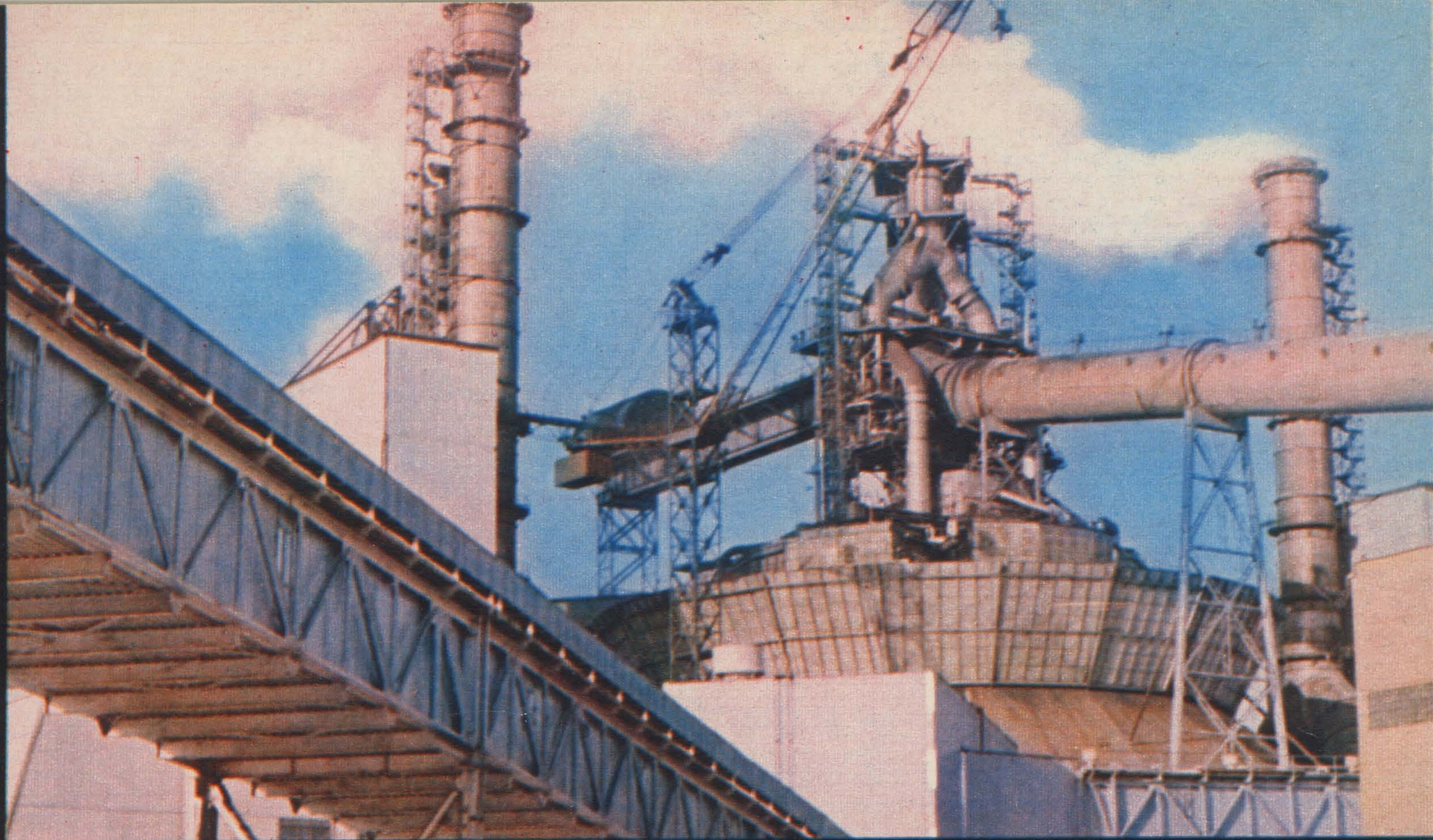
Листопрокатный стан «2000».

Анатолий Жуков — старший сталевар, лауреат Государственной премии СССР.

Идет чугун.

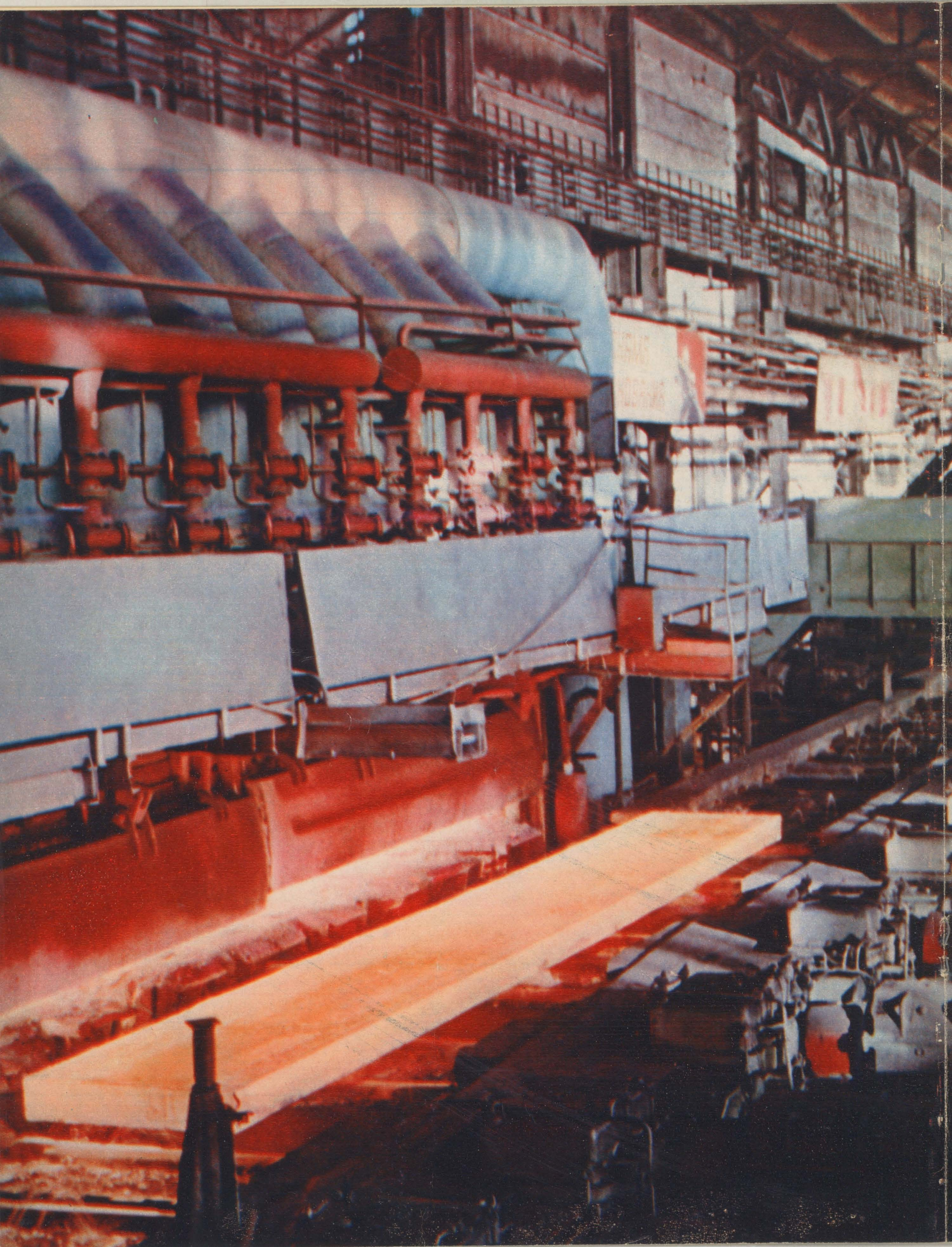
Газовщик доменной печи Петр Холодный.

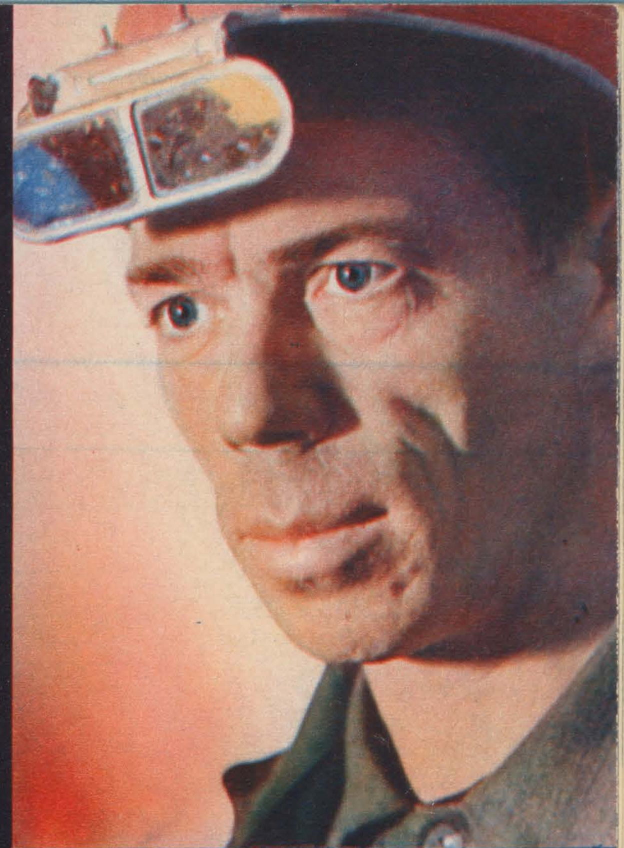
У ГОРОДА НА ВИДУ

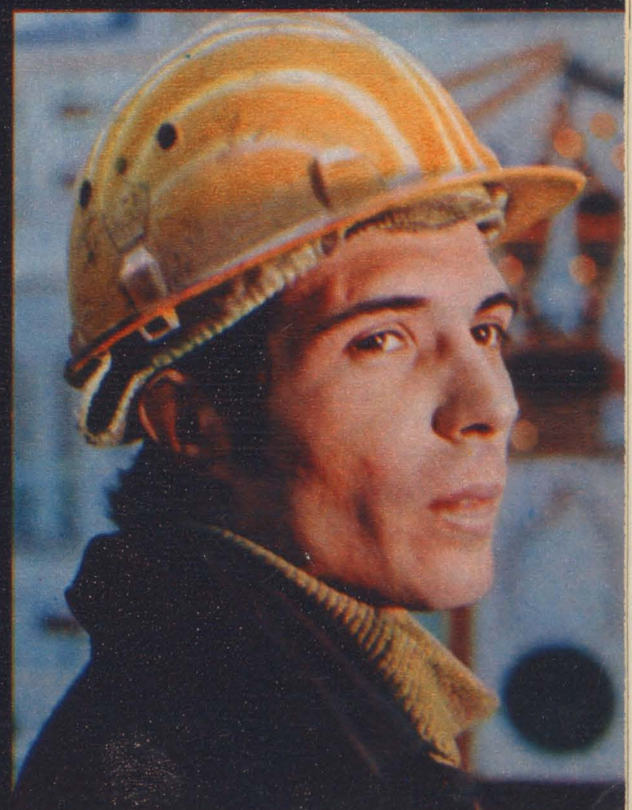

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Владимир НИКОЛАЕВ

В полной драматизма истории расследования убийства Кеннеди есть еще один памятный эпизод. Как теперь стало известно, конкретные детали плана этого преступления были разработаны в Новом Орлеане. И вот именно там окружной прокурор города Джим Гаррисон вдруг заявил, что начинает дело против заговорщиков, убивших Кеннеди. Произошло это в 1967 году. Гаррисон сообщил, что начинает аресты преступников. Тут же после этого заявления один из подозреваемых, кубинский эмигрант Дэвид Фэрри, был найден мертвым у себя на квартире. Узнав об этом, Гаррисон приказал разыскать во Флориде близкого друга Фэрри, тоже кубинского эмигранта, Эрадео дель Барре. Его нашли, но уже мертвым, в автомобиле, с рассеченным пополам черепом.

Такое начало могло говорить только об одном: Гаррисон напал на след! И в самом деле, Дэвид Фэрри уже был под арестом в связи с убийством президента. Бывший агент ЦРУ, он крайне странно вел себя с 22 по 24 ноября 1963 года (22-го был убит Кеннеди). Об этом сообщили властям. Фэрри арестовали в Новом Орлеане, допросили и... выпустили, поскольку донесший на него человек вдруг отказался от своих прежних показаний. Фэрри был опытным летчиком, и считают, что именно он вывез из США на частном самолете всех непосредственных участников покушения на Кеннеди. Установлен факт связи между Фэрри и Руби, убившим Освальда. А в 1975 году, кстати, в связи с расследованием деятельности ЦРУ выяснилось, что гангстер Руби был платным агентом ФБР. И этого мало! На сегодня есть уже несколько свидетельств о том, что Руби и Освальд были знакомы (помните вскрик Освальда за миг до смерти?), причем Руби знал, что Освальд служил в ЦРУ. Все эти типы (Фэрри, Руби, Освальд и другие) оказались связанными одной веревочкой, за которую и потянул прокурор Гаррисон.

Потеряв сразу двух свидетелей, Гаррисон поспешил начать аресты. Первым попал за решетку Клей Шоу, предприниматель из Нью-Орлеана. Гаррисон считал его наряду с Фэрри одним из главных участников заговора. По утверждению прокурора, оба они были агентами ЦРУ.

Окружной прокурор Нового Орлеана — заметная фигура. Гаррисон, будучи на этом посту, не раз обращался к властям в ходе различных расследований, и ему всегда оказывали нужное содействие. В этом же деле Гаррисон как бы наткнулся на стену. Никто из официальных лиц и организаций не шел ему навстречу, а какие-то очень влиятельные силы всячески срывали его работу: выкрадывали документы, подсылали свидетелей-провокаторов, начали кампанию клеветы против Гаррисона. Особенно взбесило власти то, что прокурор говорил о причастности ЦРУ к убийству Кеннеди. Тогда, в 1967 году, это предположение многим казалось невероятным, а вот в 1975 году бывший руководящий сотрудник ЦРУ подтвердил, что Шоу и Фэрри действительно были платными агентами ЦРУ. Но это случилось только в 1975 году, когда на поверхность всплыли многие грязные делишки ЦРУ. А в 1967 году с Гаррисоном сумели расправиться и не дали ему довести расследование до конца. Послушаем, что сказал по этому поводу сам прокурор:

«Я надеялся на активное содействие со стороны властей и был поражен, когда правительство с самого начала выступило в поддержку обвиняемого Клея Шоу. Министр юстиции Рамсей Кларк утверждал, что Шоу уже прошел проверку в ФБР и его невиновность доказана. Президент Джонсон заявил, что не видит необходимости возобновлять расследование, проведенное комиссией Уоррена. Рамсей Кларк заявил, что привлечет меня к суду. На каком основании — неизвестно до сих пор. Крупнейшие еженедельные журналы, контролируемые ЦРУ, старались убедить читателей в том, что я связан с мафией. Меня пытались запугать и уговаривали прекратить процесс. Знакомый нефтепромышленник из Техаса позвонил мне и сказал, что в интересах моего будущего следует остановить расследование. Потом меня посетил один тип, назвавшийся «предпринимателем с Запада», и спросил, не интересует ли меня пост федерального судьи. Это было явное предложение сделки... Министерство юстиции возбудило против меня уголовное дело. Чиновники федеральной службы безопасности и агенты ФБР ранним утром ворвались в мою квартиру и на глазах у жены и детей надели на меня наручники. Это было кошмаром. Мне предъявили совершенно беспочвенное обвинение в том, что я получал взятки от владельцев заведений игральных автоматов. Я вынужден был ежедневно ходить в суд и выступать в свою защиту. Конечно, я доказал свою невиновность, и суд меня оправдал. Но тогда мне не хватало времени исполнять как следует обязанности окружного прокурора. На следующий год против меня возбудили новое дело — на этот раз меня обвинили в сокрытии от налоговой инспекции взяток, полученных от владельцев заведений игральных автоматов. И это после того, как суд снял с меня обвинение во взяточничестве! Меня и на этот раз оправдали, но мой престиж был подорван...»

В результате Гаррисон лишился работы, от него ушла жена... Заговорщики, видно, не решились убить прокурора, но все равно расправились с ним и сорвали начатый им процесс. Остается еще добавить, что главный обвиняемый Клей Шоу вскоре умер. А мы уже знаем, что в нескончаемой цепочке жертв, связанных с делом Кеннеди, часто нельзя точно сказать, имеем мы дело с убийством, самоубийством или же естественной смертью.

Непрекращающиеся попытки заговорщиков замести все следы и воспрепятствовать любым расследованиям убийства президента распространились и на новую комиссию конгресса по расследованию этого дела, созданную в 1976 году. В начале 1977 года вынужден был уйти со своего поста ее председатель конгрессмен Г. Гонсалес. Он заявил, что в США есть «влиятельные и могущественные силы», которые всячески препятствуют работе комиссии. С самого начала, заявил Гонсалес, расследование «стремились превратить в фарс», и он вынужден был уйти в отставку, не имея возможности бороться с оппозицией его деятельности. Такая же участь постигла главного советника и следователя комиссии Р. Спрейга. Его назначение на этот пост, по-видимому, очень встревожило заговорщиков, так как Спрейг, в прошлом прокурор города Филадельфии, слыл сильным и решительным юристом, достаточно сказать, что из 70 расследовавшихся им дел он нашел убийц в 69 случаях. Спрейг разработал в комиссии большую программу расследования, объявил, что привлекает к работе 170 опытнейших юристов, что добьется допуска ко всем засекреченным материалам по этому делу и что, самое главное, не будет допускать к работе комиссии ЦРУ и ФБР. И тут же была организована кампания травли Спрейга, в результате которой он ушел с этого поста.

Нет, недаром один из ведущих американских писателей, Норман Майлер, и еще двадцать восемь литераторов направили письмо президенту США Картеру, в котором возмущаются тем, что расследование дела об убийстве Кеннеди всячески срывают ЦРУ и ФБР.

СКАНДАЛ В БЕЛОМ ДОМЕ

Есть в деле Кеннеди еще один аспект, который мало кому известен и на который почему-то не обращают должного внимания. Оказывается, существует прямая связь между этим преступлением века и самым крупным политическим скандалом за всю историю Америки — так называемым уотергейтским делом, в результате которого был вынужден покинуть Белый дом президент США Никсон.

Уотергейтский скандал начался в разгар очередной избирательной кампании по выборам американского президента. Как известно, в политической борьбе за власть, за Белый дом обе главные соперничающие между собой буржуазные партии — демократическая и республиканская — в выборе средств не стесняются. Так случилось и в тот раз. Ночью 17 июня 1972 года агенты республиканской партии тайно проникли в штаб-квартиру демократической партии, находившуюся в столичном фешенебельном комплексе, называемом Уотергейт. Они с ловкостью профессиональных взломщиков одолели все замки и запоры. В хирургических перчатках — чтобы не оставлять отпечатки пальцев — они занялись установкой подслушивающей аппаратуры, фотографированием документов. Заправилы из республиканского избирательного комитета направили их на это дело, чтобы выведать тайны предвыборных махинаций демократов.

Случилось так, что ночной сторож заметил налетчиков и вызвал полицию, которая и арестовала всех семерых непосредственных участников этой акции. Те, разумеется, сразу не «раскололись», не признались, кто стоит за ними. Но с самого начала их подвели... деньги. Те самые доллары, за которые они выполняли свою грязную работу. При обыске в полиции у них по карманам наскребли несколько тысяч — десятки новеньких стодолларовых ассигнаций, все как из-под одного печатного станка. Тут же полиция без труда установила, что все эти дорогие зелененькие бумажки были накануне сняты с одного счета в вашингтонском банке — со счета избирательного комитета республиканской партии. Те, кто послал налетчиков на дело, взбодрили их хорошим авансом, не рассчитывая, конечно, на то, что эти деньги попадут в руки следствия.

Участники налета все равно долго запирались. Но поскольку преступление получило огласку, демократы делали все, чтобы раздуть его и подорвать шансы республиканцев на выборах. Но выборы подошли очень скоро, в ноябре того же года, и к тому времени скандал этот только-только разгорался. Как известно, республиканцы одержали на них победу, но

Окончание. См. «Огонек» №№ 14, 15.

Депутат Верховного Совета СССР, старший нагревальщик Анатолий Николаевич Саушкин и его бригада. ✻ На улице Космонавтов. ✻ В доме отдыха своя картинная галерея. ✻ В заводском тире. ✻ Шахматные баталии.

демократы, вцепившись в уотергейтское дело, не желали предавать его забвению. Со своей стороны, республиканцы делали все, чтобы замять скандал, но он постепенно принимал все более и более угрожающие размеры и все ближе и ближе подходил к самой верхушке правящей республиканской партии. Уже в то время журнал «Ньюсуик» так комментировал это событие:

«За время, прошедшее с тех пор, запутанное дело стало похоже на многоголовое чудовище. Всякий раз, когда республиканцы пытались уладить скандал, на поверхность всплывали новые компрометирующие факты. Их уже накопилось столько, что происшествие в Уотергейте стало самым скандальным случаем политического шпионажа в истории президентских выборов в США. Вся эта любопытная и поучительная история дает редкую возможность заглянуть за кулисы американской политики и увидеть мрачных шпионов, откалывающих номера в духе кинобоевиков. Сюжет истории наряду с интригующим вторжением в служебное здание Уотергейта охватывает специальную группу сотрудников Белого дома, подслушивающих телефонные разговоры представителей администрации, серию шпионских операций против демократической партии, в том числе подслушивание с помощью электронного оборудования и фотографирование документов из досье, составленных демократами».

Процесс над уотергейтскими налетчиками начался только в январе 1973 года, то есть через два с лишним месяца после выборов. Перед началом процесса судья заявил, что он желает получить ответы на следующие вопросы: «Для чего эти люди проникли в штаб-квартиру демократической партии? Был ли политический шпионаж их единственной целью? Были ли они наняты за деньги? Кто нанял их? Кто организовал все это?» Когда суд закончился, судья сказал, что ответов на эти вопросы он не получил. Еще бы!.. Впоследствии выяснилось, какое огромное давление оказывала на суд и подсудимых администрация Никсона в то время, чтобы отвести от себя беду.

И все же ниточка продолжала распутываться. Один за другим оказывались замешанными в это дело самые верные приближенные президента, вплоть до Джона Митчелла, бывшего министра юстиции, а в то время руководителя избирательного комитета республиканской партии. Последний, кстати, сразу же после ареста налетчиков заявил: «Все эти люди не имели никакой связи с нами и не получали от нас никаких поручений». Через год, когда разросшийся скандал принял более четкие очертания, когда стала ясна связь налетчиков с администрацией Белого дома, Митчеллу пришлось под тяжестью обвинений признаться, что он сам и разработал преступную операцию (это бывший министр юстиции страны!). Один за другим почти все ближайшие сотрудники Никсона попали под суд, а затем за решетку. Правда, надо сказать, что на сроки самые минимальные и в условия весьма комфортабельные. Но даже и эти сроки никто из них не отсидел, вскоре все они были освобождены. Мало этого! Будучи людьми образованными и знающими, они, как и многие другие американские преступники, хорошо заработали на мемуарах о своих грязных делишках, больше всех (несколько миллионов долларов!) огреб за свои воспоминания бывший президент Никсон.

Уотергейтское дело вскрыло, что политическая коррупция стала в Белом доме непреложным правилом, что шпионаж и тайная слежка друг за другом санкционировались самим американским президентом. В этих условиях такие по идее стражи закона, как ФБР и ЦРУ, превратились в средоточие беззакония, в зловещую и не управляемую властями силу. Не случайно в уотергейтском деле, как и в деле об убийстве Кеннеди, ЦРУ и ФБР всячески заметали следы преступников, поскольку сами были замешаны. Не случайно участники уотергейтского налета оказались бывшими сотрудниками ЦРУ и ФБР! Причем сотрудниками весьма бывалыми и деятельными.

Непосредственно руководил налетчиками Говард Хант, а основными исполнителями были Бернард Бейкер и Фрэнк Старджес. Все трое — в прошлом кадровые сотрудники ЦРУ. Все трое в апреле 1961 года участвовали по заданию ЦРУ в интервенции против Кубы в заливе Кочинос. Как и их руководители из ЦРУ, все трое люто возненавидели Джона Кеннеди за то, что он не вовлек в ту авантюру американские войска. Как и многие другие враги Кеннеди, Хант открыто называл его «предателем».

Специализируясь в ЦРУ на преступных акциях, троица не случайно оказалась замешанной в уотергейтском деле. Причем Ханта, например, никак не назвать рядовым исполнителем. Он, как видно, очень много знал и об уотергейтском деле и о других бесчинствах тогдашней и предыдущих американских администраций. Достаточно сказать, что, как потом выяснилось, сам директор ФБР лично уничтожил содержимое сейфа Ханта, как только начался уотергейтский скандал. Да что там директор ФБР! Хант шантажировал самого президента Никсона, требуя миллион долларов за свое молчание в ходе расследования уотергейтского дела. И как же отнесся к этому Никсон? Он выплачивал эти деньги! Знающие люди считают, что в той ситуации миллиона за молчание по поводу уотергейтского дела было более чем достаточно. Значит, Хант знал кое-что еще. И возможно, пострашнее уотергейтских секретов!..

Рассказывая о том, как Ли Харви Освальд незадолго до покушения на президента Кеннеди перекрашивался в «красный» цвет, мы упомянули о его поездке в Мексику, где он надеялся получить туристскую визу на Кубу. И знаете, кто опекал Освальда в Мексике? Говард Хант! В то время он был заместителем начальника отделения ЦРУ в Мехико. Мы уже писали, что сразу эту визу получить не удалось, надо было еще хлопотать о ней, но приближался намеченный визит Кеннеди в Даллас, и Хант приказал Освальду срочно направиться туда же.

Знал ли Никсон об участии Ханта в заговоре против Кеннеди? Почему он так доверял Ханту, что именно ему поручили возглавить уотергейтский налет? Вообще знал ли Никсон о зловещей роли ЦРУ и ФБР в заговоре против Кеннеди? Уж кто-кто, а президенты США, надо думать, немало знали об этом. Недаром президент Джонсон запретил в 1963 году публикацию важнейших документов и фотографий по делу об убийстве Кеннеди до... 2039 года! И тем не менее в 70-е годы о многих зловещих и незаконных действиях ЦРУ и ФБР уже знали все, тем более должен был о них знать президент США Никсон. К тому же у последнего с деятелями типа Говарда Ханта были давнишние тайные контакты. Мы уже упоминали о том, что летом 1960 года президент США Эйзенхауэр приказал сформировать вооруженные отряды из кубинских эмигрантов, а затем создал специальную комиссию по разработке плана операций против Кубы. Комиссия вела свою работу, исходя из того, что малочисленным силам кубинских контрреволюционеров не обойтись без активной поддержки вооруженных сил США. Это был краеугольный камень планов комиссии. Руководил ею тогдашний вице-президент США Никсон. Стоявшие за Никсоном силы предполагали, что на президентских выборах в ноябре 1960 года он победит Кеннеди и тогда санкционирует участие американских войск во вторжении на Кубу. Но, как известно, президентом был избран Кеннеди. Понятно, что решение последнего не допускать участия войск США в авантюре кубинских контрреволюционеров не могло не ударить больно по Никсону. В этом смысле и Никсон и Хант оказались одинаково «пострадавшими», будучи одного и того же мнения по поводу необходимости американского вторжения на Кубу в 1961 году и будучи его активными организаторами. Если Никсон руководил общим планированием вторжения на Кубу, то Хант был одним из главных исполнителей этих планов. В качестве сотрудника ЦРУ он непосредственно создавал отряд кубинских эмигрантов-контрреволюционеров, их лидеры были в его подчинении.

Примечательно, что и у Ханта было немало причин ненавидеть президента Кеннеди. Хант был студентом в одни годы с Кеннеди, встречался с ним и тогда еще невзлюбил его. Эта антипатия переросла в ненависть после провала авантюры с кубинскими контрреволюционерами. И, наконец, ненависть перешла в ярость, когда Кеннеди отправил в отставку директора ЦРУ А. Даллеса. Обиделся так сильно Хант не столько за своего директора, сколько за себя лично. Дело в том, что незадолго до этого Даллес сделал Ханта своим личным помощником. Вот до каких высот в ЦРУ добрался Хант! Можно представить себе, как много знает этот прожженный аферист о секретах ЦРУ и Белого дома!

В настоящее время стало известно, что Хант выполнял многие сверхсекретные грязные дела ЦРУ, вплоть до того, что лично фабриковал документы, намеренно порочащие президента Кеннеди. Именно Ханту поручили разделаться с Д. Эллсбергом, передавшим в печать так называемые «документы Пентагона». Разведчик-провокатор, Хант и тут действовал своими привычными методами: собирал и фабриковал порочащую Эллсберга информацию, устроил налет (взлом с помощью воровских отмычек) на офис врача-психиатра, у которого как-то консультировался Эллсберг. Хант посылал налетчиков на кубинское посольство в Мехико, на чилийское посольство в Вашингтоне... Так что ему с его опытом вовсе не случайно поручили налет на штаб-квартиру демократов в Уотергейте.

Есть в сложной и, разумеется, весьма таинственной биографии Ханта и еще одна деталь, о которой упоминается в книге, рассказывающей о попытке убить Кеннеди еще раньше 1963 года, а именно в мае 1961 года, во время его визита во Францию. Эта книга называется «400 тысяч долларов за убийство Кеннеди в Париже». В английской газете «Гардиан» была напечатана на нее рецензия, в ней, в частности, говорилось: «Книга рассказывает о бывшем французском легионере и оперативном агенте ОАС Жан-Луи Ромеро. В безупречно документированной, основанной на исследованиях во Франции и Южной Америке книге автор приходит к выводу, что Ромеро говорит правду, когда утверждает, что агент ЦРУ по кличке Майк предлагал ему 400 тысяч долларов за убийство президента Кеннеди во время его визита во Францию для встречи с де Голлем в мае 1961 года. Косвенные улики, включая описания внешности, кажется, оставляют мало сомнений, что Майком был Хант». Об участии Ханта в заговоре против Кеннеди сообщил и прокурор из Нью-Орлеана Джим Гаррисон, о котором мы уже упоминали. Но и этого мало! В 1975 году в Нью-Йорке вышла книга «Переворот в Америке», в которой говорится, что Хант тайно руководил операцией по убийству Кеннеди.

И еще кое-что о Ханте. Его жена, Доротея, тоже работала на ЦРУ. В конце 1972 года, точнее, 8 декабря, она погибла в авиакатастрофе. Случилось это вскоре после начала уотергейтского скандала. Кому-то Доротея мешала, и кто-то ее боялся. Дело в том, что в трупе Доротеи Хант была найдена смертельная доза медленно действующего яда. Тот же яд был найден в трупе летевшей вместе с ней журналистки. При расследовании причин этой авиакатастрофы обнаружилось, что кто-то повредил важные приборы в самолете, в том числе альтиметры, показывающие высоту полета (самолет при посадке врезался в жилые дома в двух километрах от аэродрома). Ко всему прочему во время захода самолета на посадку по неизвестной причине отказала электронная система посадок аэропорта. А был туман... Кто-то был очень крепко озабочен тем, чтобы Доротея Хант ушла из жизни. Поэтому кто-то дважды перестраховался: и яд употребил и самолет разбил. Высказывались догадки о том, что ее отправили на тот свет потому, что она слишком много знала, будучи женой Ханта и сотрудницей ЦРУ. Смерть эта, по расчету ее убийц, должна была стать зловещим намеком и самому Ханту. Ведь он, как известно, многих шантажировал, в том числе и Никсона, пытаясь заработать на уотергейтском деле. Хант был уверен, что его молчание обо всем, что он знает, стоит нескольких миллионов.

В мемуарах Никсона об уотергейтском деле не раз упоминается Говард Хант, поскольку последний непосредственно руководил злополучным налетом. В этих мемуарах Никсон, разумеется, как может, пытается обелить себя. Тем не менее ему невозможно уйти от общеизвестных фактов. И вот даже в его изложении видно, как тесно был связан он, президент США, с Хантом.

Как только Никсон начинает излагать завязку уотергейтской истории, имя Ханта тут же всплывает на поверхность. Никсон пишет об одной газетной статье, в которой говорилось,

что «...бывший агент ЦРУ Хант служил в Белом доме в качестве консультанта Чока Коулсона. Упоминание имени Коулсона,— продолжает Никсон,— заставило меня насторожиться. Он входил в круг моих самых близких помощников и советчиков, а если он оказался замешанным в эту историю, то создавалась совершенно новая ситуация». Итак, для начала мы узнаем, насколько Хант был близок к президенту США уже по занимаемой им должности в Белом доме. Дальше — больше. Никсон пишет: «Во вторник (20 июня) в 14.00 ко мне явился Коулсон. Без всяких вступлений он стал с ходу защищать Ханта. Он доказывал, что Хант слишком хитер и умен, чтобы ввязываться в столь любительски задуманную операцию, как «уотергейтский взлом». Никсон в своих мемуарах вспоминает, что «ведь именно Хант готовил кубинских эмигрантов к вторжению на Кубу в заливе Кочинос». В другом месте своих воспоминаний Никсон пишет: «Теперь, конечно, проблема состояла в том, что через Ханта вскрылись нити, ведущие к Коулсону и Белому дому». Снова и снова Хант! «Другой хорошей новостью,— читаем мы у Никсона,— было то, что ФБР пока не завело дело против Говарда Ханта». И еще: «Затем я вернулся к встрече с Хелмсом (тогда директор ЦРУ.— **В. Н.**) и генералом Уолтерсом. Говард Хант, несомненно, давал отличный повод для оправдания приглашения на такую беседу. Участие Ханта в планировании вторжения в заливе Кочинос служило дополнительным стимулом для встречи с Хелмсом... Когда Холдеман (ближайший помощник Никсона. — **В. Н.**) во второй половине дня возвратился со встречи с Хелмсом и Уолтерсом, он сообщил, что не сразу упомянул о Ханте. Прежде всего просто обрисовал возможность того, что взятое ФБР направление следствия нанесет ущерб ЦРУ и правительству. По словам Холдемана, он упорно подчеркивал, что суть проблемы заключается в риске возврата всего этого дела к истории вторжения в заливе Кочинос, и к людям, которые совершенно непричастны к «уотергейту», кроме как через случайные связи и контакты. На этой стадии разговора Холдеман и упомянул о Ханте. По словам Холдемана, Хелмс оценил всю картину событий и сказал, что был бы счастлив оказать помощь».

Слышите?! В самом начале уотергейтского скандала Никсона беспокоит возможное раскрытие каких-то других секретов, связанных с Хантом. И как только о нем заходит разговор, всемогущий директор ЦРУ Хелмс тут же «счастлив оказать помощь». Об авантюре кубинских контрреволюционеров в заливе Кочинос к тому времени все было доподлинно известно. В чем же дело? Каких других разоблачений боялись Никсон, Хелмс и другие? Мы знаем, как тесно переплелась эта авантюра с судьбой Джона Кеннеди, сыграв в ней, быть может, решающую роль. И мы знаем, что Хант был активным участником как в той авантюре, так и в заговоре против Кеннеди...

Никсон продолжает: «Договорились о том, что Уолтерс встретится с Греем (директор ФБР. — **В. Н.**) и сделает все, что нужно». Как мы уже упоминали, Грей в результате тут же уничтожил личное досье Ханта. Но как только вокруг Ханта снова сгущаются тучи, Никсон в панике. Он пишет: «Я пребывал в растерянности, ибо все указывало на то, что ФБР продолжает идти по следам Ханта». И так далее...

И еще деталь. Известно, что всегда существовал сильный антагонизм между Никсоном и Кеннеди. Они не раз сталкивались на политической арене, и случилось даже так, что оба оказались в Далласе в тот самый роковой день, 22 ноября 1963 года, когда был убит Кеннеди. Правда, Никсон вылетел из Далласа на самолете утром, а Кеннеди погиб там в полдень...

А едва отгремели выстрелы, сразившие президента США, полиция арестовала кучку зевак. Арестовала отнюдь не случайно, а потому, что они торчали как раз у кустов, из-за которых стреляли в Кеннеди. Среди задержанных оказался и... Говард Хант. Он, как и другие арестованные, был вскоре отпущен.

Есть железная логика в том, что два самых громких политических скандала в истории Америки — убийство Кеннеди и уотергейтское дело — тесно переплетаются: те же самые участники, та же самая суть. Просто прорвались два нарыва, вызванные общим заболеванием — прогнившим политическим строем.

ЗДЕСЬ ТВОРИЛ С. А. ЧАПЛЫГИН

МОСКВА

Стол, за которым работал ученый. Фото автора.

С. А. Чаплыгин. Публикуется впервые.

В Москве открылся новый музей. Он находится в квартире, где жил и работал выдающийся русский ученый-аэродинамик, математик, педагог, организатор науки, первый среди ученых-теоретиков удостоенный звания Героя Социалистического Труда, Сергей Алексеевич Чаплыгин.

Документы, автографы, фотографии собирали несколько лет. Помогали все, кто был связан с Сергеем Алексеевичем. Много сделали академики М. В. Келдыш, А. Н. Туполев, Г. П. Свищев и многие другие.

Вот его докторская диссертация «О газовых струях». Она написана в 1902 году, но вопросы, решенные в ней, были столь важны для развития авиации, что диссертация Чаплыгина стала в центре внимания международной конференции в Риме в 1935 году, а в 1944 году в США был издан ее перевод.

А вот этот стенд рассказывает о работе ученого в Московском университете. В 1911 году Сергей Алексеевич вместе с другими профессорами вышел в отставку в знак протеста против полицейского произвола в стенах университета.

Фотографии показывают Чаплыгина среди выпускниц Московских высших женских курсов, директором которых он стал в 1905 году. Здесь сказался еще один талант Чаплыгина — выдающегося организатора. Без правительственных субсидий он сумел построить прекрасные здания женских курсов по проекту А. Кузнецова, оборудовать учебные кабинеты и лаборатории, поставить преподавание на высоком уровне.

Революцию он жадно ждал и много сделал для развития не только авиационной науки молодой Страны Советов: работал в Комиссии особых артиллерийских опытов, был консультантом Днепростроя.

— Учиться у Сергея Алексеевича было трудно, он не любил посредственности, не терпел лени и очень строго спрашивал,— вспоминал своего учителя Владимир Васильевич Голубев, его биограф, автор книги об ученом.

Вы знаете, что Чаплыгин был крупнейшим ученым, но не представляете, что это был за необыкновенный человек. Незнакомые с ним, бывало, робели, пугаясь его сурового вида, но стоило ему заговорить, как вся боязнь испарялась. Чаплыгин покорял душевностью, большим тактом.

В мемориальные комнаты входишь с трепетом... Обстановка, тщательно воссозданная, поражает простотой, безыскусностью. Ученый не любил, когда домашние старались быть особенно тихими, чтобы не помешать ему работать,— он оставлял дверь кабинета открытой и иногда оживленно вступал в разговор. А здесь он читал, играл в шахматы. На стене — театральная афиша: дочь Чаплыгина Ольга была талантливой балериной.

Одну из комнат квартиры, где собрана большая библиотека, превратили в кабинет для занятий. Со временем здесь будут проводиться семинары, Чаплыгинские чтения, здесь можно будет работать студентам, аспирантам, молодым ученым. Создатели музея хотят, чтобы научная мысль не умирала там, где жил и творил выдающийся ученый.

В. МИХЕЕВ

ПОЗЫВНЫЕ «ИВАНУШКИ»

ЯМАЛ

Лабытнанги означает «семь лиственниц».

Еще не так давно всякого новоприбывшего в эти края водили к некоему месту, где, на полном серьезе уверяли старожилы, росли деревья, давшие название столице ямальских газовщиков.

Сегодня тропа к этому месту даже расширилась: рядом строители возвели монументальное здание — городской Дворец культуры. Манит молодежь не только призывный свет первого в округе каменного дома, но и звуки музыки: играет ансамбль «Иванушка»!..

Его участники приехали сюда из разных концов страны, и у каждого, как правило, имелась своя песня, заветная — из тех, которые запоминаются еще в детстве... Ну, а дальше связист Володя Булдыгин взял на себя настройку и управление электроаппаратурой, Валера Дубанов, стропальщик, стал ударником и, по совместительству, фокусником... Органично вписались в коллектив и водители автомашин Радик Мухаметшин и Валя Мохноногов, электрик Леня Сайготин и слесарь Дима Лукин, монтажник Коля Васейкин и чертежница Галя Калачева. Художественное руководство взял в свои руки шофер Владимир Рябоконов...

Так родился народный вокально-инструментальный ансамбль «Иванушка». Уже первые его концерты вызвали интерес среди любителей эстрадного искусства оригинальной программой и самобытным мастерством исполнения. А они, подчеркнем еще раз,— любители, каждый ежедневно отрабатывает свою смену на производстве, а затем — в мороз, в пургу ли — идет во Дворец и играет, играет, вкладывая душу, завоевывая признание и себе и ансамблю...

Опять в дорогу...

Когда директором Дворца культуры стал Владислав Касперов, педагог по образованию и актер по призванию, известность «Иванушки» перешагнула границы города. Салехард и Анти-Паюта, Надым и Тарко-Сале, Тазовский и Уренгой... Десятки населенных пунктов Приобского Заполярья, тысячи благодарных слушателей. Ансамбль объездил весь полуостров, побывал и в Тюмени, где получил звание лауреата на фестивале комсомольской песни. За эти годы программа стала насыщенней, богаче идейно-художественное содержание, красочней оформление. Поднялся и уровень исполнительского мастерства.

...Километры бездорожья, транспортные самолеты и вертолеты; сутки ожиданий попутного вездехода или грузовика. Пробирающий до костей знаменитый ямальский ветер, морозы, забирающиеся и в меховые унты... Но точно в обусловленный час со сцены раздаются «позывные»» ансамбля.

Иван ИСАЕВ

ДРУЗЬЯ ТУРГЕНЕВА В ПАРИЖЕ

BIBLIOTHÈQUE RUSSE TOURGUENEFF
ТУРГЕНЕВСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА
ОТКРЫТА по БУДНЯМ от 10 до 6 час.

Организаторы парижского литературно-музыкального «Общества друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран» поставили своей главной целью открытие мемориально-литературного музея И. С. Тургенева в Буживале под Парижем, где великий русский писатель проживал последние годы в своем доме и где он часто встречался со знаменитыми певицами прошлого века Полиной Виардо и ее старшей сестрой Марией Малибран, урожденными Гарсиа.

Лев Толстой. Рисунок Полины Виардо. В СССР публикуется впервые. Собрание А. Ле Френа (Франция).

Среди членов нового общества, помимо французских русистов и тургеневедов, коллективного члена общества «Франция — СССР», есть также представители научного литературного и музыкального мира Англии и Бельгии, Испании и Италии, Новой Зеландии, СССР, США, Японии и других стран.

Два года назад в зале ЮНЕСКО в Париже зазвучала музыка тех композиторов, чьи произведения исполняла когда-то Полина Виардо во Франции, Англии, Германии, Польше, России... Играли творения Глинки (называвшего певицу «нашей голубушкой Виардо»), Гуно, Доницетти, Россини, Шопена. Было исполнено и несколько романсов, написанных Полиной Виардо на стихи Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Фета.

Очень интересны выпускаемые регулярно тетради общества «Иван Тургенев, Полина Виардо, Мария Малибран», в которых публикуются впервые материалы из архивов наследников Полины Виардо, дается информация о новых книгах и монографиях, посвященных Тургеневу, печатаются статьи и исследования о великом русском писателе — друге Франции.

Под своего рода опекой общества находится «Русская библиотека» имени Тургенева в Париже. В 1975 году исполнилось сто лет со дня ее основания — при ближайшем участии И. С. Тургенева. В одной из «Тетрадей» освещена трагическая судьба этой библиотеки: вошедшие в 1940 году в столицу Франции фашисты вывезли книги из Парижа в неизвестном направлении. Лишь двадцать лет спустя трудами новых жертвователей библиотека возобновила свою деятельность под прежним наименованием. В ее растущих фондах сочинения В. И. Ленина, Большая Советская Энциклопедия, «История государства Российского» Карамзина, «История русского искусства» Грабаря, русская и советская научная и художественная литература.

«Тетради» богато иллюстрированы. Из коллекции А. Ле Френа представлен, например, факсимильно автограф стихотворения И. С. Тургенева «И брел я с трудом», написанного им в 1849 году, очень интересен не публиковавшийся ранее портрет Л. Н. Толстого (без даты), выполненный Полиной Виардо, как известно, оставившей мастерские портреты деятелей искусства и литературы.

Ник. АЛЕКСЕЕВ

Автограф И. С. Тургенева (Париж).

A la Librairie Nouvelle ...

Prière de m'envoyer
l'exemplaire de Tragal...
... et les ...
... de la ...
...

Jean Tourguéneff

ЗВЕЗДНЫЙ СЛЕД

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Г. САВИНОЙ

Максим ИВАНОВ

Можем ли мы забывать имена, которыми гордится наше искусство? Среди них имя Марии Гавриловны Савиной. В апреле нынешнего года исполняется 125 лет со дня рождения знаменитой русской актрисы. «Солнце России» — таким эпитетом награждали ее современники. Это верные слова, хотя, быть может, немного пышные... Высказывание Льва Толстого гораздо человечнее: «...Она прелестна!.. Вся насквозь умница». Очарован был Савиной и Тургенев, заметивший, кроме великого актерского дарования, у нее еще и иной дар... Тургенев подарил актрисе красивую, с золотым обрезом, тетрадь в синем переплете — альбом с ключиком и замком. Подарок, что и говорить, был сделан с намеком. Впрочем, Тургенев и прямо просил актрису, владеющую не только устной речью, писать воспоминания; эту тетрадь Савина берегла как святыню, много позже записав туда воспоминания о самом Иване Сергеевиче, «влюбленном в актерку»...

Прежде всего мы, конечно, знаем Савину как гениальную актрису. Какой же запомнилась она тем, кто видел Марию Гавриловну на сцене?

«...Смотрим, не отрываясь, прикованные, уничтоженные властью Савиной», — писала В. Юренева, театральный критик, в небольшой книжке «Актрисы», вышедшей в 1925 году.

...Идет спектакль «Татьяна Репина». Последний акт. Репина отравилась... «Звездный след своего блеска оставляет она каждый раз за собой»,— говорится в рецензии. «На сцене двое: смерть и Савина. Они борются.

Мы в агонии, мы боремся, мы умираем вместе с ней...»

Да, то была игра! Порою она выглядела едва ли не жизненнее самой жизни... Савина умела главное — видеть незамеченное простыми смертными, но присущее им. И представляла она не выдуманное, но живое. Будто снимала пелену со зрительских глаз, мешавшую видеть жизнь такою, как она есть, видеть яснее, резче, контрастнее.

Впрочем, Мария Савина начинала с вещей простых и отнюдь не драматических.

В 1927 году в «Огоньке» был впервые опубликован отрывок из мемуаров М. Г. Савиной, озаглавленный «Моя первая любовь». Позже мемуары вышли в издательстве «Academia».

Вот — начало долгого и отнюдь не всегда усыпанного розами пути актрисы.

Театр в Минске. «Я прыгала от счастья, что наконец попала в большой город и на настоящую сцену.

В первый спектакль я вышла в роли Глашеньки в водевиле «Бедовая бабушка» и имела большой успех».

Савину хвалили. Однако злые языки советовали ей «не воображать о своем таланте», так как «смазливая рожица не есть еще талант».

...Водевиль «Гамлет Сидорович и Офелия Кузьминична». Оперетка на два лица «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло»... Даже все это было школой, учебой. Порою — со слезами, сценами, упреками, вроде: «Из вас никогда не будет актрисы», «Вы навсегда останетесь кислотой».

Учителем юной Савиной был

В. И. Костровский, или, как он именовался позже, Истомин-Костровский,— артист, превосходно читавший с эстрады. Он имел хорошие манеры, приятный тембр голоса и потому амплуа героя-любовника. Очень обаятельный мужчина, он, влюбляя в себя лучшую половину публики (то есть дамскую), обеспечивал театрам отличные сборы. Добротный профессионал, учил он Савину жестко. И что же?.. «Чижичек», так ласково звали тогда Марию Савину, влюбился в своего учителя; тем занятия и кончились.

«Бедный Чижичек был влюблен в полном смысле этого слова, и это поняла публика,— говорится в мемуарах.— Чувство мое отражалось на моем лице так же, как и мои 15 лет. На другой день весь город знал об этом». Словом, все как в водевиле:

Любовь моя пылает,
Волнуется вся кровь...
Что же это предвещает...
Неужели любовь?

Но и тогда уже, в простеньких пьесах-однодневках, сразу обозначились ее, Савиной, основные данные. Ей было присуще «умение схватить типичнейшие черты изображаемого лица, при несомненной комической жилке, редкое изящество жеста и замечательная мимика, в особенности в местах драматических» (Иван Щеглов, «Чародейка русской сцены»).

Повеяло со сцены настоящей, отнюдь не водевильной жизнью, когда пришли туда пьесы А. Островского. И вот перед зрителем — милая девушка, «от которой прямо разит Замоскворечьем,— сумасбродная головушка Поликсена Барабошева» («Правда хорошо, а счастье лучше»).

Или комедия Островского «Трудовой хлеб». Героиня, сирота Наташа, по наущению подруги передает мнимому жениху Копрову свои последние, заветные деньги, оставшиеся от матери. Копров уходит, насвистывая, и Наташу берет сомнение... Пока еще ничего не случилось, но уже после этой-то простой сцены Савину «всем театром вызывают шесть раз подряд».

В чем же дело? Текст, пожалуй, еще не дает ответа — в нем нет расчета на эффект. Но Савина (смелость гения!) добавляет от себя веру в человека и всепрощающую любовь к нему, как бы дурно он ни поступал. И все это передано глазами, мимикой, да нет, мимика — грубое здесь слово,— музыкой лица, музыкой жеста.

Так дополняли друг друга Таланты с большой буквы. Происходило взаимообогащение драматургии и театра. И рецензенты, задыхаясь от восторга, не могли уже ничего написать, кроме слов: «Она была неподражаема».

М. Г. Савина сыграла более трехсот ролей. Достаточно назвать такие, как Евлалия — «Невольницы» Островского, Акулина — «Власть тьмы» Толстого, Сюзанна — «Женитьба Фигаро» Бомарше, Мирандолина — «Трактирщица» Гольдони, «Дикарка», «Чародейка», «Татьяна Репина»...

«С кем сравнить ее?» — спрашивали современники. Но любое сравнение никуда не годилось: «Савина есть только Савина».

Мария Гавриловна Савина (ее девичья фамилия Подраменцова) родилась в Каменец-Подольске; мать — актриса, играла в провинции комических старух; отец — учитель рисования, затем также стал актером.

Первое выступление Савиной — в Одессе. Семилетним ребенком она играла в комедии Чернышова «Испорченная жизнь» роль мальчика.

В 1869 году ангажемент в Минске. Играть надо было водевили и оперетки. Затем то же в Харькове. Здесь она вышла замуж за актера Савина.

Калужский театр, театры Нижнего Новгорода, Казани, Саратова, Орла... Наконец Санкт-Петербург. Дебют на сцене клуба художников в комедии «Блуждающие огни». И, наконец, 9 апреля 1874 года — роль швейки Кати в комедии В. А. Крылова-Александрова «По духовному завещанию». Александринский театр заключил контракт с Савиной, и там она оставалась до конца дней своих признанной премьершей прославленной труппы.

Она была первой общественной деятельницей среди русских актрис, одним из организаторов и председателей Русского (ныне Всероссийского) театрального общества. Благодаря ей появилось и убежище для престарелых артистов (сейчас — Дом ветеранов сцены ВТО).

...И вот наступает XX век. Одна война, затем другая. Савина тяжело переживала поражение русских войск. Она видела набитые беженцами поезда, и это ранило ей сердце.

— Какой ужас! Какой ужас! — повторяла она.— В особенности неописуема судьба детей, голодных, холодных и лишенных крова! Здесь все вопиет о помощи!.. Как только немного оправлюсь, уйду вся с головой в это дело!..

Не пришлось... В одну из поездок по разоренной России она простудилась.

К вечеру поднялась температура. Удушливый кашель не давал спать. Несколько дней болезни. Потом вдруг глубокий обморок.

Шприц! Камфара! Но поздно, поздно... Кто-то сказал: «Вот еще одна новая жертва войны».

В 5 часов 30 минут 8 сентября 1915 года Марии Гавриловны Савиной не стало. Закатилось «солнце России»...

Печальное траурное шествие. «И сотвори ей вечную память»,— вздохнула многотысячная толпа на площади перед Александринским театром...

Она осталась среди нас. Юбилей Савиной отмечает вся театральная общественность страны. Жизнь великой актрисы — часть замечательной истории русской сцены.

М. Г. Савина.

«Укрощение строптивой».

«Власть тьмы».

«Гроза».

Ильзе **ТИЛЬШ-ФЕЛЬЦМАН**

РАССКАЗ

Рисунки **А. ЛУРЬЕ**

Ильзе Тильш-Фельцман — известная австрийская писательница, автор книг и радиопьес, посвященных проблемам современного буржуазного общества. Одиночество человека в капиталистическом городе, убогость повседневной жизни западного обывателя, запуганного военной пропагандой, погоня за наживой, модой — вот явления, с которыми она ведет непрестанную борьбу.

РАЗГОВОРЫ С ЮЛИЕЙ

Нет, мы не порываем контактов с друзьями нашей юности, как это делают другие. Мы шлем друг другу открытки с рождественскими и новогодними поздравлениями, открытки с видами на море и горы, мы посылаем извещения о свадьбах и смертях наших близких родственников, мы, наконец, звоним по телефону.

Примерно раз в три месяца я звоню Юлии. Привет, Юлия, говорю я, как поживаешь, что поделываешь, здоровы ли дети, как дела у Валентина, у вас тоже был грипп, куда вы собираетесь поехать летом, что ты скажешь об этой погоде? А Юлия говорит, что погода отвратительная, что таких дождей давно уже не было, что сшила себе новое платье до колен, с рюшками, что у Валентина все в порядке, дети здоровы. Тогда я говорю: заходите, пожалуйста, к нам как-нибудь вечерком, а Юлия говорит: ах, у нас всегда так мало времени, ты ведь знаешь — дети, Валентин к вечеру так всегда устает, может быть, через месяц я позвоню тебе, привет Паулю.

Спустя шесть недель звонит Юлия. Привет, говорит она, как поживаешь, что поделываешь, здоровы ли дети, как дела у Пауля, есть ли у вас какие-нибудь планы на отпуск, что ты скажешь об этой погоде? А я говорю, что погода ужасна, такой жары давно уже не было, я сшила себе новое платье, у Пауля все в порядке, дети здоровы. А Юлия говорит: заходите, пожалуйста, к нам как-нибудь вечерком, а я говорю: ты ведь знаешь — дети, Пауль тоже всегда к вечеру устает, может быть, через месяц я позвоню тебе, привет Валентину.

Так происходит уже несколько лет. Юлия живет на юге, я живу на севере, между нами лежит город. Нам не надо пересекать его, не надо садиться в машину и целый час ехать, чтобы поговорить друг с другом, ведь у нас есть телефон.

Юлия, говорю я спустя шесть недель, как поживаешь, где вы отдыхали, что ты скажешь об этой погоде, как дела у Валентина? А Юлия говорит, что все в порядке, что они вернулись из Испании, у Валентина все хорошо, она купила себе платье, длинное, до икр, заходите, пожалуйста, к нам как-нибудь вечерком, таких холодов давно не было. А теперь извини, говорит она, суп убегает, стиральная машина, утюг, привет Паулю, скоро тебе опять позвоню.

Так происходит уже много лет. Между нами лежит город с домами, церквами и башнями, сберегательными кассами, школами, больницами, со свадьбами, похоронами, рождениями. Мы разговариваем, не обращая на это никакого внимания, Юлия из своей квартиры, я — из своей.

Привет, говорит Юлия, так сухо уже давно не было, должен же наконец пойти дождь, я купила себе платье, короткое, как теперь носят.

Привет, говорю я, у Пауля все в порядке, у детей была корь, а Юлия говорит: ужасная погода, так много снега на улицах, а я говорю: суп убегает, утюг, стиральная машина, привет Валентину.

В городе между нами убивают, любят, воруют, грабят, зачинают жизнь, рождаются, умирают, но ведь нам не надо пересекать его, не надо садиться в машину и ехать целый час, у нас есть телефон.

Юлия, говорю я, все в порядке, только погода плохая, а так все прекрасно. А Юлия говорит, что они приехали из Африки, что у них все хорошо, только погода плохая, что дети здоровы.

Нет, я уже не могу себе толком представить, как выглядит Юлия. Блондинка она или брюнетка? Глаза у нее голубые или зеленые? Маленькая она или высокая, толстая или худая, изящная или неуклюжая? И лица ее я уже не могу вспомнить. Круглое оно, овальное, сердцевидное или продолговатое, толстощекое или узкое? А какой у нее нос, длинный или короткий, тонкий или толстый, прямой или горбатый? Уши у нее оттопырены или нет? Есть ли у нее ямочки на щеках? Есть ли морщины на лбу, на шее? Есть ли у нее родинка, если да, то на каком месте? Как она выглядела, когда мы виделись в последний раз? Когда это было и где?

Юлия говорит, что у нее все в порядке. Стиральная машина, суп, пирог в духовке, утюг, платье, которое она как раз сшила, дети, погода, привет Паулю.

Как-то Юлия сказала, что она не красит больше волосы, ей идет седина, как у нее сейчас. А дети здоровы, только ее мучает ревматизм.

В городе, который лежит между нами, происходили катастрофы, разрушались дома, выгорали улицы, реки выходили из берегов. Юлия говорит, что у нее все прекрасно. А я говорю: приходите к нам в гости, зайдите как-нибудь вечерком, привет Валентину.

В странах, которые лежат между нами, начинались и заканчивались войны, сгорали дотла города, извергались вулканы.

Юлия говорит, что у нее все в порядке, только погода отвратительная, что она сшила себе много платьев, длинных, до пола, коротких и до колен, с рюшками, суп, стиральная машина, дождь, солнце, град, снег.

Могучие штормовые валы опустошали побережья морей, которые пролегли между нами. Прорывались плотины, тонули острова, возникали эпидемии, затоплялись континенты.

Юлия говорит, что погода ужасна, что она сшила себе несколько платьев, а у Валентина все в порядке.

Так происходит уже много лет. У меня возникает подозрение, что давно уже нет той Юлии, с которой я разговариваю, я даже не уверена, существую ли еще я.

Остался ли еще город между нами, остались ли еще реки и моря, остались ли еще люди? Юлия говорит, что у нее все в порядке.

С некоторых пор ее голос звучит гораздо тише, чем раньше. И кажется, что она уже лишь изредка меня действительно понимает. Ее ответы уже не соответствуют тем вопросам, которые я задаю. Юлия, спрашиваю, например, я, как дела у Валентина? Она отвечает: так много снега на улицах!

Юлия, спрашиваю я, как ты поживаешь? Холодно, кричит она, ужасно холодно!

Юлия, кричу я сегодня в телефонную трубку, я очень хочу тебя видеть! У меня теперь очень много свободного времени.

Ответа Юлии я уже не могу разобрать. В проводе послышался какой-то шорох, сквозь который мучительно пробирался ее голос, такой тоненький и далекий, как будто ему нужно было преодолеть огромные пространства, как будто он доносился с далекой, очень далекой звезды.

МОЯ ДРАГОЦЕННАЯ ЖИЗНЬ

Раньше я всегда думала, что с нами ничего не может случиться потому, что у нас есть подвал. Если по каким-либо причинам наступит вдруг страшный голод, нам нужно будет только спуститься в подвал и взять все необходимое. В первой же кладовке за лестницей у нас, например, лежат три тысячи банок сардин из всех частей света: японские, марокканские, испанские, португальские, югославские и итальянские, очищенные от чешуи и костей, в острой и пикантной заправке, в масле, в горчичном соусе, в томате, короче говоря, сардины всех сортов и любой цены. Потребовались годы, пока мы смогли все это собрать, и теперь не без гордости утверждаем, что мы владеем самой полной в мире коллекцией сардин.

Но это еще далеко не все, что у нас есть в подвале. За первой кладовкой, мы называем ее сардинной, каждый вошедший может обнаружить все многообразие изделий нашей пищевой и консервной промышленности. Там хранятся упакованные в пластиковые пакеты сахар и рис, мука и сухое молоко, вермишель и макароны, бобы и горох, банки с местными и тропическими овощами, картонки, полные шоколада, карамели от кашля, неочищенного миндаля, жевательной резинки, солодовых конфет, лимонных леденцов, здесь есть все, что съедобно и может долго храниться в пригодном виде, консервированное, конденсированное, стерилизованное, высушенное и порошкообразное.

Подвал наш достаточно велик, поэтому мы смогли разместить в имевшихся с самого начала кладовых множество всякой всячины. Всевозможные стиральные порошки и чистящие средства, мыло, туалетную бумагу, распылители, очищающие воздух от всяческих запахов, а поскольку в критические времена испытывается, как известно, недостаток в лекарствах, то мы запасли пенициллин, стрептомицин, тетрациклин, кортизон, сульфонамиды, гормоны и жаропонижающие средства, теперь мы вооружены против всех болезней, от проказы до холеры, от дифтерита до шизофрении, одними только противозачаточными таблетками самых разных фирм мы можем в разумных пределах ограничить деторождение в одной из развивающихся стран средних размеров лет на пять.

Надо сказать, что накапливание всех этих запасов, раскладывание их по полкам доставило мне немало счастливых часов. Зеленая капуста и красная свекла, нежная желтизна баночек с горчицей, веселые краски томатной пасты и повидла да к тому же сверкающие бутылки с подсолнечным маслом создавали чудесные контрасты. Целыми днями я занималась тем, что раскладывала все это в новых сочетаниях, и признаюсь, что за эстетической стороной я иногда даже забывала смысл всего нами накопленного.

Лишь после того, как полки во всех кладовых были забиты до отказа, я снова стала задумываться о подлинной цели нашего предприятия. А что если, подумала я, тяжелые и голодные времена настолько затянутся, что не хватит сделанных мною запасов? Если будут съедены все сардины? Если будет израсходована последняя капля растительного масла, последняя ложка муки, последняя вермишель для супа? Кто тогда во всей нашей стране даст нам хоть что-нибудь поесть?

У Пауля появилась идея расспросить старых людей, которые сумели пережить две мировые войны. И действительно, мы узнали коечто новое, я даже удивилась, как сама раньше не додумалась до этого — запасать и те вещи, которые хотя и несъедобны, но могут представить интерес как предмет обмена для людей, производящих съестные изделия и поэтому не нуждающихся в продовольственных припасах, например, готовую одежду из дорогих мехов, высокосортные текстильные товары, но самое главное — пианино. Говорят, что в критические времена за одно пианино давали в обмен два яйца, а то и три. Если подумать, насколько ценно одно яйцо во время голода, то всякий нормальный человек, которому дорога его жизнь, готов отдать за него даже рояль. Ведь тому, кого мучает голод, едва ли, если не считать некоторых исключительных случаев, захочется музицировать.

Как хорошо, что у нас есть сад! Мы пробили заднюю стену дома и выкопали под лужайкой несколько пещер, установили небольшие вентиляционные трубы, которые мы замаскировали под садовых гномов, и таким образом соорудили большой подземный склад, где мы собирались хранить все предназначенное для обмена.

И снова наступило время, о котором я, несмотря на все муки, которые я теперь постоянно испытываю, всегда вспоминаю с сердечной радостью.

С каким старанием собирали мы, например, пианино! В нашем подвале мы сложили в штабеля шестьдесят роялей — ножки мы отвинчивали,— тридцать два пианино и пятнадцать кабинетных роялей, черных и коричневых. Чтобы удостовериться, что они не расстроены, я сыграла на каждом из них «К Элизе», на каждом из ста семи пианино и роялей я сыграла «К Элизе» или «Веселого крестьянина», иногда мы, Пауль и я, играли в четыре руки, да, это было счастливое время, уже никогда больше, я это знаю, не буду я так безоблачно счастлива.

Конечно, началось все это не сразу. То, что сейчас беспрерывно меня мучает, не дает по ночам спать и терзает днем, постепенно утверждалось в моем подсознании. Я уже не помню, когда, проснувшись после полуночи вся в поту, я в первый раз сбежала в подвал и вскрыла двадцать или тридцать банок сардин, чтобы убедиться, что они еще не испортились, и просеяла мешок муки, чтобы проверить, не завелись ли в ней черви. Но в ту ночь, когда я, выбившись из сил и дрожа от холода, села на бетонную ступеньку лестницы, я впервые подумала: а что если катастрофа разразится как раз к тому времени, когда все наши запасы испортятся, содержимое всех банок протухнет, макароны, вермишель и муку сожрут черви? Я представила себя окруженной горами вонючих мясных консервов, умирающей мучительной смертью от отравления рыбой.

С тех пор все чаще и чаще средь бела дня охватывает меня страх, от которого пот катится по мне градом. Не потому, что мне кажется, будто вот-вот начнется атомная война, нет, я думаю о катастрофах меньшего размера, например, о землетрясении. Хотя дом наш построен из добротного кирпича, но что с того, ведь сколько раз писали в газетах, как рушатся стены, будто их и не было вовсе, будто они просто тьфу, жалкий мираж, за которым мы пытаемся укрыться от врагов и от холода, но горе, если мы окажемся погребенными под этими стенами, под этими добротными, хорошо обожженными кирпичами, нагроможденными друг на друга, если они замуруют нас в нашем подвале среди испорченных сардин, прогорклого масла, сбившегося в комья сухого молока и тухлой колбасы, под заплесневевшими и расстроенными, ставшими никому не нужными пианино.

С тех пор, где бы я ни была, чем бы ни пыталась отвлечься, всюду и везде я слышу, как шуршат черви, как жуют эти жирные, толстые личинки, взращенные на моих запасах. Я скольжу по их налившимся телам, утопаю в них, теряю сознание от страха и омерзения, а когда снова прихожу в себя, то ровным счетом ничего не меняется, снова начинаются эти страхи, эти мучения, и я знаю, что этому не будет конца.

Я никому не доверяю, даже Паулю. Моя собственная жизнь стала мне куда дороже, чем все то, что до сих пор я считала важным. Теперь я дошла до того, что мечтаю о катастрофах, которых я прежде боялась. Пусть они разразятся, думаю я, пока еще мой подвал в состоянии меня спасти.

Плохо только то, что я не могу высчитать данный мне срок. Никто не знает, в какую минуту начнется гниение и в мешке с мукой заведется первый червь.

В эти миги сомнений у меня возникает заветное желание, чтобы мой подвал снова опустел, чтобы в нем осталось только немного старой рухляди, запыленные игрушки, санки да лыжи, уже ставшие малы моим детям.

Перевела с немецкого Т. СТЕЖЕНСКАЯ.

«ДАЙ, ДЖИМ, НА СЧАСТЬЕ ЛАПУ МНЕ»

Это первая строка стихотворения Сергея Есенина «Собаке Качалова», стихотворения, проникнутого добрейшими чувствами к «милому Джиму». Слова поэта вспомнились мне при чтении почты нашего журнала — откликов на опубликованный в конце прошлого года очерк «Хорошо бы собаку купить».

В. ПРОНИН

читатель продолжает разговор

Речь шла об отношении к животным, в частности к собакам, о том, что заботливое, участливое отношение к «братьям нашим меньшим» воспитывает в человеке те самые качества, которые всегда ценились и всегда будут цениться среди людей,— доброту, отзывчивость, готовность прийти на помощь.

В редакцию пришло много писем, в которых авторы продолжают разговор, начатый в очерке, описывают случаи, которые запомнились им, которые их потрясли. Среди писем вряд ли найдется хотя бы одно спокойное. Письма пришли взволнованные, иногда кричащие. Не все приняли точку зрения автора, но абсолютное большинство читателей, написавших в редакцию, убеждены в том, что нравственность несовместима с жестокостью, что пренебрежение к чужой беде требует немедленного вмешательства.

«Много лет я прослужил в армии,— пишет москвич Б. А. Берлин,— на своем веку пришлось видеть много горя, много крови. Но никогда я не мог спокойно наблюдать, как измываются над животными. Я не отношусь ни к слабонервным, ни к сентиментальным людям. Мне пришлось когда-то пристрелить своего коня, и я не забуду выражения глаз моего Рикона в тот момент. Но когда сегодня я вижу, как потехи ради или из непонятного садистского наслаждения подростки мучают животных, мне бывает по-настоящему тяжело. Я не перестаю думать о внутреннем мире ребят, об их нравственной глухоте. Откуда она? А впрочем, понять нетрудно. Вот один из ее источников. В нашем доме постоянно живет несколько «общественных» кошек. Жильцы часто подкармливают их, когда появляются котята, стараются както пристроить их своим друзьям, знакомым. Но есть и другое отношение. Наш начальник жэка, может быть, это ему положено по должности, время от времени замуровывает кошек в сарае, где они живут, а недели через две сарай открывает и на глазах у всей детворы добивает животных каблуками. Он как бы говорит мальчишкам: можно к кошкам и вот так относиться, и в этом есть сила, независимость, самостоятельность. Ну, дескать, кто может? Находятся желающие испытать и свое «мужество».

Похожую историю рассказали в своем письме экскурсоводы из Днепропетровска Наталья Щербина и Татьяна Коваленко: «В 85-й школе нашего города произошел такой случай. При школе несколько лет жила собака. Недавно она ощенилась. Завхоз разжег костер и на глазах десятков учеников сжег щенят. Вот и все. Больше нет сил писать».

Можно понять состояние девушек — у них просто не нашлось слов, чтобы выразить свое возмущение подобными «уроками», воспитывающими жестокость, безжалостность. Не будем лукавить — вовсе не обязательно было ради этих щенят заводить в школе живой уголок, проводить пионерские слеты, брать над ними шефство. Но столь вызывающе и цинично уничтожать живность, бравируя бесчувственностью,— уже одно это можно назвать преступлением против нравственности. И кто знает, не захочется ли кое-кому из учеников вновь испытать столь «острые ощущения», доказать друг другу, что они тоже могут быть не менее изобретательными и твердыми...

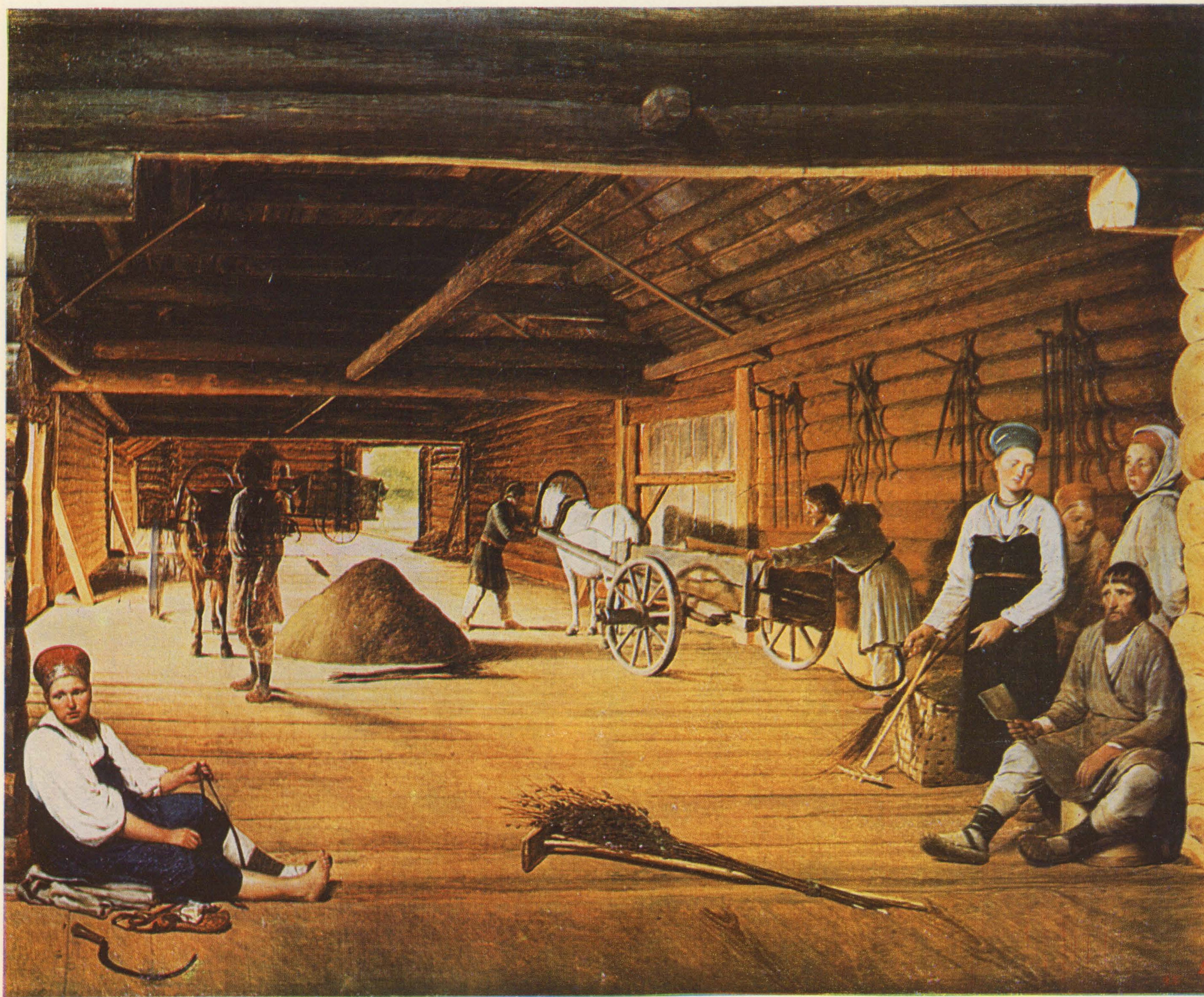
То, что такая опасность существует, что она реальна, подтверждает письмо из Харькова, которое подписали более десяти наших читателей: «Однажды мы услышали пальбу — это было около одиннадцати часов утра. Оказалось, что отстреливают собак по вызову домового комитета дома 55-б на Павловском поле. Член домового комитета руководила операцией с балкона — сверху ей было видно, где прятались животные, в какие щели забились. Как выяснилось, за первый день стрельбы не все собаки были уничтожены, осталось еще две, одна из которых была ранена. На следующий день стрельба продолжалась. Последнего пса настигли и убили на центральной аллее, когда вокруг было полно людей — взрослых и школьников. Во дворе раненую собаку добили ломом. Другой член домового комитета обратился после этого к стоявшим вокруг детям с издевкой: «Ну, где ваши собачки? Нет ваших собачек». Надо ли после этого думать и гадать, откуда в детях берутся удивляющие нас жестокость, эгоизм, откуда берутся хулиганы, для которых чужое достоинство, а то и чужая жизнь не представляют слишком большой ценности?»

Эту мысль развивает в своем письме Л. Т. Маргулева из Москвы: «Давай повесим собаку!» — услышала я как-то в разговоре мальчишек. Я не могла не подойти к ним, потому что недавно совсем недалеко от этого дома школьники сожгли связанную собаку. Но когда я начала объяснять ребятам, что они затеяли жестокое дело, то натолкнулась на глухую стену непонимания. Они смеялись надо мной, ругались мне вслед и, кажется, были недалеки от того, чтобы запустить в меня чем-нибудь. А ведь каждый ребенок, едва только начнет ходить, с любовью и доверием тянется ручонками ко всему живому, доброжелательность в нем заложена природой. Где, на каких жизненных перекрестках она исчезает, вытесняемая угрюмой озлобленностью?»

Это же волнует читательницу из Астрахани Т. В. Белозерову. «В чем же причина? — спрашивает она.— Не в том ли моральном и бытовом довольстве, к которому стремятся многие, стремятся настойчиво и бездумно, как к некоей высшей и последней истине? И вот, добившись обеспеченности, замкнувшись среди полированных шкафов, хрусталя и ковров, они с настороженностью и опаской смотрят на любое существо, которое может нарушить эту мещанскую гармонию. И не дай бог, ребенок принесет в такую квартиру кошку или собаку — ее тут же безжалостно вышвырнут за дверь, преподав урок жесткой целесообразности, урок бездушия. А ведь дети не только ради забавы тянутся ко всему живому, ко всем этим котятам, щенятам, цыплятам, они тянутся еще и потому, что чувствуют их потребность в защите, чувствуют свою способность защитить их. Моя жизнь уже на закате. Судьбе было угодно сделать так, что я осталась совершенно одна, и не будь рядом со мной бессловесного, но преданного существа, требующе-

А это тоже отклик: героиня очерка «Хорошо бы собаку купить» Марина со своим Джеком.

А. Венецианов. 1780—1847. ГУМНО. 1821—1822.

Государственный Русский музей.

В. Тропинин. 1776—1857. ПОРТРЕТ П. М. ВАСИЛЬЕВА С ГИТАРОЙ. 1836.

Государственный Русский музей.

го заботы и внимания, моя жизнь превратилась бы в некое эгоистическое прозябание».

Многие читатели, откликнувшиеся на очерк «Хорошо бы собаку купить», пишут о том, что животные в их доме делают жизнь содержательнее, интереснее, что дети, которые каждый день имеют возможность общаться с теми же кошками, собаками, вырастают с бо́льшим чувством ответственности, доброты, уважения ко всему живому, в их характере ярче, четче проявляются заботливость, чувство собственного достоинства, ощущение причастности к делам взрослых.

Не могу не привести здесь печальную историю, рассказанную Валентиной Григорьевной Богдановой из Ленинграда. «Впервые за свои 56 лет взялась за перо, чтобы написать в редакцию. Вот уже больше четверти века я читаю «Огонек», но не могла сдержаться, чтобы не откликнуться на очерк «Хорошо бы собаку купить». Дело в том, что десять лет назад нам пришлось пережить прощание с добрым и умным другом — собакой Выогой. Когда старшей дочери исполнилось двенадцать лет, мы подарили ей щенка овчарки. Семья у нас большая, и заботились о щенке все, но больше всего, конечно, дочь. Но случилась беда — девочка попала в автомобильную катастрофу, долго лежала в больнице. Мне пришлось днями дежурить у ее постели, младшие уходили в школу, собака оставалась одна. И мы на семейном совете, прямо в больнице, решили, что будет лучше, если отдадим ее. Покупателей было вдосталь, но мы не продали Выогу, опасаясь, что ее посадят на цепь сторожить сад или сарай. Решили через клуб собаководства отдать ее в воинскую часть. И вот пришел солдат забирать нашу собаку. Вы бы видели ее глаза! Я не боюсь показаться смешной, когда говорю, что не могу и поныне забыть собачьих слез, да и наших тоже. Вот уже десять лет прошло, а боль в сердце и поныне. Через полтора года, когда наша дочь поправилась, мы решили взять собаку обратно. Но оказалось, что она умерла вскорости после того, как мы отдали ее. Нам рассказывали, что она отказывалась от пищи, что так и не привыкла к новой обстановке, к новым людям...»

Однако пришло немало писем, в которых читатели подходят к проблеме с более деловой точки зрения. Пишут о большом количестве бездомных собак, о том, откуда они берутся, с возмущением и негодованием пишут, что многие заводят собак, следуя моде, нередко выбрасывают за дверь одного пса, чтобы завести другого, более породистого, более модного,— и о таком случае написали нам. В некоторых письмах остро ставится вопрос о необходимости строгого наказания за истязания животных, о необходимости принятия соответствующего закона. Клуб служебного собаководства из Симферополя прислал даже выписку из протокола конференции клуба, на которой в присутствии более ста делегатов был зачитан очерк «Хорошо бы собаку купить». Делегаты конференции постановили направить письмо в редакцию с просьбой обсудить возможность принятия Указа о наказании за жестокое обращение с животными и ходатайствовать о разработке единых правил содержания домашних животных, обязать местные Советы народных депутатов выделять площадки для выгула и дрессировки собак.

К выработке правил содержания животных, к принятию строгих мер по наказанию тех, кто истязает животных, пренебрегает моралью нашего общества, призывает и читательница из Тбилиси И. И. Сулава: «Мне уже сорок три года, я мать двоих взрослых сыновей... Своих детей я всегда учила любви к «братьям нашим меньшим» и не для того, чтобы извлекать из этого пользу, выгоду, нет,— чтобы сделать их души добрыми и участливыми, потому что я уверена: то, как они будут относиться к животным, неизбежно скажется на их взаимоотношениях с людьми. За свою жизнь я убеждалась в этом много раз. Мы часто толкуем о гуманном отношении к животным, но, как мне кажется, пора применять решительные законодательные меры к истязателям. Может быть, нужно наказывать их штрафами, может быть, в уголовном порядке, но что-то делать надо».

Подтверждая необходимость законодательных мер, читатели очень часто приходят к выводу, что жестокое обращение с животными — это сознательный вызов обществу, его ценностям, его морали, циничное пренебрежение общественным мнением. Зачастую подростки, вздергивающие кота в школьном саду, стремятся прежде всего поразить свидетелей своей отчаянностью. И для собственного оправдания тоже находится весьма убедительный у них довод — мы пользу приносим, мы бродячего кота уничтожаем, чтоб заразу не разносил!

Пришли письма и от читателей, которые к собакам и вообще к живности в городе относятся отрицательно. Они рассказывают о многочисленных неудобствах, связанных с содержанием собак, кошек, птиц в домашних условиях, о безответственности некоторых владельцев собак. Ну что ж, такие письма лишний раз подтверждают правильность точки зрения, высказанной на конференции в Симферополе,— необходимо выработать строгие правила содержания живности в городах и строго эти правила соблюдать.

«Считаю статью в журнале глупой,— пишет читательница из Киева.— Ни один чистоплотный человек не станет держать в доме собаку, от нее и дух в доме собачий, и трусит она с себя шерсть — разве это хорошо? Мерзость одна и больше ничего».

Что сказать, наверное, и такая точка зрения имеет право на жизнь, главное только — не считать ее единственно правильной, не судить людей столь категорично, не считать истинным лишь взгляд со своей колокольни. А то вот А. В. Забродин из Волгоградской области идет еще дальше: «Очень легко увлечь ребенка красивой сказкой о доброй, хорошей собаке, внушить мысль о плохих людях, не любящих собак, и тем посеять ростки недоверия к людям...»

Зачем же так, товарищ Забродин! Речь ведь не о том, чтобы противопоставлять собаку и человека, это попросту невозможно! Речь о том, чтобы человек подтверждал свое достоинство действительно значительными делами, мужественными и красивыми поступками, а не издевательством над теми, кто не может оказать ему сопротивления. Речь-то и не о собаках вовсе, неужели вы этого не заметили? Речь о том, как проявляется человек в общении с природой, в частности с собаками. Мне кажется, что человек, поддавший сапогом жалкую дворнягу, вряд ли остановится, чтобы спросить у ребенка, кто его обидел...

Весьма категорически выражается и В. Шевнин из Новосибирска: «Посмотрел я знаменитого Белого Бима и подумал: а стоило ли два с половиной часа мариновать зрителя из-за пса? Стоило ли так настойчиво выжимать слезу сострадания у зрителя? Зачем это сюсюканье, когда у нас человеческих проблем уйма?» И здесь хочется спросить: неужели вы, товарищ Шевнин, не заметили, что и очерк и фильм именно о человеческих проблемах? Когда вы говорите, что «не потащит уважающий себя человек псину в квартиру, поскольку животное есть животное и, кроме срамоты да вони, от них ничего нет»,— вы не только о животных говорите, вы и о себе рассказываете, о своем характере, о своих взглядах на жизнь. Хотите вы того или нет, а рассказываете, и весьма подробно.

Е. Н. Дружкова из Калининграда пишет в своем письме: «Дело не в том, кого убили, дело в том, что все-таки убили. И не только собаку — душу человека растоптали! Я не желаю, чтобы такие изверги жили среди нас, дышали с нами одним воздухом, пользовались одними правами с нами. Я по-настоящему боюсь человека, который может вот так легко, наслаждаясь, убить собаку».

А что же те самые люди, о которых мы говорим, которых осуждаем, и думаем, как с ними дальше быть,— неужели они не прислали ни единого письма? Прислали. Откликнулись. Тоже почувствовали себя задетыми. Вот одно из таких писем — из Красноярска пришло. Не будем называть фамилию автора, вдруг он еще изменит свою точку зрения, а впрочем, вряд ли... Единственное, что он предлагает для решения всех проблем,— массовый отстрел. И добавляет: «Не мешало бы не только вашим собакам, но и вам самим дать хорошую взбучку». Случай, описанный в очерке и потрясший многих наших читателей, этот гражданин комментирует коротко: «Хозяева убили свою собаку, они вправе были это сделать, и нечего тут шуметь». Не удовлетворяясь прозой, он решил выразить чувства и вдохновенными стихами — две страницы рифмованных строк приложил к своему письму. «Что придумать, как тут быть, как собак всех утопить? Коли речки близко нет, бросить всех их в туалет. Не кривя, скажу вам чесно, только там собаки место». Привожу эти не больно грамотные строки с единственной целью — показать, что духовный уровень этого человека в полной мере соответствует представлениям наших читателей о подобных гражданах.

В заключение хочу привести выдержку из большого и интересного письма, которое прислала в редакцию заслуженная артистка РСФСР Тамара Макаровна Лягина... Это письмо заслуживает того, чтобы его опубликовать полностью, но недостаток места не позволяет: «Я представить себе иной раз боюсь, что Земля наша вдруг по какой-то причине лишилась бы животного мира, что на ней остались бы только люди. Как им, наверно, стало бы скучно, насколько беднее, суше стала бы их жизнь!.. Я могла бы привести много случаев жестокого обращения с животными, но уверена, что в истоках каждого из них стоит когда-то кем-то сделанное внушение о заразности, вредности животных, и ребенок даже сам не замечает, как от опаски переходит к ненависти, иное отношение его уже раздражает, и он готов из мести убить собаку, которую любит другой человек, как и случилось в очерке «Хорошо бы собаку купить»... Уж коли человек приручил собаку, он и отвечать за нее должен, беречь. Не менее, чем собаке, это нужно самому человеку».

ЛЕТОПИСЕЦ ПРИРОДЫ

— Мы — борцы за охрану природы — должны постараться доказать людям, что дикие животные — это бесценное богатство и украшение нашей планеты, что это идеальный пример общественной собственности всего человечества...

Эти слова принадлежат Бернгарду Гржимеку. Ими он выразил и цель своей жизни и то, что более всего волнует его, ученого с мировым именем, прогрессивного деятеля науки, стойкого поборника охраны природы. 24 апреля Гржимеку исполняется 70 лет. Уже не одно десятилетие люди почтительно величают его «Бремом XX века». Пять раз его сердечно встречали и в Советском Союзе. Нам Б. Гржимек хорошо знаком и по вышедшим в нашей стране многочисленным книгам, и по его выступлениям на страницах журналов и газет, по телевидению в программе «Клуб кинопутешествий», а также по интересному кинофильму «Серенгети не должен умереть»...

Гржимек на протяжении многих лет издает и редактирует журнал «Дас тир» («Животные»). Последние годы он был занят созданием новейшей энциклопедии о животном мире нашей планеты. В выпуске этого 14-томного издания, пришедшего как бы на смену устаревшей энциклопедии А. Брема, принимали участие самые крупные зоологи мира.

— Когда люди попадают в какую-нибудь необитаемую, девственную область земли,— говорит профессор Гржимек, — им часто кажется, что природа там так богата, что из нее можно черпать без устали и без конца. Так думали, например, американцы до конца прошлого столетия. Они поздно «пробудились», а для многих обширных районов и ценных животных — с л и ш к о м поздно. Там, где прежде мирно паслись миллионные стада бизонов, теперь из-за хваленой человеческой «предприимчивости» образовались бескрайние знаменитые... «пыльные пустыни».

Не так давно профессору Гржимеку воздвигнут... крошечный «летающий памятник». Бразильские ученые решили присвоить имя знаменитого зоолога открытому ими новому виду птиц колибри. Еще раньше советский профессор Андрей Григорьевич Банников во время одного из путешествий по Африке обнаружил неизвестную разновидность ящерицы геккона. В честь прославленного немецкого зоолога Банников назвал новый вид рептилии — геккон Гржимека.

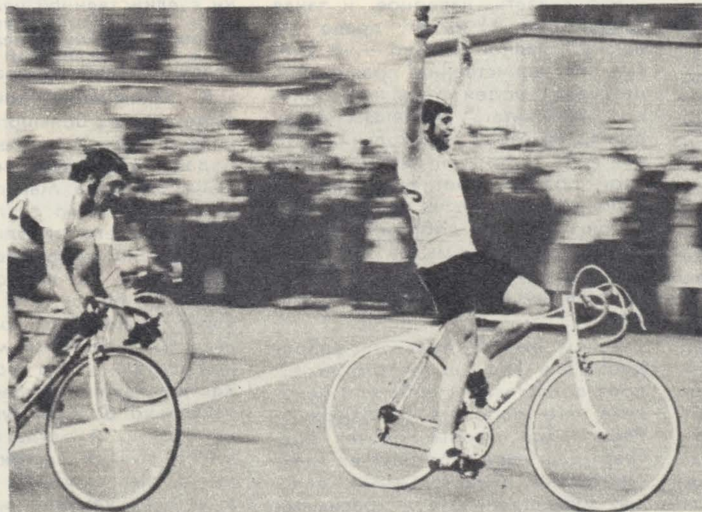
На фотографии, подаренной мне Б. Гржимеком, вы видите его со своим другом, европейским волком. Вот так же рядом с этим улыбающимся человеком могли оказаться слон и сумчатая летяга, гигантский кенгуру и крошечный медведь коала, носорог и ехидна. И еще, пожалуй, тысячи других зверей. Фотография, как и вся жизнь Бернгарда Гржимека, учит нас жить в мире с природой, жить, понимая и доверяя.

Александр ЛОНГИНОВ,
действительный член Московского общества испытателей природы

ГОНЦЫ В

Наш сильнейший шоссейник Аво Пиккуус.

Рамазан Галялетдинов, победитель гонки на 180 километров.

Питание на этапе.

Прокол.

Фото
А. БОЧИНИНА,
специального
корреспондента
«Огонька»

На севере лыжники еще завершали свой долгий сезон, а на сочинском асфальте взяли старт велогонщики — гонцы спортивной весны. На колеса их машин накручены первые сотни километров из тех, что предстоит им пронестись по прямым линиям шоссе и по деревянным овалам треков.

Велосипедный спорт соединяет под одной эмблемой «трековиков» и стайеров, но силы здесь, увы, не равны. На треке, где разыгрываются четыре дистанции — на двести метров, на тысячу и две на четыре тысячи метров, нашим спортсменам в последние годы удавалось добиваться успехов только в гонках преследования на четыре километра. А вот их товарищи шоссейники по праву занимают места среди сильнейших как в командных, так и в групповых соревнованиях. На их счету множество побед и на гонке Мира и на других многодневных соревнованиях. Они трижды завоевывали медали самого высокого ранга в командных гонках: один раз на Олимпийских играх в Монреале, и дважды на чемпионатах мира в Англии и в Венесуэле. А главный тренер по велоспорту Виктор Капитонов стал чемпионом римской Олимпиады в групповой гонке на 175 километров.

Достаточно успешно выступали советские стайеры и на последнем чемпионате мира, который состоялся в августе 1978 года в ФРГ. Там, в острейшей борьбе с голландцами, команда СССР, в которой выступали два прославленных спортсмена Ааво Пиккуус и Владимир Каминский — чемпионы мира и Олимпийских игр и два молодых гонщика — Альгис Гузявичус и Владимир Кузнецов, заняла среди двадцати семи команд второе место. На треке серебряные медали завоевала наша команда, выступавшая в гонке преследования. И вот что интересно: душой этой команды был Владимир Осокин, обладатель двух серебряных медалей на чемпионате мира 1975 года и одной серебряной медали на Олимпийских играх в Монреале,— велосипедист, который славится своими успехами не только в спринте, но и в шоссейных гонках.

Да, не случайно именно шоссейники открыли новый спортивный сезон, и их соревнования в Сочи были не только отборочными для участия в многодневной гонке Мира, но и заявкой для всего большого сезона, который венчает Спартакиада народов СССР.

Равняйтесь на нас, как бы призывают шоссейники спринтеров,—у вас есть еще год, чтобы накопить силы для успешного выступления на Олимпийских играх в Москве.

В. ВИКТОРОВ

ЕСНЫ

Виктор Капитонов, главный тренер по велоспорту.

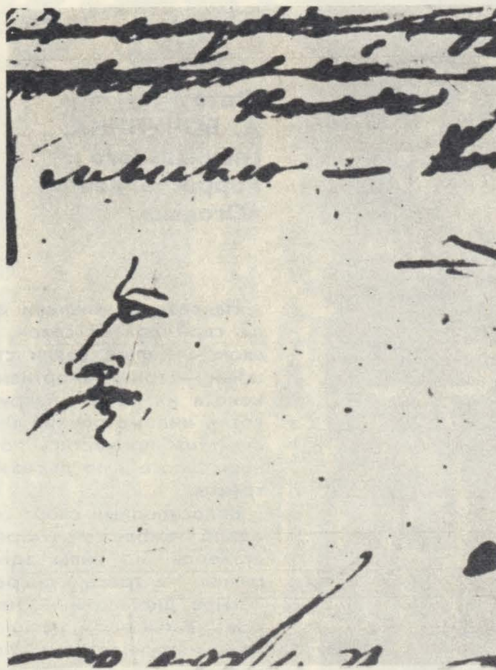

Многодневная гонка завершилась победой Сергея Морозова.

А. Мицкевич.
Портрет В. Ваньковича, 1828 год.

А. Мицкевич. Рисунок А. Пушкина.

НАВСТРЕЧУ 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

страницы минувшего

...ТО САМОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Лариса **КЕРЦЕЛЛИ**

■

«В жизни поэта день на день, минута на минуту не приходятся. Одни мелкие умы... прикрепляясь к какой-нибудь частности, подводят ее под общий знаменатель».

Высказывание принадлежит Петру Андреевичу Вяземскому. Поэту, литератору, критику. Близкому другу Пушкина. Да и сказано это о нем, о Пушкине. И хоть не важно для нас в данном случае, по какому поводу, но важно, что сказано. И важно вот почему.

Весна 1828 года. Для отечественной нашей литературы время это отмечено рождением поэтических произведений, появлением строк, ставших выражением высочайших художественных достижений русской словесности, воплотивших в себе и ее высокие искания и глубокую психологичность, ее совесть, ее нравственность, ее поразительную пластичность,— строк, с особою очевидностью выявивших многосторонность личности и натуры их автора, многогранность его гения, исключительного не только по масштабам художественного дарования.

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Это стихотворение написано Пушкиным 19 мая 1828 года.

Однако «в жизни поэта день на день, минута на минуту не приходятся» — и рядом с драматическим, напряженным до предела «Воспоминанием» на том же листе тетради появляются нежные, легкие строки обращенного к А. А. Олениной стихотворения «Ты и вы»:

Пустое вы сердечным ты
Она обмолвясь заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

...И все же для Пушкина это были «дни» и «минуты» крайне тревожные, беспокойные, напряженные и — вдохновенные. Томительное ожидание, предчувствие новых бед, новых гонений и утеснений сменялось часами любовных томлений и надежд, часами дружеского творческого общения с жившими в ту пору в Петербурге поэтами Адамом Мицкевичем и Александром Грибоедовым, жизнь и судьбы которых так во многом были схожи с судьбою и жизнью его собственной.

«Одни мелкие умы... прикрепляясь к какой-нибудь частности, подводят ее под общий знаменатель...»

Мадригал и медитация, высокая гражданственность и интимная лирика — все это вместе составляло неделимую на «частности» творческую жизнь поэта летом 1828 года — года, быть может, одного из самых трагичных, тревожных и плодотворных во всей его жизни.

В апреле была задумана и начата «Полтава», а незадолго до того все в той же тетради, где записаны «Воспоминание», «Предчувствие», «Полтава», любовная лирика оленинского цикла,— в той же тетради писались и строфы VII главы «Онегина».

16 мая в доме графа Лаваля (отца Е. И. Трубецкой, жены декабриста С. П. Трубецкого, последовавшей за мужем в Сибирь) Пушкин читает перед Мицкевичем, Грибоедовым, Вяземским «Бориса Годунова». «Вчера Пушкин читал свою трагедию у Лаваль,— пишет Вяземский жене своей Вере Федоровне 17 мая из Петербурга.— В слушателях были две княгини Michel, Одоевская-Ланская, Грибоедов, Мицкевич, юноши... Кажется, все были довольны... В трагедии есть красоты первостепенные. Я несколько раз слушал ее со вниманием, и всегда с новым, то есть свежим, удовольствием».

В другом письме Вяземский сообщает жене: «Ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню, в Приютино, верст за 17. Там (нашли) мы и Пушкина...»

Пушкинские черновики лета 1828 года густо насыщены рисунками поэта. Над черновыми строками «Предчувствия» обнаруживаются «вдруг» сделанные его рукою, по всей вероятности одновременно со стихотворным текстом, два замечательных портрета Грибоедова. Глубокая внутренняя связь между появлением строк «Предчувствия» и этими портретами очевидна, и трудно было поверить, что вот есть Грибоедов и нет здесь где-то неподалеку Мицкевича, от которого в эти дни Пушкин, по словам П. А. Вяземского, «был в восторге».

Не всегда, разумеется, наши поиски и надежды увенчиваются успехом. Но Мицкевич нашелся. Нашелся там, где он, по нашему мнению, должен был быть,— в самом близком соседстве с двумя грибоедовскими портретами, в той же самой рабочей тетради, всего лишь двумя листами их далее (П.Д. 838, л. 14 об.), между черновыми строками «Воспоминания» и строками стихотворения «Ты и вы»,— на листе, представляющем собою одно из счастливых исключений в черновиках поэта, где собственноручно поставлены им сразу четыре даты: *18 мая у Княгини Голиц*[*ыной*] *etc; 19 мая* (дата окончания «Воспоминания»); *20 мая 1828 При*[*ютино*] (дата пребывания поэта на даче Олениных и оговорки А. А. Олениной) и, наконец, *23 мая* (дата окончания стихотворения «Ты и вы»).

Рисунок Пушкина, находящийся почти что посредине этого листа[1], представляет собою профильное изображение очень своеобразного утонченного лица его великого друга. Он передает и изящную тонкость и благородство поэтического внешнего облика Мицкевича, характерную удлиненность очень подвижного, артистического лица его, и тот оттенок его меланхолического, по свидетельству Вяземского, выражения, который странным образом сочетался с «веселым складом» его манеры вести себя в обществе.

Разумеется, неоконченный набросок не в состоянии передать всего многообразия впечатлений, производимых на современников обаятельнейшим обликом польского поэта. Но, глядя на уверенно очерченный рисовальщиком Пушкиным профиль его, мы как бы с большею полнотой проникаем в смысл постоянно варьируемого эпитета «вдохновенный», которым так единодушно и щедро награждали своего друга русские поэты — Боратынский, Вяземский, Пушкин.

1828 год был годом не только самых тесных дружеских общений между Пушкиным и Мицкевичем, но и годом их общения литературного, когда оба они отдали, так сказать, чисто профессиональную дань уважения друг к другу: Пушкин — переведя на русский язык начало поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» («Сто лет минуло, как тевтон...»), Мицкевич — переведя на польский стихотворение Пушкина «Воспоминание». То самое «Воспоминание», на одном из черновиков которого запечатлен профиль Мицкевича.

---

[1] Уже после того, как была подготовлена настоящая публикация, мною атрибуирован и другой пушкинский рисунок, расположенный возле профиля Мицкевича. Это портрет близкого друга Пушкина, издателя многих его произведений, Петра Александровича Плетнева — поэта, критика, ученого-словесника, впоследствии ректора Петербургского университета.

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото В. МАНЕШИНА

Пугачев... Одна из самых грандиозных фигур в истории России,— в том неформальном летосчислении нравственной жизни народов России, которая охватывает собою и древнейшую, изначальную их память и в то же время уходит в необозримо далекое будущее. О таком Пугачеве мечтали, таким его задумывали, таким видели режиссер Алексей Салтыков и исполнитель заглавной роли артист Евгений Матвеев. И, надо сразу сказать, именно такого Пугачева увидели мы в картине, созданной студией «Мосфильм» по сценарию Э. Володарского.

В облике Пугачева — без всяких попыток «осовременить» героя — отчетливо просматриваются, пусть еще отрывистые, мучительно бессвязные, как бы незаконченные, но резкие и крупные черты многих героев поколений позднейших, угадывается живая их связь.

Думается, главная удача всех, кто работал над картиной, как раз в том и состоит, что она властно и уверенно вводит нас в эпоху, делая Пугачева не то что «знакомым», но узнаваемым. Мы угадываем в нем верность и тому загадочному, грозному и неоднозначному самозванцу, каким гениально нарисовал его Пушкин, обозначив диалектику, сложность и насыщенность образа Пугачева — не «разбойника» вовсе и не просто сметливого, а талантливого и человечного человека... Вот такое драгоценное чувство невыдуманности исторической и — что еще дороже — верности нравственной, точности психологической возникает, когда смотришь этот новый двухсерийный широкоформатный фильм... Замечу сразу же: две серии, наверное, много для этой картины. Впрочем, подобная догадка возникает лишь в тех сценах, где нет Пугачева... Матвеев все время заставляет нас мыслить, принимать решения и осуществлять их вместе со своим героем. И мы почти физически ощущаем, как гнетет, а порою просто мучает и унижает этого незаурядного человека бремя принятого им на себя царского «звания», которое чуждо ему, более того, отвратительно.

Пугачев весь принадлежит своему народу. Безыскусная, органически-глубинная связь эта выражена режиссурой и артистом мощно, ярко и — это особенно хочется подчеркнуть — неоднопланово. Герой ведь попадает порою в ситуации почти комедийные; попадает, что называется, впросак, не всегда умея оправдать титул точно угаданным поступком, ответом, поведением. Но вот парадокс: даже ошибки, иногда явные, недвусмысленные, не лишают Пугачева — Матвеева ни обаяния, ни величия...

Да, именно величие нравственного облика, величие, растущее от эпизода к эпизоду изнутри, глубинно, душевно,— вот что составляет движущую силу образа Пугачева и всего фильма в целом... Страшно даже подумать, сколько можно было — при желании! — вместить в этот фильм сцен изощренной жестокости: казней, крови, пыток и других надругательств (увы, модных) над зрителем... Но создатели фильма, оставаясь верными истории, высокой правде событий, показывают их, я бы сказала, целомудренно: не уходя от этой правды, но и не оглушая ею. Пугачев Матвеева, как уже сказано, человечен. Он не жесток и не «яростен», он озабочен, деятелен, серьезен, часто печален: он ведь проницает свое будущее, свою судьбу, уготованную ему государыней... Ее холодное бездушие, ее расчетливый обширный ум, ее недюжинную монаршую хватку великолепно сыграла Вия Артмане. Спокойная, красивая, надменная женщина, как же недосягаемо высоко — и как далеко! — стоит она, ее власть, ее сановники над народом; как страшна эта безликая власть и как поэтому безнадежна, безысходна народная жизнь...

Государыня Вии Артмане отлично понимает огромность беды, грозящей не только ей лично, но вообще — трону, вообще — монархии; беда эта именно так и называется: Пугачев, пугачевщина, народный гнев... И — народная любовь к Пугачеву...

Ольга Прохорова в роли Устиньи играет много больше, чем просто женщину любящую, чем просто чувство, неудержимо вспыхнувшее и перешагнувшее через запреты совести. В образе, который создает актриса, ощутимо живет еще и скрытый восторг, душевное поклонение **подвигу Пугачева.** И ведь какую-то долю подвига она берет на себя!.. Подвижничество Устиньи, ее напряженная внутренняя жизнь, как горящая за кадром свеча, дают фильму дополнительный свет, дополнительное звучание, тот лиризм, который тем и хорош, что не «придуман» постановщиком для вящего оживления сюжета, а опять-таки отвечает правде истории...

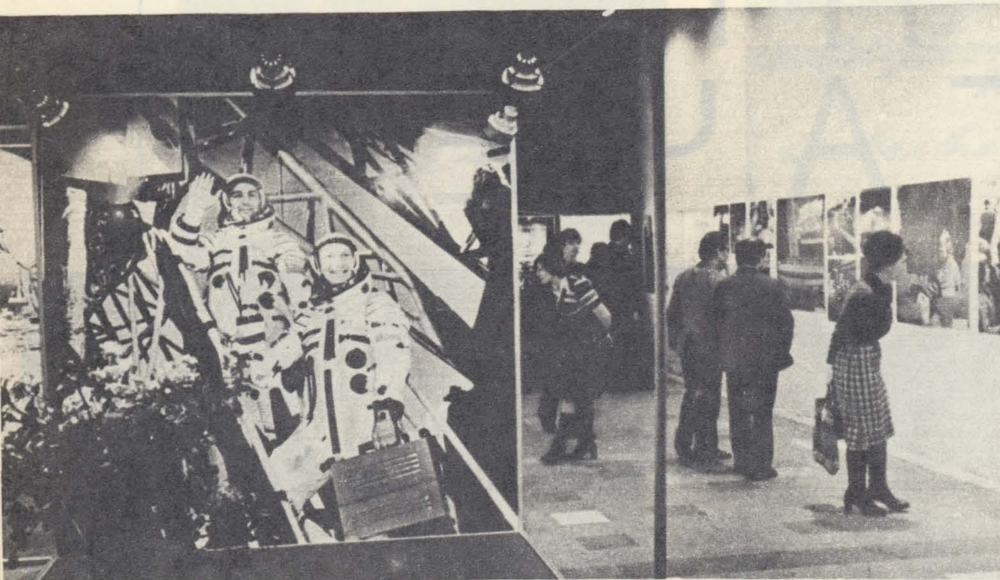
Надо сказать, что А. Салтыков и Е. Матвеев особенно настойчиво стремились добраться до истинности, подлинности событий жизни своего героя и близких ему людей. И эта истинность, неподдельность, мудрая сила правды становятся, пожалуй, самым неотразимым художественным достоинством новой серьезной работы «Мосфильма».

В ГОСТЯХ У ПОЛЬШИ

В зале выставки «Польша. Страна и люди».

Фото Л. Шерстенникова

...Древний Краков и рабочая Лодзь, вечно юная Варшава и город курортов и фестивалей Сопот, панорамы преображенных сел народной Польши и судостроительные верфи Гданьска — такой предстает Польская Народная Республика на фотографиях мастеров Леопольда Дзиковского и Лешека Фидусевича, Марека Гольцмана и Мирослава Висьневского, Яна Морека, Лешека Ложиньского, Станислава Сындомана и многих других репортеров республики. Вместе с журналистами посетители открытой в Центральном выставочном зале Москвы выставки «Польша. Страна и люди» входят в рабочий кабинет известного писателя, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Ярослава Ивашкевича, встречаются с полюбившимися актерами и художниками, проходят по улицам обновленных городов.

Почти тысяча собранных в экспозиции фотографий позволяет воочию представить сегодняшний день братской страны. А разместившаяся в этих же стенах художественная выставка «Реалистическое искусство Польши XVI—XX веков» знакомит зрителя со многими работами известных мастеров, позволяет проследить развитие традиций реалистической живописи от дней глубокой истории до нынешних лет. Наряду с полотнами великого поляка Яна Матейки и такими жемчужинами искусства, как «Портрет Николая Коперника», выполненный неизвестным мастером в шестнадцатом веке, зритель увидит много работ художников, впервые экспонирующихся в нашей столице.

«Ныне советско-польская дружба стала могучим фактором, помогающим нашим народам претворять в жизнь величественные программы строительства коммунизма в СССР и развитого социалистического общества в Польше, выдвинутые XXV съездом КПСС и VII съездом ПОРП». Эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева как нельзя лучше характеризуют дружбу советского и польского народов, раскрывают программу дальнейшего сотрудничества.

...Глубоко символичными представляются снимки, открывающие фотографическую часть экспозиции. Советский солдат и польский воин, прикуривающие от одной спички. Дружба, рожденная в битвах с общим врагом — фашизмом, стала еще крепче, еще плодотворнее. С крупной цветной фотографии, запечатлевшей момент перед стартом, нам улыбаются советский космонавт Петр Климук и первый польский космонавт Мирослав Гермашевский. Новые старты, новые победы и свершения народов — братьев, идущих общей дорогой...

АККОРДЫ НА МЕТАЛЛЕ

В типографию на московской улице Щипок нередко приходят композиторы. Здесь бывали Р. М. Глиэр, Т. Н. Хренников, Р. К. Щедрин. Что делать композитору в типографии?

...С мастером Юрием Петровичем Соколовым идем по цеху. Более тридцати лет назад начал он здесь работать, профессией своей владеет мастерски. Соколов — один из лучших знатоков нотопечатания.

Как выглядят ноты, мы знаем. А вот как их печатают? Какой путь проходит музыкальное сочинение, прежде чем превратится в сложную систему четких линеек и изящных, бегущих знаков?

— Да, печать нот — очень сложное дело, — говорит Юрий Петрович. — Здесь нет второстепенного.

Соколов рассказывает, а я смотрю, как авторская рукопись обретает вид совершенного произведения типографского искусства.

Первая стадия — изготовление нотного оригинала, с которого потом печатается весь тираж. Два основных способа этого сложного производства — нотогравировка и нотографика. Первый способ успешно применял в России еще в XIX веке знаменитый нотопечатник П. И. Юргенсон, который хорошо знал П. И. Чайковского и других наших великих композиторов и был основным издателем их сочинений.

Способ гравировки особенно труден. Нотные знаки выбивают вручную на особых металлических пластинках. Один и тот же гравер работает с оригиналом от начала до конца. Мастеру тут необходим хороший глазомер, виртуозное владение инструментами. Малейшая неточность — и непоправимый брак.

— У нас работают замечательные граверы, — говорит начальник цеха Д. С. Новиков. — Например, Михайлов занимается этим сложным делом чуть менее тридцати пяти лет. Ему поручают изготовление самых ответственных заказов. Для того, чтобы нанести сложнейшие аккорды на металлическую пластинку, нужно не просто умение, нужно искусство.

Но если обычная, традиционная музыка перекладывается на ноты привычно и уверенно, то, скажем, видеомузыкальные произведения еще не полностью освоены на предприятии. Поэтому, когда надо было записать видеосимфоническое произведение Родиона Щедрина, потребовалась особая нотная запись. Мастерам типографии до этого не приходилось работать с такой необычной записью нот. Вместе с В. Михайловым композитор искал форму графического выражения цветомузыки.

В последние годы в типографии начали применять способ нотного набора, используя сложные и совершенные устройства.

А. СТЫКАЛИН

Гравер В. Михайлов.

Фото А. Козьмина

ПОРУКА ТАЛАНТА

Наш корреспондент В. Курляндская обратилась к композитору Эдуарду **КОЛМАНОВСКОМУ** с просьбой рассказать о творческих контактах с Ю. В. Силантьевым — главным дирижером и художественным руководителем эстрадно-симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения.

— Юрий Васильевич Силантьев — явление в нашей музыкальной и культурно-общественной жизни,—сказал Э. Колмановский.— Окончивший Московскую консерваторию с занесением имени на мраморную доску, первоклассный музыкант, он совмещает в себе разнообразные свойства большого художника. Более двадцати лет возглавляет Юрий Васильевич эстрадно-симфонический оркестр. Под его руководством коллектив достиг высокого профессионального и творческого уровня. Широк его диапазон: невозможно представить себе судьбу советской песни без участия оркестра,— и в то же время им блестяще исполняется и классическая музыка: кантаты, симфонии, оперы и оперетты; нельзя не вспомнить виртуозные сочинения для симфоджаза... В репертуаре более десяти тысяч произведений, оркестр, без преувеличения можно сказать, универсален и состоит из прекрасных музыкантов. Общеизвестна его популярность, его всенародное признание. Под руководством Ю. В. Силантьева музыканты с успехом гастролировали в Польше, Чехословакии, Румынии, Финляндии, на Кубе. Оркестр и его руководитель носят звание лауреата премии Ленинского комсомола. Своим большим успехом оркестр обязан художественному руководителю и дирижеру, неутомимому и страстному пропагандисту музыкальной культуры; когда о нем заходит речь, невольно вспоминаешь пушкинскую мысль: добросовестность труда — порука истинного таланта. Исключительная взыскательность, требовательность к себе и к исполнителям сочетаются в нем с удивительной трудоспособностью творческого и организаторского таланта.

Меня связывает с Юрием Васильевичем творческая и человеческая дружба, продолжающаяся почти четверть века. Кажется, все мои сочинения были впервые исполнены под его управлением, и все мы, композиторы, высоко ценим редкостно чуткое отношение Силантьева к интерпретации наших произведений, всегда находим у него дружеское и заботливое отношение к нашей общей работе. Народный артист СССР Ю. В. Силантьев не только дирижер: он сам композитор, чей талант особенно ярко проявился в последние годы; им сочинены «Комсомольская симфония» для детского хора и симфонического оркестра, песни, эстрадные пьесы. Сейчас композитор работает над ораторией «Ленин».

Свои 60 лет музыкант встречает на подъеме; он полон энергии, новых творческих планов.

Фото Е. Умнова

БИЛЕТ ДО ТАМБОВА

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Рано утром меня разбудил телефонный звонок.

— Слушай! — заорал в трубку приятель. — У тебя в Тамбове никаких дел нет?

— В Тамбове? — удивился я.— А ты что, едешь в Тамбов?

— Да нет, — возразил он,— я хочу, чтобы ты поехал.

— Я?!.. Гм... А зачем тебе это нужно? Ты что, хочешь пожить в моей квартире?

— При чем тут квартира? — обиделся приятель.— Я тебе бескорыстно предлагаю, от чистого сердца... Понимаешь, я нашел билет до Тамбова...

— Какой еще билет?

— Железнодорожный.. Ну, и сразу подумал о тебе...

— Почему именно обо мне?

— Ну... ты мой лучший друг... Уважаю я тебя. Люблю, понимаешь? Вот я и подумал: уступлю-ка я его тебе со скидкой. Я ведь знаю, ты только что из отпуска, у тебя сейчас лишних денег нет...

— Нет,— подтвердил я.

— Ну вот, видишь! Значит, три рубля тебе никак не помешают.

— Какие три рубля?!

— А это я тебе такую скидку на билет сделаю...

— Да зачем мне нужен этот билет? Что я буду делать в Тамбове?

— Ну, как что, чудак! Там театр хороший, в позапрошлом году о нем в газете писали, я подшивку поднял. Речка там Цна, купание очень неплохое...

— О чем ты говоришь?! Какое купание в марте? Купальный сезон не раньше июня начнется!

— Ну, ты пока все там разведаешь, а в июне еще раз съездишь, — предложил он. Можешь вместе с семьей...

— Да не поеду я в Тамбов! — разозлился я.— Меня и с работы не отпустят. Я уже отпуск отгулял!

— А ты возьми за свой счет. Подумаешь, всего несколько дней! Когда еще представится такая возможность?..

— А почему ты сам не хочешь ехать? — полюбопытствовал я.

— Да я, понимаешь, только что оттуда вернулся! И тут, как назло, этот билет! Не ехать же теперь обратно...

— Ну, так сдай его в кассу.

— Я уже думал об этом,— жалобно сказал он.— Но там ведь, знаешь, прежде чем деньги за него вернут, номер паспорта спишут. А вдруг потом владелец этого билета найдется, шум поднимет... Не хотелось бы на неприятность из-за ерунды нарываться.

— А ты верни его просто так, бесплатно...

— Кого?! — испуганно спросил он. — Билет?! Да ты что! Что я, ненормальный, что ли, такой случай упускать! В които веки ценную вещь нашел — и вот на тебе, от счастья своего отказываться! Да меня же все последним дураком назовут, если я от такой удачи отвернусь! И ты тоже зря не хочешь воспользоваться! Билет-то, между прочим, купейный...

— Да хоть мягкий! Не поеду — и все тут!

— А может, кто-нибудь из твоих родственников заинтересуется, а? Черт с ними, с деньгами, я бы даже три с полтиной скостил!

— Послушай, что ты ко мне привязался с этим билетом?! — рассвирепел я.— Что, у тебя других знакомых нет?

— Да я уже всех обзвонил,— сознался он.— Никто не хочет. На тебя вся надежда осталась... Так ты, значит, твердо решил не ехать?..

— Абсолютно!

— Ну, тогда прощай! — тяжело вздохнул он. — Больше мне не звони!

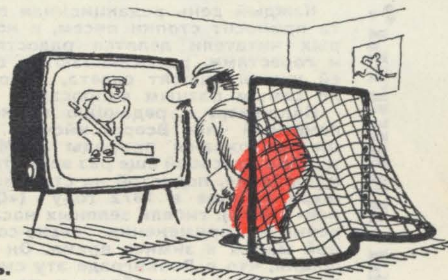
— Ты что, обиделся? — забеспокоился я.

— Почему обиделся. Просто меня дома не будет. Уезжаю...

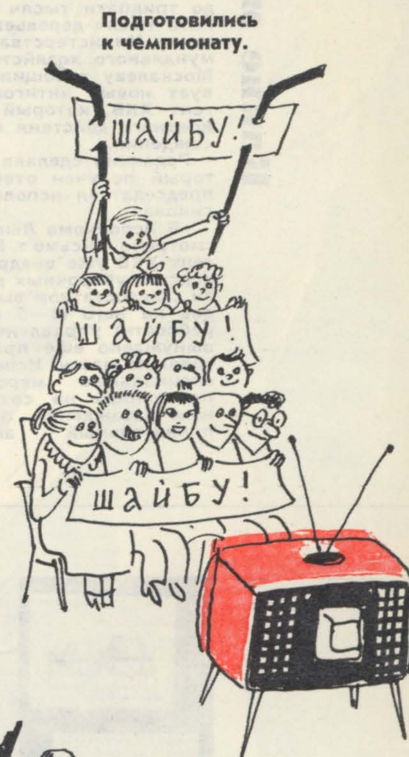
— Уезжаешь? Куда?

— Куда, куда! — проворчал он.— Говорят же тебе, в Тамбов! Неужели ты думаешь, что я упущу такой случай?!.

Вокруг шайбы

Вратарь.

Подготовились к чемпионату.

Сувениры.

Последние приготовления.

Оштрафованный на старте.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

НА СЦЕНЕ—ИМПРОВИЗАЦИЯ

ВОКАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ТРИО В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

Многое из того, что происходило на концерте, было необычно. Необычны песни, исполняемые ансамблем в составе Владимира Щукина, Александра Самойлова и Сергея Рыженко. Необычна форма исполнения, необычны костюмы. К тому же удивляло, с каким удовольствием взрослая аудитория слушала детские песни.

У ансамбля свой яркий, ни на кого не похожий стиль. Молодые артисты не только не идут на поводу у зрителя, оценивающего все по каким-либо ранее полюбившимся образцам, но, наоборот, открывают нам новые возможности исполнения.

Каждому из стихотворений, на которые Володей Щукиным написана музыка, соответствует конкретный сценический образ. У каждой песни своя оригинальная аранжировка: Самойлов играет, кроме основных инструментов — флейты и бонгов, на нескольких десятках разных дуделок, свистелок, трещалок... Так что, если нужно изобразить летящую пчелу — пожалуйста. Тяжелые шаги медвеженка, карканье вороны — извольте. А основу музыкального сопровождения песен задают Володина гитара и Сережина скрипка.

И еще одно качество ансамбля заставляет взрослого зрителя внимательно следить за происходящим на сцене, а детей восторгаться. Это способность к импровизации. Одну и ту же песню можно слушать не раз, находя что-то новое; часто это новое — только что сделанное ансамблем открытие.

Ансамбль не раз выступал на звуковых страницах детского журнала «Колобок», в передачах центрального телевидения «Авгдейка», записал на белорусском телевидении два фильма-концерта.

— Нынешний год — Международный год ребенка,— говорит Александр Самойлов.— Сейчас наш ансамбль много выступает и в концертных залах, и в детских домах, школах, интернатах. И всякий раз стараемся петь и играть так, словно это единственный шанс показать детям, на что мы способны. Поэтому и название нашего ансамбля — «Последний шанс».

С. РУСАКОВ
Фото И. Тункеля

Какие меры приняты?

Каждый день редакционная почта приносит стопки писем, в которых читатели делятся радостями и горестями, рассказывают о своей жизни, просят совета, помощи по самым разным вопросам.

Например, в редакцию написал почетный член Всероссийского общества охраны природы Л. Москалев с просьбой еще раз вернуться к проблеме, поднятой на страницах журнала еще в 1972 году («Огонек» № 14): гибель зеленых насаждений от применения песко-соляной массы в зимнее время. Он сообщил, что в Ленинграде эту смесь продолжают употреблять и, по данным городского треста эксплуатации зеленых насаждений, испорчено более ста гектаров газонов, до тридцати тысяч кустарников и пять тысяч деревьев. В то же время из Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР тов. Москалеву сообщили, что существует новый антигололедный реагент ХКВ, который не оказывает вредного действия на зеленые насаждения.

Редакция сделала запрос, на который получен ответ заместителя председателя исполкома И. А. Носикова:

«В исполкоме Ленгорсовета рассмотрено письмо т. Москалева. Реагент ХКВ уже внедряется в производство уборочных работ. Но в связи с недостатком выделяемых фондов на него (3—5 процентов потребности) управление «Спецтранс» вынуждено еще применять пескосоляную массу. Исполком утвердил специальные мероприятия, направленные на сохранение зеленых насаждений, организован дополнительный агротехнический уход за насаждениями, прилегающими к проезжей части дорог».

К сожалению, иногда ответы, получаемые на запросы редакции, носят формальный характер.

Вот, к примеру, в ответ на жалобу читателя В. Сидорова об отсутствии в продаже достаточного количества электролампочек редакция получила письмо заместителя начальника Союзэлектросбыта Ю. Е. Новоселова:

«План поставок электроламп торгующим организациям выполняется в соответствии с договорами, заключенными на межреспубликанской оптовой ярмарке.

За 11 месяцев 1978 года электроламп в торговлю поставлено 480,0 млн. шт. при плане 475,0 млн. шт.

Минторгу СССР по 1978 году дополнительно оформлено 10 млн. ламп.

Распределение ламп по магазинам зависит от сбытовых организаций Министерства торговли».

Ответ, казалось бы, исчерпывающий, цифры все названы. Не ясно только одно: хватит этого количества ламп для полного удовлетворения спроса покупателей или нет.

Мы привели лишь два примера, два свидетельства разного отношения к жалобам трудящихся. В первом случае мы видим, как сигнал читателя заинтересовал работников исполкома Ленгорсовета, заставил принять конкретные меры к спасению зеленых насаждений.

Что касается второго ответа, то подобного рода отписки редакция будет и впредь выносить на страницы журнала, как говорится, невзирая на лица.

ДАРИТЬ ПРЕКРАСНОЕ

Темный, холодный Ленинград военного времени, блокадное детство, наледь на окнах, перекрещенных серыми полосками. Не тогда ли в сердце мальчика поселилась жажда ярких, праздничных красок, жажда красоты, помогающей людям жить?

Борис Федотов полюбил рисование; потом, когда поступал в архитектурно-художественное училище, комиссия, просмотрев рисунки, зачислила его на отделение альфрейщиков. Маляр-альфрейщик должен уметь воплотить замысел художника, архитектора, передать большим формам тонкость авторского эскиза. Любимый учитель Сергей Сергеевич Крылов, ныне покойный, но по-прежнему глубоко чтимый и часто вспоминаемый, наставлял требовательно, учил чувству меры и чувству цвета, строгости классики. В любом рисунке, говорил он, пусть даже это копия, должна чувствоваться душа мастера.

Закончив училище, Борис получил назначение в Сочи и вот уже тридцать лет живет и работает в городе, который сам — прекрасное творение природы.

Маляр-альфрейщик. Говорят, что эта профессия требует такого мастерства и души, что обычного рабочего разряда здесь не придумаешь, конечно, если относиться к делу так, как Борис Михайлович. А в редкое свободное время он занимается живописью, делает копии своих любимых картин. Сам же и мастерит для них рамы. Копии он пишет с классических образцов; может быть, сказываются уроки учителя С. С. Крылова, может быть, работа альфрейщика подсказала именно это направление. А скорее всего, хочется удержать, оставить рядом прекрасное мгновение, запечатленное в картинах великих художников. Ведь подлинник увидишь лишь в музее, а растиражированная репродукция не передает всего очарования оригинала, воспроизведенного взволнованной рукой. Подарить людям прекрасное — пусть даже только хорошую копию — вот к чему стремится Борис Михайлович. Именно подарить, потому что копии, написанные Федотовым, не удерживаются в его доме — он щедро дарит их знакомым и друзьям. «Жена говорит, что пора и дома что-нибудь оставить»,— смущенно улыбается Борис Михайлович, человек скромный и немногословный.

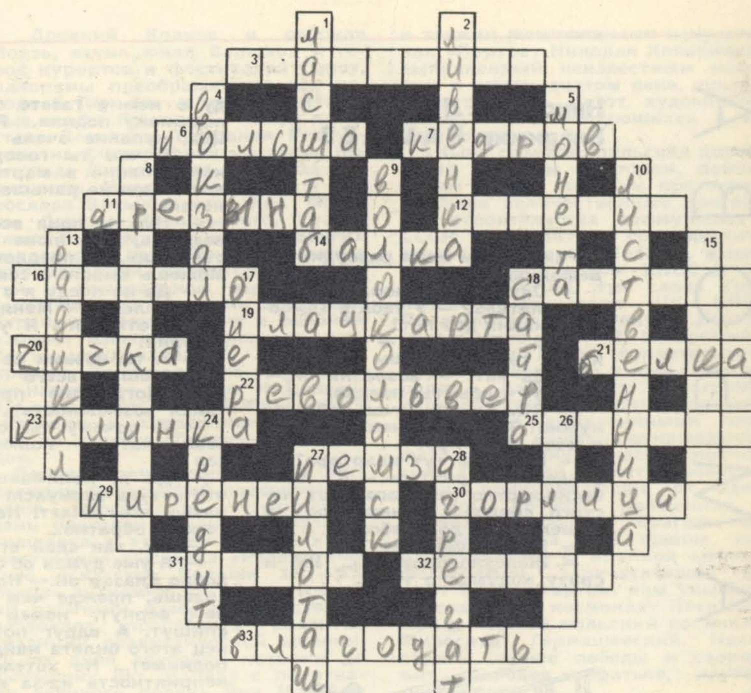
В отделе народного творчества Сочинского выставочного зала экспонируются некоторые его работы. Здесь не только копии с известных произведений живописи. Есть и его пейзажи Подмосковья. Вот, например, полдень бабьего лета, на фоне зелени проблески близкой осени. Все это согрето душевным теплом, все кажется родным и близким: в Подмосковье живут родители Федотова, сюда он приезжает в отпуск, каждый раз унося в сердце чувство отчего дома и щедрую красоту подмосковных просторов.

Сейчас Борис Михайлович хочет сделать копию с одной из картин М. Ю. Лермонтова.

Валентина САAКОВА

Сочи

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Стихотворение А. С. Пушкина. 6. Государство в Европе. 7. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа. 11. Самоходная железнодорожная тележка. 12. Декоративное дерево, кустарник семейства чайных. 14. Строительная конструкция, брус. 16. Действующее лицо оперы В.-А. Моцарта «Свадьба Фигаро». 18. Озеро в Барабинской степи. 19. Проездной железнодорожный документ. 20. Длинная узкая гребная шлюпка. 21. Пушной зверек. 22. Огнестрельное оружие. 23. Русская народная песня. 25. Центр департамента во Франции. 27. Пористая вулканическая порода. 29. Горная система на юго-западе Европы. 30. Дикий голубь. 31. Один из героев романа Л. М. Леонова «Русский лес». 32. Северное созвездие. 33. Гора на Среднем Урале.

По вертикали: 1. Соотношение длины линии с действительными размерами нанесенного на карту. 2. Разновидность гармоники. 4. Станционное здание. 5. Денежный металлический знак. 8. Радиоактивный химический элемент. 9. Старинный город в Подмосковье. 10. Хвойное дерево. 13. Математический знак. 15. Русский архитектор XVIII века. 17. Музыкально-драматическое произведение. 18. Промысловая морская рыба. 24. Продажа товаров с отсрочкой платежа. 26. Рассказ А. П. Чехова. 27. Искусство управления и маневрирования самолетом. 28. Соединение нескольких машин для совместной работы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали: 5. Кутаиси. 6. Уланова. 8. Кубок. 10. Марцинкявичюс. 12. Анималист. 14. Алдан. 15. Ратин. 16. Тулуп. 17. Поэма. 19. «Аптекарша». 21. Вольтижировка. 26. Почин. 27. Афалина. 28. Динамик.

По вертикали: 1. Мицар. 2. Тикси. 3. Жуков. 4. Калач. 5. Кибитка. 7. Аполлон. 9. Букса. 10. Менделеев. 11. Статуэтка. 12. Анапа. 13. Тропа. 16. Терраса. 18. Артишок. 20. Кижуч. 22. Лоция. 23. Топаз. 24. Рондо. 25. Весна.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: коллектив ученых лаборатории высокогорных медико-биологических исследований отдела охраны и рационального использования природных ресурсов Академии наук Таджикской ССР под научным руководством члена-корреспондента АН Таджикской ССР, заслуженного деятеля науки, профессора Я. А. Рахимова на протяжении пяти лет ведет исследования по адаптации человека и животных к большим высотам. Опыты проводятся в горах Центрального Памира, на высотах до семи тысяч метров над уровнем моря.

НА СНИМКЕ: группа научных сотрудников лаборатории (слева направо) — врач О. Астахов, доктор медицинских наук. В. Белкин, лаборантка Э. Бак и врач В. Машков в окрестностях ледника Фортамбек проводят опыт на животных в метаболической камере.

Фото Р. Нетелева (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Б. М. Федотов и его работы. * Уголок Сочи. (См. в номере материал «Дарить прекрасное».)

Фото Н. Козловского

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный—212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 26.03.79. Подписано к печати 10.04.79. А 00647. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1004. Заказ № 409.

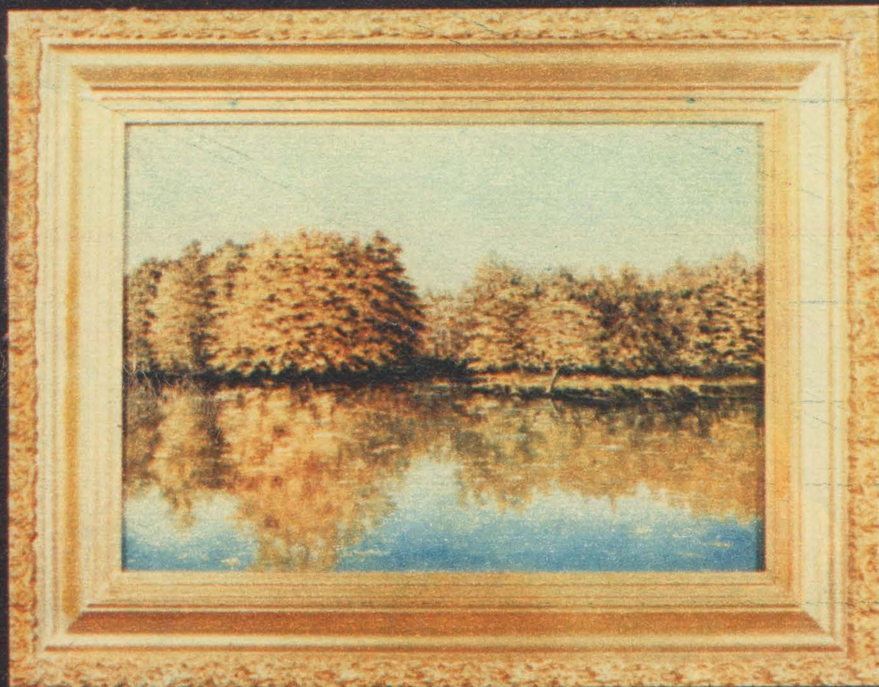
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ТЯЖКИЕ НЫНЧЕ У НАТО ДЕЛА:
ЧЕРНОГО ЛУНСА ОТМЫТЬ ДОБЕЛА.

Рисунок КУКРЫНИКСОВ

Дм. Демин.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663